

**Джеймс Фенимор Купер
Карл Май
Томас Майн Рид
Сын охотника на медведей.
Тропа войны. Зверобой (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109139

*Сын охотника на медведей. Тропа войны. Зверобой (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков;
2015*

ISBN 978-966-14-9744-2, 978-966-14-9740-4, 978-966-14-9743-5

Аннотация

Северная Америка, XIX век. Вождь племени сиу пал в поединке. По обычаю, чтобы дух его успокоился, нужно залить могилу кровью врага... В жертву решено принести знаменитого белого Охотника на Медведей. Мартин, его сын, должен освободить отца из плена! Вместе с вождем племени апачей Виннету он отправляется навстречу невероятным приключениям...

В издание также вошли романы Т. Майна Рида «Тропа войны» и Дж. Фенимора Купера «Зверобой», ставшие классикой приключенческой литературы.

Содержание

Карл Май	5
Глава I	5
Глава II	15
Глава III	27
Глава IV	35
Глава V	49
Глава VI	65
Глава VII	79
Глава VIII	91
Глава IX	110
Конец ознакомительного фрагмента.	130

**Карл Май, Майн Рид,
Джеймс Фенимор Купер
Сын Охотника на Медведей.
Тропа войны. Зверобой (сборник)**

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

Карл Май

Сын охотника на медведей

Глава I

Чуть западнее границы трех североамериканских штатов – Дакоты, Небраски и Вайоминга – неторопливо ехали верхом двое мужчин, появление которых в других, не западных, местах, наверняка привлекло бы всеобщее внимание.

Внешне они отличались, и очень сильно. Один, более шести футов ростом, был страшно худ, а другой, гораздо меньше ростом, был настолько толст, что его тело почти приняло форму шара. Тем не менее лица обоих охотников оказывались примерно на одном уровне: маленький ехал на очень высокой коренастой кобыле, а худой сидел на низком, очевидно, слабом муле. Поэтому кожаные ремешки, которые служили толстяку стремянами, даже не достигали линии брюха его лошади, а длинный в стремях вовсе не нуждался: его ноги свисали почти до самой земли, и при небольшом уклоне тропы то одна нога, то другая касалась земли, не давая выпасть из седла.

Конечно, о настоящем седле здесь можно было только мечтать: толстяку его заменяла шкура убитого волка, на которой еще виднелась шерсть, у худого же вместо седла было старое индейское покрывало, настолько вытертое, что на самом деле он сидел прямо на спине мула. Уже одно это говорило о том, что двое оставили позади долгий и трудный путь. А костюмы их, запыленные и донельзя выношенные, только подтверждали это предположение.

Длинный носил кожаные брюки, которые, это было отлично видно, были скроены и пошиты для более плотного человека. Под постоянным воздействием тепла и холода, засухи и дождей они чрезвычайно скукожились, но, к сожалению, только в длину – нижний край брюк доходил лишь до колен их обладателю. Брюки к тому же лоснились от жира, из-за того что их владелец при любой возможности использовал их как полотенце или салфетку, чтобы протереть всё, чего он не хотел терпеть на руках, но за что был вынужден браться.

Ноги были обуты в кожаные ботинки, с трудом поддающиеся описанию. Они выглядели так, как будто их уже носил Мафусаил и с тех пор каждый новый владелец ставил на них по свежей кожаной латке. Уже невозможно было понять, чистые они или грязные: при взгляде на них рябило в глазах, как после взгляда на солнце.

Тощее тело всадника обтягивала кожаная охотничья рубаша без каких-либо пуговиц и застежек, которая обнажала загорелую грудь. Рукава едва прикрывали локти, обнажая жилистые, слабые руки. Длинная шея долговязого была обернута хлопчатобумажным платком. Каким он был когда-то – белым или черным, зеленым или желтым, красным или синим, – не помнил уже даже сам владелец.

Но в любом случае центральной деталью его костюма была высокая шляпа, плотно сидевшая на его голове. Раньше она была серой и наверняка называлась «ведром», как некоторые молодые люди привыкли называть цилиндр. Может быть, он когда-то в незапамятные времена украшал голову английского лорда, пока рука судьбы не нахлобучила его на голову бедолаги. Цилиндр путешествовал не день и не два, пока наконец не попал в руки охотнику прерий. Но тот явно не обладал таким вкусом, как лорды Старой Англии: посчитав поля лишними, он просто сорвал их. Только впереди оставил один кусок, служивший для глаз защитой от солнца, – за него к тому же удобно было брать в руки этот удивительный головной убор. Кроме того, тощий владелец был уверен, что голове обитателя прерий необхо-

дим свежий воздух, и поэтому он ножом «боуи»¹ проделал несколько отверстий по верху и тулье цилиндра. Теперь уж внутри этого головного убора западный и восточный, северный и южный ветра могли встречаться и говорить друг другу «добрый день».

В качестве ремня он носил довольно толстую веревку, которая несколько раз была обмотана вокруг талии. За нее были заткнуты два револьвера и нож «боуи». Кроме того, на ней висел мешочек для пуль, кисет, сшитый из кошачьих шкурок, мешок для хранения муки, кресало и различные другие предметы, чье предназначение оставалось загадкой для людей непосвященных. С груди свисала, покоясь на поясе, курительная трубка. Изготовил трубку всадник собственноручно, вынув сердцевину из срезанной ветки бузины. Несмотря на то что он уже давненько покусывал свою трубку, мундштук ее еще можно было принять за таковой. Длинный, как и все заядлые курильщики, имел привычку попросту грызть трубку, когда заканчивался табак.

Справедливости ради следует отметить, что костюм его состоял не только из ботинок, штанов, охотничьей рубахи и шляпы. О нет! На нем было надето еще кое-что: резиновый плащ, настоящий американский – из тех, которые садятся на половину первоначальной длины и ширины при первом же дожде. По этой простой причине полностью его надеть он не мог и колоритно повесил на веревочке вокруг плеч, как гусарский ментик. Он также носил лассо, смотанное в несколько витков, мягко свисающее через грудь от левого плеча до правого бедра. Картину завершало ружье, которое охотник держал поперек мула, прямо перед собой, – из тех длинноствольных ружей, из которых опытный охотник всегда точно бьет в цель.

С первого взгляда невозможно было определить, сколько лет этому человеку. Его изможденное лицо было испещрено многочисленными складками и морщинами, но в то же время не утратило выражение юношеского озорства. В каждой морщинке скрывались искорки озорства, а за каждой складкой угадывалось плутовство. Лицо неизвестного было гладко выбрито, несмотря на то что вокруг расстился негостеприимный край, – очень многие «вестмены» старались не изменять данной привычке и гордились этим. Большие небесно-голубые, широко раскрытые глаза окидывали все вокруг тем острым взглядом, который свойственен морякам или жителям бескрайних прерий, но вместе с тем в нем скрывалось нечто по-детски наивное.

Мул, как уже упоминалось, только казался слабым: он с легкостью, иногда даже с охотой, нес тяжелого костлявого всадника, правда порой не повинаясь воле последнего, устраивал короткие забастовки, но всегда оказывался так сильно стиснут длинными ногами хозяина, что быстро отказывался от сопротивления. Эти животные популярны из-за своей выносливости, но также известны своей же склонностью к неповиновению.

Что касается другого всадника, первое, что бросалось в глаза, он был одет в шубу, которую не снимал даже под палящим солнцем. Конечно, когда полы шубы от любого движения распахивались, можно было заметить, что некогда роскошные меха сильно страдают облысением. Лишь местами попадались небольшие островки меха, как редкие оазисы, которые можно встретить в бесконечной пустыне. Воротник и манжеты были так истерты, что некоторые проплешины были размером с блюдце. Из-под шубы по бокам лошади торчали гигантские сапоги с отвернутыми голенищами. На голове человек носил шляпу-панаму, поля которой были настолько широки, что для того чтобы глаза могли видеть, всаднику приходилось сдвигать ее подальше на затылок. Рукава шубы были настолько длинными, что рук совсем не было видно. Единственное, что можно было разглядеть, это лицо всадника. Да, это лицо сто́ит того, чтобы рассмотреть его повнимательнее.

---

¹ Особый тяжелый охотничий нож с одной режущей кромкой, широко распространенный на Западе, изобретение полковника Джеймса Боуи, погибшего в битве за форт Аламо (1836). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Оно было тщательно выбрито, ни малейших следов растительности. Румяные щеки были настолько полны, что все попытки носа как-то протиснуться между ними были обречены на неудачу. То же самое можно было сказать о маленьких темных глазках, которые были скрыты глубоко между бровями и щеками. Его глаза светились добротой и лукавством. В общем, у него на лице было будто написано: «Посмотрите-ка на меня! Я славный малый, и со мной можно всегда легко поладить, если ты храбр и умен, но если это не так, то все будет иначе. Ясно?»

Налетел порыв ветра и слегка распахнул полы шубы. Теперь было видно, что человек одет в синие шерстяные брюки и такую же блузу. Его мощную талию опоясывал кожаный ремень, за который помимо предметов, которые имелись у длинного всадника, был заткнут индейский томагавк. С седла свисали лассо и короткое двустольное ружье «Кентукки», одного взгляда на которое было достаточно, чтобы понять, что оно уже использовалось во многих боях, причем не только для защиты, но и для нападения.

Кто были эти люди? Толстяк был Якобом (Иаковом) Пфефферкорном, а его долговязый спутник носил имя Дэвид Кронерс. Если бы кому-то из вестменов, скваттеров или трапперов назвали эти два имени, они бы сказали, качая головой, что никогда прежде не слышали об этих двух охотниках. И все же это утверждение было бы против истины, ибо они были знаменитыми следопытами, о делах которых в течение многих лет велись рассказы у костров. Не было места от Нью-Йорка до Сан-Франциско и от озер на севере до Мексиканского залива, в котором не звучала бы похвала в адрес этих героев саванны. Конечно, Якобом Пфефферкорном и Дэвидом Кронерсом эти двое звались когда-то давным-давно. В прерии ни белые, ни краснокожие не просят свидетельство о рождении или о крещении, неудивительно поэтому, что каждый, кто оказывался на Западе, быстро обретал прозвище, связанное с важным событием в его жизни, характеризующее какие-нибудь достоинства либо недостатки или просто черты характера, как в нашем случае.

Кронерс, чистокровный янки, стал не кем иным, как «Длинным Дэви». Пфефферкорн родился в Германии, и обращались к нему не по имени, а просто описывая его немалые формы, «Толстяк Джемми». Так произносят имя «Якоб» те, кто говорит по-английски.

Под именами Дэви и Джемми они были широко известны; вы вряд ли повстречали бы человека на Дальнем Западе, который не смог бы рассказать о каком-нибудь их подвиге. Они слыли неразлучными. По крайней мере, не было никого, кто мог бы вспомнить, чтобы когда-либо видел их порознь. Если Толстяка видели у чужого костра, сразу невольно начинали высматривать Длинного. Если же Дэви заходил в магазин, чтобы купить пороху и табаку, ему тут же задавали вопрос, что он возьмет для Джемми.

Точно так же ощущали себя неразлучными оба верховых животных наших вестменов. Большая лошадь, несмотря на жажду, не пила из ручья или реки, если маленький мул не склонял голову к воде вместе с ней, а этот самый мул стоял неподвижно в самой свежей и сочной траве с поднятой головой, пока не подзывал свою более крупную подругу тихим фырканьем, словно шепотом говоря: «Смотри, они устроили привал и жарят филе буйвола; давай и мы сейчас позавтракаем. Наверняка до позднего вечера нам больше ничего не достанется!»

И в чрезвычайных ситуациях они все могли рассчитывать друг на друга. Их хозяева спасали друг другу жизни уже не один десяток раз. Без каких-либо раздумий в момент наибольшей опасности один бросался на выручку другому. Точно так же животные стояли друг за друга, а когда было нужно, то могли не только защититься от врага сильными тяжелыми копытами, но и постоять за хозяев. Все четверо, как люди, так и животные, были просто созданы друг для друга и ни о чем другом не думали.

Таким образом, они двигались сейчас в северном направлении. Утром лошадь и мул получили достаточно воды и сочной травы, а оба охотника подкрепились оленьей ногой, не забыв, конечно, и про воду. Кобыла везла остатки мяса, так что голод охотникам не грозил.

Между тем солнце достигло зенита, а затем медленно стало клониться к западу. Стояла жара, но к вечеру над прерией подул освежающий ветерок, а бескрайний травяной ковер, переплетенный мириадами цветов, местами уже отмеченный коричневым, сгоревшим цветом осени, еще радовал глаз свежей зеленью. Над широкой равниной, как гигантские конусы, то тут, то там возвышались горы. Освещенные падающими косыми лучами солнца, их западные склоны горели и сияли яркими красками, в то время как склоны восточные все отчетливее окрашивались в более глубокие и темные тона.

– Далеко нам еще? – спросил Толстяк, нарушив многочасовое молчание.

– Пока светло, – ответил Длинный.

– Понятно! – улыбнулся тот. – Значит, до лагеря.

– Ага!

Мастер Дэви имел особенность всегда говорить «ага» вместо «да».

Прошло еще какое-то время. Джемми был очень осторожен, стараясь не получить на свой вопрос еще один такой же односложный ответ. Он хитро покосился и стал дожидаться возможности ответить ему тем же. В конце концов затянувшееся молчание стало слишком гнетущим. Он махнул правой рукой в том направлении, в котором они следовали, и спросил:

– Тебе знакомы эти места?

– Конечно!

– Да ну? И что это?

– Америка!

Длинный сердито подтянул свои длинные ноги и поддал мулу. Помедлив, он сказал:

– Бедняга!

– Кто?

– Ты!

– Я?! Но почему?

– Мстительный!

– Вовсе нет. Я всего лишь продолжил так, как ты говорил со мной. Ты мне часто даешь глупые ответы, и я не вижу причин, почему я должен быть остроумным, когда ты спрашиваешь меня о чем-нибудь.

– Остроумным? Шутишь... Ты и остроумие! Ты весь состоишь из плоти, в которой нет места уму.

– Ого! Ты забыл, что я получил образование в Старом Свете?

– Год гимназии? Ну еще бы! Конечно помню. Если и захочу, то не смогу забыть – ты же напоминаешь мне об этом каждый день, по крайней мере, раз тридцать.

– Это просто необходимо. На самом деле я должен об этом сказать сорок или пятьдесят раз в день, ведь у тебя нет ко мне ни капли уважения. Кроме того, я закончил не один класс!

– Нет, целых три.

– Именно!

– А дальше учиться ума не хватило...

– Помолчал бы! Денег не хватило! Имей в виду – ума у меня более чем достаточно. Кроме того, я сразу понял, что ты имеешь в виду. Место, которое я не забуду. Ты помнишь, за теми высотами мы встретились.

– Ага, помню! Плохой тогда выдался день. Я спустил весь свой порох и сиу преследовали меня. Я не мог двигаться дальше, и в конечном итоге они схватили меня. А вот когда наступил вечер, появился ты.

– Да, эти глупцы разожгли такой адски высокий костер, что его наверняка видели даже в Канаде. Я заметил его и подкрался поближе. И тут я вижу, как пятеро сиу связывают белого человека. И что же мне оставалось делать? Я не промахнулся, двоих положил, а трое сбежали – они и понятия не имели, что имеют дело только с одним противником. Вот так ты стал свободен.

– Конечно, я стал свободен, но как же я разозлился на тебя!

– Из-за того, что я не застрелил, а только ранил двоих краснокожих, верно? Но индсмены такие же люди, как мы, и я никогда не убью человека, если в этом не будет крайней необходимости. Я немец, а не людоед!

– А я что, людоед?

– Гм! – проворчал Толстяк. – Нынче ты, конечно, отличаешься от себя прежнего. Тогда ты, как и многие другие, был уверен, что не сможешь победить, если не искоренишь краснокожих, всех до единого. И поверь, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы изменить твои взгляды.

– Да, не спорю – ты непростой немецкий парень. Мягкий, мягкий... как масло. Но потом, если это необходимо, ты становишься твердым, как скала. Вы, немцы, хотите, чтобы все в мире менялось лишь от простого прикосновения вашей руки. И, когда видите, что вам и вашим желаниям будут сопротивляться, вы наконец понимаете, что приходится и нападать, и защищаться! Ты себя ведешь точно так же, как все.

– Я рад, что это так. Посмотри, там, кажется, в траве следы.

Джемми остановил лошадь и указал на скалу, у подножия которой в траве виднелись длинные темные линии.

Дэви тоже остановил мула, прикрыл глаза рукой, осмотрел подножие и пробормотал:

– Заставь меня съесть ружейную пулю, если это не след.

– Я тоже думаю, что это он. Ну что, Дэви, посмотрим поближе?

– Стоит ли говорить о желании, когда это необходимо? В этой древней прерии мы вынуждены рассматривать любой, даже ничего не значащий след. Ты всегда должен знать, кто поджидает тебя впереди или притаился сзади, иначе легко может случиться, что утром не проснешься, если не был внимателен с вечера.

– Тогда вперед!

Они подъехали к скале и спешили, внимательно изучая следы.

– Что скажешь? – спросил Дэви.

– Точно, след! – улыбнулся Толстяк.

– Да уж, яснее ясного – след. Но чей?

– Наверное, лошади...

– Да уж! Это любой ребенок увидит. Неужто ты думаешь, что я увидел след кита?

– Наверняка нет – этим китом мог быть только ты, но я точно знаю, что ты пришел вместе со мной. К тому же этот след кажется очень подозрительным.

– Почему?

– Прежде чем ответить, я хочу рассмотреть его более внимательно: не хочу выглядеть облапошившимся новичком.

Он прыгнул с лошади и опустился на колени. Его кляча остановилась, будто тоже что-то рассматривала в высокой траве и тихо фыркала. Даже мул приблизился, виляя хвостом и шевеля длинными ушами. Он, казалось, тоже рассматривал «подозрительный» след.

– Ну что? – спросил Дэви, решивший, что осмотр слишком затянулся. – Что-то важное?

– Да. Здесь проскакал индеец.

– Ты уверен? Очень интересно... Здесь нет места ни для выпаса скота, ни для охоты. С чего ты взял, что это был индсмен?

– По следам копыт видно, что у лошади индейская выучка.

– Но на ней мог ехать и белый.

– То же самое я говорю себе, но... Но...

Он задумчиво покачал головой и прошел чуть дальше по тропе.

– Подойди сюда! – вдруг воскликнул он. – Смотри: лошадь не была подкована. Кроме того, она очень устала, ее просто вынудили пуститься галопом. Значит, всадник торопился, и очень.

Теперь заинтересовался и Дэви. То, что он услышал, было достаточно важным, чтобы приняться за тщательное расследование. Он подошел к Толстяку, а оба животных посеменили за ним, как будто понимали, что следует сделать именно так. Приблизившись к Джемми, он прошел еще дальше по следу.

– Ба, – произнес он, – лошадь действительно устала: она часто спотыкалась. Чтобы так гнать животное, необходимо иметь очень веские причины. Либо человека за что-то преследуют... либо у него есть другая причина, чтобы так торопиться.

– Скорее второе.

– Почему?

– Как ты думаешь, сколько времени этому следу?

– Часа два примерно.

– Согласен. Тем не менее нет никаких следов преследователя, а тот, кто имеет в запасе целых два часа, не станет до смерти загонять лошадь. Кроме того, здесь очень много скал, он мог бы легко и незаметно сбить преследователей со следа. Разве не так?

– Да. Нам обоим, если подумать, хватило бы преимущества даже в две минуты, чтобы оставить преследователей с носом. Так что я с тобой согласен. Тем не менее человек куда-то спешил. Но вот куда?

– Думаю, его цель где-то поблизости.

Длинный посмотрел на Толстяка с удивлением.

– Кажется, сегодня ты стал провидцем.

– Чтобы догадаться об этом, не требуется никаких особых свойств, нужно только немного подумать.

– Так-так! Я вот думаю... думаю об этом, но только все напрасно.

– Неудивительно...

– Почему?

– Ты слишком длинный. Пока до тебя дойдет, что здесь и к чему, могут пройти и тысячелетия. Уверяю тебя, чтобы понять цель этой скачки, далеко ходить не надо, иначе бы он пощадил своего коня.

– Так! Насчет причин скачки согласен, но вот сути понять не могу.

– Попробую объяснить. Если бы человеку предстояло проехать еще день верхом, животное для такой поездки оказалось бы слишком усталым, значит, он непременно дал бы отдохнуть ему хоть пару часов и только потом наверстал бы упущенное. Но он знает, что место, куда он хочет попасть, расположено неподалеку отсюда, и потому решает, что сможет добраться туда еще сегодня, несмотря на усталость лошади.

– Слушай, старина Джемми, все, что ты сказал, звучит очень разумно. Я снова с тобой соглашусь.

– Похвала совершенно лишняя. – Глаза Толстяка довольно блеснули. – К любому, кто бродил, спотыкаясь, по саванне почти тридцать лет, могут иногда приходиться в голову умные мысли. Хотя пока мы знаем не больше, чем прежде. Где то место, куда стремился краснокожий? Вот что надо бы понять! Этот человек – скорее всего, чей-то гонец, а весть его очень важна. Этот индсмен, скорее всего, просто связной у краснокожих; я уверен, что и другие индейцы тут неподалеку.

Длинный Дэви присвистнул, а его взгляд задумчиво блуждал по траве.

– Проклятье, – прорычал он. – Парень идет от индейцев и спешит к индейцам. Стало быть, мы где-то между ними, но не знаем, где именно они шляются. Тут легко можно столкнуться лоб в лоб с какой-нибудь шайкой и увидеть наши драгоценные скальпы на местной ярмарке.

– Нам, конечно, надо держать ухо востро. Но есть простой способ прояснить ситуацию.

– Идти по следу? – усмехнулся Дэви.

– Да, – кивнул Толстяк.

– Верно! Мы знаем, что они впереди нас, а они не имеют о нас ни малейшего представления; так что у нас большое преимущество. Мое мнение таково: мы следуем за индсменом, тем более что его путь едва ли расходится с нашим. Интересно, из какого он племени?

– Мне тоже. Но вряд ли мы угадаем. Чуть дальше, в северной Монтане, обитают черноногие, пиганы² и другие племена. Они вряд ли забредут сюда. В излучине Миссури стоят рикареи, но и они вряд ли станут что-нибудь искать здесь. А может, сиу? Гм! Неужели ты слышал, что они снова откопали топор войны?

– Нет.

– Вот давай не будем сейчас ломать над этим голову; но все же надо быть поосторожнее. Позади Норт-Платт, если ты вспомнишь о нашей последней прогулке. Мы находимся в тех местах, которые нам хорошо известны, и если не натворим явных глупостей, то с нами ничего не случится. Поехали!

Они снова сели в седла и направились по следу, сохраняя его в поле зрения, всматриваясь внимательно вперед и оглядываясь по сторонам, чтобы вовремя заметить что-либо враждебное.

Так прошел час. Солнце уходило все ниже и ниже. Ветер становился все сильнее, дневная жара быстро ушла. Вскоре они увидели, что лошадь индейца перешла на шаг. На одной из рытвин животное, похоже, споткнулось и припало на колени. Джемми здесь остановился, соскользнул вниз и осмотрел место.

– Да, это индсмен, – произнес он. – Он соскочил с коня. Его мокасины украшены иглами дикобраза. Вот валяется кусочек иглы. А вот... Ого, парень должно быть, совсем молодой.

– Почему? – подал голос Длинный, который по-прежнему сидел на своем муле.

– Дело в том, что место здесь песчаное и его нога четко отпечаталась. Если это не скво, то...

– Ерунда! Женщина здесь и одна? Нет, этого не может быть.

– Значит, это молодой человек; вероятно, ему не более восемнадцати.

– Уже хуже! Надо поостеречься. Есть племена, которые в разведчики берут очень юных воинов. Поехали!

Они снова поскакали дальше. До сих пор оба следопыта двигались по цветущей прерии, теперь вдруг то тут, то там стали выныривать чахлые кустики, позже сменившиеся довольно густыми зарослями. Вдали, похоже, маячили верхушки деревьев. Вскоре оба оказались у места, где всадник спешил, чтобы дать все же своему животному короткую передышку, и пошел пешком, ведя коня в поводу.

Кусты порой так сильно затрудняли обзор, что следовало быть осторожными вдвойне. Дэви ехал впереди, а Джемми следом. Вдруг он произнес:

– Эй, Длинный, а конь-то был вороной.

– Так! Откуда ты это знаешь?

---

² Черноногие – так называемые «северные черноногие» из Конфедерации черноногих, в которую кроме них входили каина, и «южные черноногие». Конфедерация представляла собой типичных индейцев прерий – охотников на бизонов и коневодов.

– Здесь, на кустах, остались волосы с его хвоста.

– Вот, мы еще что-то узнали. Но не говори так громко! В любой момент мы можем повстречать людей, которые, прежде чем спросить хоть словечко, убьют нас.

– Я этого не боюсь. Наверняка моя лошадь не подведет меня: она фыркает, как только почует врага. Так что можешь быть спокоен!

Длинный Дэви последовал этому приглашению, но уже в следующий миг придержал своего мула.

– Вот черт! – выругался он. – Сейчас точно что-то случится!

Толстяк прищипорил лошадь и, пробравшись сквозь кусты, через несколько шагов оказался на открытом месте.

Перед ним возвышалась одна из конусообразных скал, которых здесь было предостаточно. След привел прямо к ней, обогнул ее, а затем сместился под острым углом вправо. Оба всадника это увидели, но заметили еще кое-что – с другой стороны скалы виднелась еще одна цепочка следов, которая объединилась со следом, по которому они шли.

– Что ты на это скажешь? – задал вопрос Длинный.

– Что за этой скалой стояли лагерем люди, которые последовали за индсменом, как только увидели его.

– Может быть, они уже вернулись!

– Или кто-то остался в лагере... Жди меня здесь, за кустами! Пойду суну нос за угол.

– Остерегись и не сунь его в дуло заряженного ружья, у которого спускают курок!

– Ну-у, это больше напоминает тебя.

Он спешился и отдал Длинному поводья своей клячи, после чего во весь опор понесся вверх по склону.

– Хитрый лис! – довольно пробормотал под нос Дэви. – Ползком потребовалось бы слишком много времени. Никто бы не подумал, что Толстяк может так скакать!

Взобравшись на скалу, Толстяк стал медленно и осторожно подкрадываться к выступу и исчез за ним. Вскоре, однако, он появился и подал Длинному знак, описав рукой дугу.

Дэви отлично понял, что не должен лезть прямо на скалу, а нужно обогнуть ее так, как они ехали сюда – через кусты. Он начал продираться сквозь кусты, пока не достиг новых следов и по ним не пришел к Джемми, ведя за собой животных.

– Что ты на это скажешь? – спросил Толстяк, указывая на место, которое открывалось перед ними.

Здесь явно был лагерь. Несколько железных котелков, кирки и лопаты, кофейная мельница, ступка, маленькие и большие свертки все еще валялись на земле, но следов от костра нигде видно не было.

– Да уж, – ответил Джемми, качая головой. – Так по-домашнему разместиться здесь могли либо очень неосторожные люди, либо просто новички на Западе. Здесь следы, по крайней мере, пятнадцати лошадей, но ни одна из них не была привязана или просто стреножена³. Кажется, среди них было еще и несколько вьючных животных. И все ушли. Но куда? Это какая-то ерунда! Взгреть бы их хорошенько за такие вещи!

– Да, они этого заслуживают. С ничтожным опытом делать на Дальнем Западе нечего! Не каждому, конечно, выпадет счастье поучиться в гимназии...

– Как ты! – с удовольствием поддел приятеля Длинный.

– Ага, как я, – кивнул Толстяк. – Ну, хоть элементарной смекалкой и соображением должен же обладать человек! Думаю, индеец, ничего не подозревая, повернул и, только тут

---

³ Лошади связывают передние ноги так, чтобы они могли делать только маленькие шажки. Это делается только тогда, когда охотники уверены в своей безопасности, в противном случае животных привязывают к деревьям или коротким кольям, которые вбивают в землю.

заметив опасность, предпочел промчаться мимо, вместо того чтобы повернуть назад. За ним и рванули все здешние обитатели.

– Решили его схватить?

– Конечно, иначе зачем его преследовать?! Для нас, кстати, это тоже может закончиться весьма плачевно. Для краснокожих не имеет значения, на кого падет их месть: на истинных виновников или на случайного человека.

– Значит, нужно поторопиться, чтобы предотвратить беду.

– Да, думаю, мы успеем: индсмен не сможет далеко уехать на своей загнанной кляче.

Они снова вскочили в седла и галопом помчались по следам, вправо и влево от которых уходили другие отпечатки, несомненно оставленные выючными лошадьми. Вопреки прогнозу Джемми, оба следопыта вынуждены были преодолеть значительное расстояние по холмистой местности, пока скакавший впереди Толстяк наконец резко не остановил кобылу. Он услышал громкие голоса и молниеносно направил животное в сторону, в кусты, куда за ним последовал и Дэви. Оба прислушались. Впереди в самом деле раздавались чьи-то голоса.

– Это они, точно, – сказал Джемми. – Голоса не приближаются. Значит, они еще не повернули обратно. Может, подслушаем их, Дэви?

– Думаю, да. Только сначала хорошо бы стреножить лошадей.

– Нет, они могут выдать нас, а мы ведь хотим остаться незамеченными. Нам нужно крепко их привязать, чтобы они не смогли ступить ни шагу, пока мы не позволим.

Вот так случилось, что двое неразлучных животных были крепко привязаны к кустам, а затем их хозяева осторожно поползли туда, откуда раздавались голоса. Вскоре они оказались у мелководной речушки или, скорее ручья, окруженного высокими берегами, своей крутизной свидетельствующими о том, что каждую весну здесь проносятся бурные потоки. Русло ручья делало неподалеку большой крюк, внутри петли которого располагались в траве девять человек, напоминавшие бродяг. Среди них, в центре, связанный по рукам и ногам лежал юный индеец, не имевший возможности даже пошевелиться. На другой стороне воды, прямо под высоким берегом, валялась его громко фыркающая лошадь. Бедное животное с истертыми в кровь боками не имело сил даже подняться, не говоря уж о том, чтобы взобраться на берег. Лошади преследователей находились при них.

Эти люди не производили хорошего впечатления. Глядя на них, настоящий вестмен тотчас отметил бы, что видит перед собой типичный образец того самого сброда, с которым на Дальнем Западе разговаривают лишь языком судьи Линча⁴.

Джемми и Дэви присели за кустом и наблюдали за происходящим. Люди переговаривались шепотом друг с другом. Они, вероятно, обсуждали судьбу пленного.

– Как они тебе? – тихо спросил Толстяк, блеснув глазками.

– Так же, как и тебе, – совсем не по вкусу.

– Хочется устроить драку. Жаль бедного краснокожего парня. Как считаешь, из какого он племени?

– Это мне до сих пор не ясно. Он без раскраски, и к тому же не видно никаких племенных тотемов. Однако я уверен, что он не на тропе войны. Берем его под свою защиту?

– Само собой! Не думаю, что он дал им повод обращаться с ним так скверно. Идем, перекинемся с ними парой слов!

– А если они не захотят нас слушать?

– Тогда у нас есть выбор: либо силой, либо хитростью заставить их подчиниться. Меня вовсе не пугают эти типы, но все же знаешь, даже выпущенная трусливым мерзавцем пуля

---

⁴ Судья Линч – плантатор из южных штатов Чарльз Линч, популяризовавший «линчевание» – расправу без суда и следствия.

иногда попадает в цель. Они не должны знать, что мы верхом, и лучше всего, если мы подойдем с другой стороны ручья, чтобы им и в голову не пришло, что мы уже видели их лагерь.

Глава II

Следопыты взяли оружие и стали подкрадываться к ручью, держась на таком расстоянии, чтобы люди не могли их заметить. Затем они по берегу спустились вниз, перепрыгнули через узкий ручей и поднялись наверх по другой стороне. Теперь им пришлось сделать короткий крюк, чтобы выйти в том месте, где на другой стороне реки расположились люди, которых они искали. Оба тут же сделали вид, будто ошарашены встречей с людьми.

– Эй! – заорал Толстяк Джемми не своим голосом. – Что это? А я-то думал, мы одни здесь, в этой благословенной прерии! И вдруг целое собрание! Надеюсь, нам позволят принять в нем участие.

Те, кто лежал в траве, вскочили и обратили свои взоры на вновь прибывших. В первое мгновение показалось, что они неприятно удивлены их появлением, но, рассмотрев самих прибывших и их наряд, весело расхохотались.

– Гром и молния! – произнес тот, который был обвешан целым арсеналом оружия. – Что тут происходит? Здесь в середине лета карнавал или маскарад, и вы в нем принимаете участие?

– Ага! – кивнул Длинный. – Нам как раз не хватает нескольких клоунов, поэтому мы и пришли к вам.

– Тогда вы пришли не по адресу.

– Не верю.

С этими словами Дэви легко перешагнул через ручей своими длинными ногами; еще шаг – и он встал перед говорившим. После этого Толстяк сделал два прыжка и тоже оказался рядом с ним:

– А вот и мы! Добрый день, господа. Нет ли у вас чего-нибудь бодрящего, чтобы горло промочить?

– Вода там, – прозвучал недружелюбный ответ, и говоривший указал на ручей.

– Тьфу! – Толстяк скорчил кислую мину, и его носа совсем не стало видно. – Вы думаете, я изнываю от дикой жажды? Да это и в голову не придет внуку моего деда! Раз у вас нет ничего получше, то можете спокойно возвращаться по домам: здесь, в этой доброй прерии, вам делать нечего!

– А вы, сдается, считаете прерию трактиром?

– Конечно! Жаркое ходит тут прямо под носом. Нужно только поставить его на огонь.

– Вам, похоже, оно идет впрок!

– Само собой! – засмеялся Джемми и с нежностью погладил себя по выглянувшему из шубы животу.

– Да, тебя слишком много, а вот товарища твоего что-то совсем не видно.

– Потому что он получает только половину пайки. Я не могу портить его красоту: он взят в качестве пугала, чтобы никакой медведь или индсмен не вздумали подходить слишком близко. Но, с вашего позволения, мастер, что же привело вас к этому месту? Неужели действительно обилие воды?

– Никто и ничто. Мы сами нашли дорогу.

Его товарищи засмеялись, посчитав такой ответ очень остроумным. Толстяк Джемми, продолжал вполне серьезно:

– В самом деле? Не верю ни единому слову: по вашим физиономиям не скажешь, что вы можете найти дорогу без посторонней помощи.

– А на ваших написано, что вы не нашли бы дорогу, даже если уткнулись бы в нее носом. Вы давно окончили школу?

– Я ее и не посещал, поскольку пока не подхожу под нужные мерки, – с улыбкой ответил Толстяк глупостью на глупость, – но надеюсь наверстать упущенное. Может, благодаря вам смогу выучить кое-какие азы Запада. Хотите быть моим наставником?

– На это у меня нет времени. И вообще у меня есть дела поважнее, чем выколачивать из других дурь.

– Вот как? И что же это за дела?

Толстяк посмотрел вокруг, сделав вид, что только сейчас заметил индейца, а затем продолжил:

– Ого! Пленник, да к тому же краснокожий!

Он отступил, будто испугался одного вида индейца. Мужчины рассмеялись, и тот, кто отвечал до сих пор и, похоже, был их главарем, предостерегающе поднял руку:

– Только не упадите в обморок, сэр. Кто не сталкивался с такими парнями, может легко заработать нервный тик. К такому привыкают постепенно. Подозреваю, вы прежде не сталкивались с индсменами?

– Некоторых ручных, наверное, видели, но этот выглядит совсем диким.

– Правда ваша. Не подходите к нему слишком близко!

– В самом деле? Он же связан!

Джемми хотел подойти к пленнику, но главарь преградил ему путь:

– Держись от него подальше! Он вас не касается. Кроме того, хочу наконец спросить, кто вы такие и что вам от нас нужно?

– Сейчас узнаете. Моего товарища зовут Кронерс, а моя фамилия Пфедферкорн. Мы...

– Пфедферкорн? – прервали Толстяка. – Разве это не немецкая фамилия?

– С вашего позволения, да.

– Идите вы к дьяволу! Я на дух не переношу ваше отребье.

– Дело только в вашем носе, который просто не чувствует прекрасного. А если вы говорите о сброде, то, пожалуй, хотите причесать меня под свою гребенку.

Последние слова Джемми произнес уже совершенно другим тоном, чем начало фразы. Предводитель гневно вскинул брови и почти угрожающе пробормотал:

– Что ты имеешь в виду?

– Правду и ничего более.

– Да что вы себе позволяете? Долой его!

Он потянулся за ножом, который торчал из-за пояса. Джемми сделал пренебрежительный жест рукой и ответил:

– Оставьте свой сапожный тесак, мистер, с ним вы и шагу не ступите. Вы были грубы со мной, а потому и вам не стоит ждать, что я прысну одеколоном, – просто не хочу огорчать фирму Фарина из Кельна на Рейне! Мне и в голову не придет здесь, на Дальнем Западе, в угоду вам нацепить фрак полами вперед или натянуть на ноги лайковые перчатки. Если вы судите о нас по нашей наружности, то по собственной вине идете по ложному пути. Здесь, на Западе, имеет вес не сюртук, а человек, с которым надо обращаться прежде всего учтиво. На ваш вопрос я ответил, а теперь ожидаю от вас ответа, уж очень хочется знать, кто вы.

Присутствующие уставились на него в изумлении: таким тоном, как этот малый, с ними еще никто не разговаривал. Руки многих из них потянулись к поясам с оружием, но решительное поведение Джемми заставило предводителя ответить:

– Меня зовут Уолкер, и этого достаточно. Восемь остальных имен вы все равно не запомните.

– Хорошо, раз вы считаете, что мне не нужно их знать, прекрасно. Вполне достаточно взглянуть на вас одного, чтобы понять, что за люди остальные.

– Эй! Это оскорбление? – завелся Уолкер. – Хотите, чтобы мы взяли в руки оружие?

– Не советую. У нас есть двадцать четыре револьверных выстрела, и, по крайней мере, половину вы получите без промаха, прежде чем сможете направить на нас свои погремушки. Вы считаете нас новичками, но мы таковыми не являемся. Если хотите убедиться, что я говорю правду, то мы не прочь предоставить вам доказательства на этот счет.

Он молниеносно выхватил оба револьвера; Длинный Дэви уже держал в руках свои, а когда Уолкер хотел схватить валявшееся на земле ружье, Джемми предостерег:

– Оставь пистолет в покое! Если ты его коснешься, в тебе остановится моя пуля. Это закон прерий. Кто первым нажал курок, тот и победитель!

Бродяги были настолько неосторожны, что даже не удосужились поднять из травы свои ружья. Но теперь они не отваживались наклониться за ними.

– Дьявольщина! – выругался Уолкер. – Вы ведете себя так, точно хотите сожрать нас!

– Нам это и в голову не приходило, к тому же вы недостаточно аппетитны. Нам от вас ничего не нужно. Мы просто хотим узнать, что сделал этот индеец.

– Тебе это нужно?

– Да. Если вы напали на него безо всякой причины, то и другие белые теперь в опасности – на них может пасть месть его семьи. Итак, почему вы взяли его в плен?

– Потому что нам так захотелось. Он красный мерзавец, и этого достаточно. Больше от меня вы ничего не услышите. Вы не судьи нам, а мы не нашкодившие мальчишки, обязанные давать объяснения своим поступкам.

– Ну что ж, нам этого достаточно. Теперь понятно, что этот человек не давал для вражды ни малейшего повода. Было бы нелишним мне самому его расспросить.

– Спросить его? – Уолкер засмеялся с издевкой, а его спутники с ухмылками переглянулись. – Да он не понимает ни слова по-английски и не ответил нам ни единым звуком.

– Индеец не отвечает своим врагам, когда он связан, а вы наверняка так с ним обращались, что он не сказал бы вам ни слова, даже если бы вы освободили его от пут.

– Порку он получил, это верно.

– Порку? – переспросил Джемми. – Ты в своем уме? Избить индейца! Разве вы не знаете, что подобное оскорбление может быть искуплено только кровью?

– Он захочет нашей крови? Любопытно, как же он ее получит?

– Как только он будет свободен, он с удовольствием это расскажет.

– Он никогда не будет свободен.

– Вы хотите убить его?

– Что мы с ним собираемся делать, вас совершенно не касается! Понятно? Краснокожие должны быть уничтожены все до единого. Все и навсегда! Теперь вы знаете наше решение. Но, раз хотите поговорить с этим типом, прежде чем отчалить отсюда, не стану вам это запрещать. Только учтите: он не поймет ни слова. А профессоров индейской словесности вы не очень-то напоминаете. Поэтому я просто жажду увидеть, как это вы будете вести с ним беседу.

Джемми пренебрежительно пожал плечами и повернулся к индейцу.

Он лежал с полужакрытыми глазами, и по его лицу невозможно было определить, понял ли он хоть слово из разговора. Он был еще молод, как и предполагал Толстяк, может быть, лет восемнадцати. У него были темные, гладкие длинные волосы; по прическе невозможно было понять, к какому племени он принадлежит. Лицо не было расписано, и даже макушка головы не была окрашена ни охрой, ни киноварью. На нем была мягкая кожаная охотничья рубаша и узкие штаны из оленьей кожи, с бахромой на швах. В бахромке не видно было ни одного человеческого волоса: знак того, что этот молодой человек не убил еще ни одного врага. Легкие мокасины были украшены иглами дикобраза, как и подозревал Джемми. Красная ткань вокруг талии была обернута как ремень, не было видно никакого оружия; но на противоположном берегу, где его лежавшая лошадь снова поднялась и при-

нялась с жаждой пить воду из ручья, валялся охотничий нож, а на седле висели обтянутый кожей гремучей змеи колчан и лук, который был сделан из рогов горного барана и, возможно, стоил двух или трех мустангов.

Это простое вооружение служило верным признаком того, что индеец явился отнюдь не с враждебными намерениями. Его лицо по-прежнему не выражало ничего – индсмен был слишком горд, чтобы выказывать чужакам, а тем более врагам, свои чувства. Хотя скулы молодого воина несколько выступали, это нисколько не портило его лица, черты которого были еще по-юношески мягкими. Когда Джемми подошел к нему, парень впервые открыл черные, жгучие, как раскаленные угли, глаза и на охотника упал дружелюбный взгляд. Одновременно индеец попытался пошевелить связанной рукой.

– Мой юный краснокожий брат понимает язык бледнолицых? – спросил охотник.

– Да, – ответил индеец. – Как это понял мой старший белый брат?

– Я прочел понимание в твоих глазах.

– Я слышал, что ты друг краснокожих людей. Я твой брат.

– Скажет ли мой младший брат, есть ли у него имя?

Такой вопрос, обращенный к пожилому индейцу, является серьезным оскорблением, потому что тот, кто не имеет имени, не доказал своего мужества и не может быть принят в воины. Пленник был слишком юн, и Джемми мог позволить себе задать такой вопрос. Тем не менее молодой человек ответил:

– Мой хороший брат думает, что я трус?

– Нет, просто ты еще слишком молод, чтобы быть воином.

– Бледнолицые научили краснокожих умирать молодыми. Мой брат может расстегнуть охотничью рубашку на моей груди, чтобы узнать, что у меня есть имя.

Джемми наклонился и пошарил рукой под рубашкой. Он вытащил три красного цвета пера военного орла.

– Этого не может быть! – воскликнул он. – Ты не можешь быть вождем!

– Нет, – улыбнулся молодой человек. – Но имею право носить перья масиша, ибо меня зовут Вокаде.

Оба эти слова принадлежат языку манданов⁵: первое означает «военный орел», а вторым называют кожу белого бизона. Поскольку белый буйвол встречается крайне редко, то убивший его считается воином, уничтожившим нескольких врагов, и ему дается такое же право носить перья военного орла. Юный индеец убил такого буйвола, за что и получил имя Вокаде.

По существу в этом не было ничего странного; Дэви и Джемми удивил тот факт, что имя было взято из языка манданов. Ведь манданы считались вымершими. Поэтому Толстяк спросил:

– К какому племени принадлежит мой индейский брат?

– Я нумангкаке, а вместе с тем дакота.

«Нумангкаке» – так сами себя называли манданы, а «дакота» – обобщенное название для всех племен сиу.

– Значит, ты был принят дакотами?

– Именно так, как говорит мой белый брат. Брат моей матери был великим вождем Ма-то-то-па. Он носил это имя, потому что убил однажды сразу четырех медведей. Белые люди пришли к нам и принесли с собой оспу. Все мое племя погибло, за исключением тех немногих, которые раньше всех стремились попасть в Страну Вечной Охоты; они вызвали

---

⁵ Манданы – индейское племя языковой семьи сиу, самый известный представитель культуры «степных деревень». Проживали в укрепленных деревнях в верховьях Миссури; жилищами им служили своеобразные «земляные дома». Традиционные занятия – земледелие, охота на бизонов и коневодство.

сиу на бой и были убиты ими. Мой отец, храбрый Ва-ки (Щит) был только ранен и позже вынужден был стать сыном сиу. Так что я дакота, хотя в моем сердце жива память о предках, которых призвал к себе Великий Дух.

– Сиу по ту сторону гор. Как же ты перешел их?

– Я иду не от тех гор, о которых говорит мой брат. Я спустился с высоких гор на западе и должен был принести важное сообщение одному маленькому белому брату.

– Этот белый брат живет здесь неподалеку?

– Да. Откуда это известно моему старшему белому брату?

– Я шел по твоему следу и видел, что ты гнал свою лошадь, как тот, кто близко у цели.

– Ты все правильно понял. Сейчас я был бы уже у цели, но эти бледнолицые преследовали меня; моя лошадь была слишком измученной и не смогла перепрыгнуть эту воду; она упала. Вокаде оказался под ней и потерял сознание, а когда он очнулся, то был связан ремнями.

Скрепя сердце он добавил на языке сиу:

– Они трусы. Девять человек связали мальчика, чья душа на время покинула его! Если бы я мог с ними бороться, то их скальпы теперь принадлежали бы мне.

– Они даже избили тебя!

– Не говори об этом, ибо каждое твое слово пахнет кровью. Мой белый брат освободит меня от плена, и тогда Вокаде разберется с ними по-мужски.

Он сказал это с такой уверенностью, что Толстяк Джемми, улыбнувшись, произнес:

– Разве ты не слышал, что я не могу им указывать?

– О, мой белый брат не боится и сотни таких людей. Каждый из них ваконкана – старуха.

– Думаешь? С чего ты взял, что я их не боюсь?

– У Вокаде широко открыты глаза. Он часто слышал рассказы о двух знаменитых белых охотниках, которых называют Дэви-хонске и Джемми-петаче, он узнал их по описанию и фигурам.

Охотник собирался ответить, но тут Уолкер прервал его:

– Остановись, парень! Мы так не договаривались! Хотя я и позволил тебе поговорить с парнем, но только по-английски. Вашу тарабарщину я не потерплю, черт вас знает, что вы замышляете. Впрочем, нам достаточно знать, что он владеет английским. Вы нам больше не нужны и можете двигать туда, откуда пришли. И, если это не произойдет сейчас же, я подстегну вас!

Взгляд Джемми метнулся к Дэви, а тот подал ему быстрый знак, которого никто не заметил; молниеносного подмигивания Толстяку было достаточно. Длинный повел взглядом в сторону кустов, растущих рядом с ним. Джемми бросил на них короткий, но изучающий взгляд и заметил, что среди ветвей близко к земле торчат два двуствольных ружья. Значит, там с оружием наизготовку лежат два человека! Кто они? Друзья или враги? Но спокойствие Дэви говорило само за себя. Толстяк ответил Уолкеру:

– Хотел бы я знать причину, по которой мне нужно убраться отсюда. У меня таковой нет, может она есть у вас?

– У нас? А нам-то кого здесь опасаться, от кого бежать?

– От тех, кому еще вчера принадлежали эти две лошади. Понятно?

При этих словах он указал на двух темно-рыжих меринов, которые так жались друг к другу, как будто были единым целым.

– Что?! – вскричал Уолкер. – За кого вы нас принимаете? Мы честные проспекторы⁶ и нам надо на ту сторону, в Айдахо, где теперь открыли новые залежи золота.

---

⁶ Золотоискатели (англ. *prospectors*).

– А поскольку вам для этой поездки не хватало лошадей, – продолжил Джемми, – вы походя стали «честными» хорзпилферами⁷. Вам нас не провести!

– Эй, еще слово – и я пристрелю тебя! Мы купили всех этих коней и заплатили за них.

– И где же, мой «честный» мистер Уолкер? – насмешливо протянул Джемми.

– Еще внизу, в Омахе.

– Вот как! И наверное, там же про запас прихватили с собой чистые копыта? Почему эти две гнедые лошади свежи, будто только из дома? Почему у них чистые черные копыта, в то время как остальные ваши загнанные клячи топают в запущенных «шлепанцах»? Я скажу вам: гнедые еще вчера имели другого хозяина, а конокрадство здесь, на Дальнем Западе, карается веревкой.

– Лжец! Клеветник! – проревел Уолкер, наклонившись за своим ружьем.

– Нет, он прав! – раздался голос из кустов. – Вы, жалкие конокрады, получите сейчас по заслугам. Перестреляем их, Мартин!

– Не стреляйте! – прокричал Длинный Дэви. – Поработайте прикладом! Они не стоят того, чтобы тратить на них порох.

Он размахнулся взятым за ствол ружьем и так врезал Уолкеру, что тот упал на землю без сознания. Из кустов выпрыгнули две фигуры – крепкий паренек и пожилой мужчина – и с поднятыми ружьями бросились на уже слегка испуганных «проспекторов».

Джемми склонился и двумя взмахами ножа освободил от веревок Вокаде. Тот вскочил, прыгнул на одного из врагов, схватил его за шиворот, потянул и швырнул его через воду, где валялся его индейский нож. Никто и подумать не мог, что он обладает такой физической силой. Перепрыгнув за ним, правой рукой он схватил нож, опустил на колени возле врага и левой рукой схватил его за волосы на голове. Это оказалось делом одной минуты.

– Спасите, ради бога, помогите! – пронзительно закричал белый от страха перед смертью.

Вокаде поднял нож для смертельного удара. Его сверкающий взгляд упал на искаженное от ужаса лицо врага, и тут же рука с ножом опустилась.

– Ты боишься? – спросил он.

– Да! Пощады, милосердия!

– Скажи, что ты собака!

– Пожалуйста, пожалуйста! Я собака!

– Так оставайся в живых, к своему стыду. Индеец умирает мужественно и безропотно, а ты скулишь и молишь о пощаде. Вокаде не может носить скальп собаки. Ты бил меня, и за это твой скальп должен принадлежать мне, но паршивый пес не может оскорбить красного человека! Иди прочь! Вокаде испытывает к тебе отвращение...

Он дал ему ногой пинка. В следующий миг белый исчез.

Все это произошло быстро, гораздо быстрее, чем мы здесь описали. Уолкер лежал на земле, и рядом с ним еще кто-то; другие поспешно исчезли. Их лошади ускакали следом, остались только две гнедые, которые терлись своими головами о плечи так неожиданно появившихся хозяев.

Мальчику на вид было лет шестнадцать, но благодаря своему крепкому телосложению он выглядел старше. Бледное лицо, белокурые волосы и серо-голубые глаза наводили на мысль о его германском происхождении. Головного убора он не носил и был одет в рубаху и штаны синего цвета из плотной ткани. Из-за его пояса торчала рукоять ножа редкой индейской работы, а охотничья двустволка, которую он сжимал в руке, казалась слишком тяжелой для него. Его щеки покраснели во время короткой схватки, но держался он так спокойно,

---

⁷ Конокрады (англ. *horsepilfers*).

словно подобные сцены для него были вовсе не в диковинку и вообще все это – для него совершенно не редкость.

Его спутник представлял собой странное зрелище. Он был маленьким, худым человеком, чье лицо обрамляла густая, широкая черная борода. Он носил индейские мокасины и кожаные штаны, а кроме того – темно-синий фрак с высокими плечами и буфами и до блеска начищенными медными пуговицами. Этот предмет его гардероба был скроен, пожалуй, в первой четверти прошлого столетия⁸. Именно тогда изготовлялось сукно, которому, как считалось, служить веки вечные. Разумеется, фрак выглядел изношенным; все швы владелец старательно закрасил чернилами, но ни одной дырки нигде не было видно. Ношение подобных доисторических нарядов на Дальнем Западе отнюдь не редкость. Там о человеке судят не по одежке.

На голове маленького человека была надета огромная черная шляпа – «амазонка», которую украшало большое желтое искусственное страусиное перо. Эта красота, несомненно, несколько лет назад принадлежала какой-нибудь леди с Востока, а затем волею капризной судьбы оказалась на Дальнем Западе. Поскольку ее необычайно широкие поля очень хорошо защищали от дождя и солнца, то нынешний владелец не постеснялся использовать ее по истинному назначению. Все вооружение маленького человека состояло только из ружья и ножа. Ремень отсутствовал – верный признак, что тот нынче не на охоте.

Прихрамывая на левую ногу, он прошелся вперед и назад по полю маленькой битвы и посмотрел на некоторые вещи, которые в спешке были оставлены побежденными при побеге. Вокаде оказался первым, кто заметил его хромоту. Он подошел к нему, положил руку ему на плечо и спросил:

– Мой белый брат, возможно, и есть тот охотник, которого бледнолицые называют Хоббл-Фрэнком?

Маленький парень кивнул не без удивления и ответил утвердительно на английском языке. Теперь индеец указал на молодого белого и поинтересовался дальше:

– А это Мартин Бауман, сын известного Мато-пока?

«Мато-пока» – имя, составленное из слов, взятых из языков сиу и юта, и означающее «Охотник на Медведей».

– Да, – ответил тот.

– Значит, вы те, кого я ищу.

– Для чего ты ищешь нас? Быть может, хочешь что-то купить? У нас есть лавка, и мы действительно торгуем всем необходимым для охотников.

– Нет. У меня есть для вас сообщение.

– От кого?

Индеец подумал некоторое время, после чего огляделся, а затем ответил:

– Это неподходящее место для разговора. Ваш вигвам недалеко от этой воды?

– Да. Через час мы будем там.

– Тогда ведите нас к нему. Когда мы сядем у вашего огня, я сообщу все, что должен сказать. Идемте!

Он снова перескочил через воду, перевел через нее обратно своего коня, который, пожалуй, мог теперь выдержать короткий отрезок пути, взлетел ему на спину и поехал вперед, не проверяя, следуют ли за ним остальные.

– Какой быстрый! – произнес маленький человек.

– Может, его язык еще тоньше и длиннее, чем я? – сыронизировал Длинный Дэви. – Любой краснокожий точно знает, что делает. Советую незамедлительно следовать за ним.

– А вы? Что будете делать вы?

---

⁸ Имеется в виду начало XVIII века. Повесть написана в 1887 году.

– Мы поедем с вами. Раз ваш дворец находится так близко, было бы непростительной грубостью с вашей стороны, если бы вы не пригласили нас на один глоток и пару кусков. А поскольку у вас есть лавка со всякой всячиной, то, возможно, мы сможем дать вам заработать несколько долларов.

– Вот как! У вас баксы имеются? – спросил маленький человечек тоном, который не позволял сомневаться, что оба охотника в его глазах походили на кого угодно, но уж точно не на миллионеров.

– Они станут вашими лишь в том случае, если мы захотим сделать покупки. Понятно?

– Ну да, конечно! Но, если мы сейчас уйдем, что будет с парнями, которые украли наших лошадей? Может быть, хотя бы их главарю, этому Уолкеру, оставить что-то в качестве напоминания о нас?

– Нет. Забудьте о нем. Они трусливые воры, которые убегают от ножа «боуи». Если вы и дальше собираетесь иметь с ними дело, то это не делает вам чести. Лошади возвращены вам. Вот и все!

– Если бы вы размахнулись получше, прежде чем свалить его на землю... а так, парень только потерял сознание.

– Я сделал это нарочно. Не очень приятное чувство, что убил человека, которого можно было обезвредить иным способом.

– Ну, правильно, воля ваша. Пошли к вашим лошадям!

– Как? Вы знаете, где наши лошади?

– Конечно. Мы были бы плохими вестменами, если бы не развели обстановку прежде, чем дали бы вам заметить наше присутствие. Когда мы обнаружили, что у нас украли двух лошадей, мы направились по следу воров. К сожалению, мы обнаружили пропажу слишком поздно, поэтому смогли догнать воров только здесь. Лошади пасутся на открытом воздухе, и только вечером мы их забираем. Ну да ладно, пошли!

Он поднялся в седло одного из возвращенных животных. Его юный спутник вскочил на второго. Оба направили животных точно к тому месту, где Джемми и Дэви поначалу прятались в кустах. Бледнолицые охотники также сели в седла, и теперь все четверо отправились по следу индейца, фигура которого маячила впереди. Но юный краснокожий не позволил себя нагнать: он все время старался опережать белых, будто не приблизительно, а точно знал конечный пункт их перехода.

Хромой Фрэнк держался рядом с Толстяком Джемми, к которому, похоже, испытывал симпатию.

– Не соблаговолит ли мастер сказать, что вам действительно нужно в этом краю? – спросил он.

– На самом деле мы направляемся немного дальше, в Монтану, где охота бывает намного удачнее, чем здесь. Там еще встречаются лесные скитальцы и истинные жители саванны, занимающиеся охотой ради охоты. Сейчас зверей чаще всего попросту поголовно истребляют. Горе-охотники травят бедных бизонов, убивая их тысячами только из-за того, что для приводных ремней их кожа годится больше, чем обычная. Это же стыд и позор! Разве нет?

– Ваша правда, мастер. Раньше было совсем по-другому. Как говорится, один на один, то есть охотник бросал дичи честный вызов и боролся за свое пропитание с риском для жизни. А теперь охота – это трусливое убийство из засады и охотники старой школы на грани вымирания. Такие люди, как вы, сейчас уже редкость. Конечно, я не думаю, что у вас так уж много денег, но, должен признаться, ваши имена говорят сами за себя!

– Вы знаете наши имена?

– Конечно.

– Откуда?

– Вокаде назвал их, когда я и Мартин лежали в кустах. Мы всё слышали. На самом деле, вы не очень похожи на вестмена. Ваша талия больше подходит немецкому пекарю или капитану бюргерской гвардии, но...

– Что? – с интересом перебил его Толстяк. – Вы говорите о Германии. Вам она знакома?

– Еще как! Я же немец с головы до ног!

– И я душой и телом!

– Это правда? – спросил Фрэнк и даже приостановил коня. – Фактически я и сам вижу, что правда. Янки с вашими формами просто не может существовать в природе. Я искренне рад, что встретил земляка. Ну-ка, дайте мне вашу руку! Добро пожаловать!

Они до боли пожали друг другу руки. Но тут Толстяк спохватился:

– Только прищпорьте вашу лошадь. Мы не должны здесь задерживаться. Сколько времени вы уже здесь, в Штатах?

– Уже лет двадцать.

– Вы, должно быть, уже и немецкий позабыли?

До сих пор оба говорили по-английски. Услышав вопрос, Фрэнк гордо выпрямился в седле и ответил обиженным тоном:

– Я? Забыл мой родной язык? Тут вы как раз ошиблись! Родился немцем – немцем и умру, ведь в моей крови есть и кровь моего императора. Вы себе хоть примерно представляете, где стояла моя колыбель?

– Нет, конечно. Меня же там не было.

– Ну конечно! Вы должны догадаться по моему произношению, что я выходец из провинции, где говорят на чистейшем немецком.

– Вот как?! И откуда же?

– Конечно из Саксонии! Ясно вам?! Я уже разговаривал с другими немцами, и никого не понимал так хорошо, как понимал немцев, которые родились в Саксонии. Саксония – сердце Германии. Дрезден и Лейпциг – классические города, Саксонская Швейцария также классика, а Зонненштейн... Самый прекрасный и чистейший немецкий можно услышать только между Пирной и Мейсеном. Именно там я и появился на свет. А позже в этом месте началась и моя карьера. Потому что я был помощником лесничего в Морицбурге – весьма известном королевском охотничьем замке с не менее знаменитыми картинами и большими карпами. Я, чтоб вы знали, был официально назначен помощником лесничего с месячным жалованьем в двадцать талеров. Мой лучший друг был местным учителем, с которым я каждый вечер играл в «шестьдесят шесть»⁹, а потом говорил об искусстве и науке. Благодаря ему я овладел совершенно особыми знаниями, а также в первый раз узнал, где находится Америка. В немецком языке мы также хорошо поупражнялись, а потому я точно знаю, что именно в Саксонии без хлопот говорят самым прекрасным синтаксисом. Или вы сомневаетесь в этом? Ого, как скептически вы на меня смотрите!

– Я не спорю, хотя прежде и сам учился в гимназии.

– Как? Это правда? Вы учились в гимназии?

– Да, я тоже деклинировал.

Маленький человек осмотрел его с ног до головы и спросил:

– Деклинировал? Может быть, вы оговорились?

– Нет.

– Ну, тогда эта ваша гимназия не очень-то хороша. Не деклинировал, а декламировал, и не «mensa», а «rensa». Вы декламировали вашу «пензу»¹⁰: быть может, «Проклятие певца»

---

⁹ Карточная игра.

¹⁰ Говоря «rensa» (такого слова в немецком нет), Фрэнк, вероятно, имеет в виду пеан (от греч. *paian* – гимн) – стихотворное восхваление. Читатель сумеет убедиться, что склонный к сочинительству Фрэнк частенько весьма охотно сочетает обычно несочетающиеся слова и выражения.

Хуфеланда или «Вольного стрелка» госпожи Марии Лейневебер¹¹. Только без обид. Каждый знает столько, сколько он может, и не больше; и когда я вижу перед собой немца, то очень ему рад, даже если он не очень умный человек или даже не саксонец. Ну так как? Можем мы быть друзьями?

– Само собой, разумеется! – улыбнулся Толстяк. – Я слышал, что саксонцы добродушные ребята.

– Мы и в самом деле такие! Тут уж ничего не попишешь. Врожденная интеллигентность.

– Но почему вы покинули свой прекрасный дом?

– Именно ради науки и искусства.

– То есть как?

– Это произошло внезапно и следующим образом: как-то вечером в ресторации мы говорили о политике и мировой истории. За столом нас было трое: я, уборщик и ночной сторож. Учитель сидел за другим столом. Я весьма приветливый и общительный человек и сам подсел к уборщику и сторожу, которые были этому весьма рады. В разговоре о мировой истории мы дошли до старого папы Врангеля и вспомнили о его привычке употреблять слово «merschtenteels», в то время он вставлял его при каждом удобном случае. По этому поводу два парня начали спорить со мной о правильном написании, контрпункции и произношении этого слова. Каждый имел на этот счет свое мнение. Я сказал, что оно должно произноситься «mehrschtenteels»; уборщик сказал, что должно быть «mehrschtenteils», а ночной сторож вообще выдал «meistenteels». Постепенно я вошел в раж и разошелся настолько, что мог бы ввязаться в перепалку, доказывая свою правоту руками и ногами, но, как образованный чиновник и гражданин, я приложил все усилия, чтобы сохранить самообладание, и обернулся к своему другу, школьному учителю. Конечно, я был прав, но, может, он был в плохом настроении или на него нашло нечто вроде научного высокомерия, короче говоря, он был не согласен со мной и сказал, что мы все трое не правы. Он утверждал, что в слове «mehrschtentheels» должно быть два «ei». Но я совершенно точно знаю, что в немецком есть только одно слово с двумя «ei», а именно «Reisbrei» – рисовая каша, так что мне стало обидно. Я ни в коем случае не хотел кому-нибудь другому испортить его диалект, но и меня тоже стоит уважать, особенно когда я прав. Но ночной сторож никак не хотел понять этого, он сказал, что я тоже говорю неправильно, а посему я сделал то, что должен был сделать каждый честный человек, – я бросил ему в физию мое оскорбленное самолюбие вместе с пивной кружкой. Тут, конечно, последовали сцены без декораций, а увенчалось все тем, что меня за нарушение общественного порядка и за повреждение части тела привлекли к ответственности в качестве обвиняемого. Меня оштрафовали и отстранили от должности. Это я бы еще стерпел, но то, что из-за моей принципиальности мне вообще отказали в приеме на работу, я не смог пережить – для меня это было уж слишком! Понеся наказание, я потом просто собрался и ушел. А поскольку всё, за что хоть раз берусь, я делаю всегда как следует – соответственно, я и уехал в Америку. Стало быть, только старый Врангель и виноват, собственно, в том, что вы меня сегодня здесь встретили.

– Я очень благодарен ему за это, вы мне очень нравитесь, – заверил Толстяк, дружелюбно кивая.

---

¹¹ Фрэнк путает Кристофа-Вильгельма Хуфеланда (1762–1836) – немецкого врача и видного медицинского просветителя, с Людвигом Уландом (1787–1862) – немецким поэтом-романтиком, драматургом и исследователем литературы, одним из создателей германистики, чья знаменитая баллада «Проклятие певца» была написана в 1814 году. Ошибается Фрэнк и вспомнив «госпожу Марию Лейневебер», поскольку на самом деле первую немецкую романтическую оперу «Вольный стрелок» (1820) сочинил всемирно известный немецкий композитор Карл Мария фон Вебер (1786–1826) – один из главных представителей и основателей романтической школы в музыке.

– Серьезно? Это правда? Я почувствовал то же самое, какую-то скрытую симпатию к вам, а это, разумеется, хорошая основа для дальнейших отношений. Во-первых, вы неплохой парень, во-вторых, я не без этого, и, в-третьих, мы можем стать довольно хорошими друзьями. Мы уже помогли друг другу, а стало быть, связи установлены и осталось только сделать так, чтобы связывающие нас узы крепили и дальше. Надеюсь, вы благосклонно заметите, что я всегда употребляю изысканные выражения, и из этого сможете заключить, что я не окажусь недостойным ваших дружеских чувств. Саксонец всегда щедр, и если меня сегодня захотел бы скальпировать индеец, я учтиво ответил бы ему: «Пожалуйста, потрудитесь любезнейший! Вот мои локоны!»

И Джемми смеясь, добавил:

– А он из вежливости оставил бы вам ваш скальп. Но поговорим сейчас о другом, ваш спутник действительно сын Баумана, знаменитого Охотника на Медведей?

– Да. Бауман – мой компаньон, а его сын, Мартин, называет меня дядей, хотя я единственный ребенок у своих родителей и никогда не был женат. Мы встретились в Сент-Луисе, еще когда золотая лихорадка загнала диггеров в Блек-Хиллс. Мы оба немало заработали и решили вложить свой капитал в магазин, здесь наверху. По крайней мере, это более выгодно, чем добывать золото. И получалось у нас достаточно хорошо. Я взял на себя магазин, а Бауман ходил на охоту, чтобы обеспечить нас провиантом. Чуть позже выяснилось, что здесь нет никакого золота. Диггеры отошли, а мы остались наедине с нашими запасами, магазин не продаем, потому что еще не компенсировали вложенные в него средства. Постепенно мы их распродаем охотникам, которых заносит сюда по воле случая. Последнюю сделку мы провернули две недели назад. Нас посетила небольшая компания, которая хотела пригласить моего компаньона, чтобы тот сопровождал их в Йеллоустоун. Тогда нас посетила маленькая компания, которая хотела нанять моего друга проводить их наверх, к Йеллоустоуну. Ведь именно там нашли полудрагоценные камни, а эти люди оказались гранильщиками. Бауман с готовностью согласился, договорился о достойном гонораре, продал им значительное количество боеприпасов и других полезных вещей, а потом ушел вместе с ними. Теперь в блокадзе я один с его сыном и старым негром, которого мы притащили с собой из Сент-Луиса.

Во время этого сухого сообщения Фрэнк едва заметно использовал свой родной диалект, что конечно же заметил Толстяк Джемми, который привык на все обращать внимание. Он внимательно посмотрел на маленького со стороны и спросил:

– Неужели Бауман знает Йеллоустоун-ривер?

– Он раньше очень часто поднимался вверх по ней.

– Но это очень опасно!

– Сейчас, наверное, нет.

– Вы так думаете? Действительно, с тех пор, как чудом открыли этот район, конгресс Соединенных Штатов послал туда не одну экспедицию, чтобы обмерить местность. Область объявили Национальным парком, но индейцам нет до этого никакого дела. Сейчас там и сям охотятся индейцы племени Змей¹².

– Они же зарыли топор войны.

– А я слышал, что в последнее время они снова его откопали. Ваш друг, конечно, в опасности. Чтобы это сообщить и прибыл сегодня к вам посланник. Я не жду ничего хорошего.

– Но это индеец сиу.

– Однако он медлит с передачей своего сообщения. Это всегда было нехорошим знаком. Хорошие новости никогда не скрывают, и к тому же он сообщил, что родом из Йеллоустоуна.

---

¹² Имеются в виду шошоны.

– Я нагоню его.

Фрэнк пришпорил коня, чтобы догнать Вокаде. Как только тот заметил это, он всадил пятки в бока коня и ринулся вперед. Фрэнк не собирался устраивать гонку, ему пришлось отказаться от намерения перемолвиться с индейцем парой-тройкой слов.

Между тем сын Охотника на Медведей держался рядом с Длинным Дэви. Тот, конечно, не преминул узнать хоть что-нибудь о судьбе его отца, сведения он получил, но, к сожалению, не настолько подробные, как того хотел. Парень был очень сдержан и молчалив.

Наконец ручей повернул за холм и путники увидели бревенчатый дом, расположение которого делало его похожим на небольшой форт. Дом обеспечивал надежную защиту от нападения индейцев.

С трех сторон холм был так крут, что там они не смогли бы подняться. Четвертая сторона была под защитой двухрядного заграждения. Внизу располагалось поле кукурузы и небольшой ухоженный участок с растущим табаком, рядом с которым паслись две лошади. Мартин указал на них и произнес:

– Вон оттуда те негодяи и украли лошадей, когда нас не было дома. Где же запропастился Боб, наш негр?

Он положил два пальца в рот и издал пронзительный свист. Тут же из-за высоких зарослей кукурузы высунулась черная голова, широкие твердые толстые губы обнажили в улыбке два ряда зубов, которыми мог бы гордиться и ягуар, затем показалась исполинская фигура негра. Он держал в руке тяжелую палку и с ухмылкой произнес:

– Боб спрятаться и смотреть. Если негодяи вернутся и захотят украсть еще две других лошади, то они тут и оставят свои головы.

Он с такой легкостью взмахнул палицей, будто это был ивовый прутик. Индейца его присутствие не беспокоило. Он проехал мимо, до доступной для подъема четвертой стороны холма и направился к изгороди. Вскочив на спину своего коня, он перемахнул через забор и исчез за ним.

– Этот redman грубый парень! – проорал негр. – Ехать мимо массер Боб и не сказать «Добрый день», перепрыгивать через забор, а не ждать, пока масса Мартин позволить ему войти. Массер Боб научит его вежливости!

Добродушный черный сам дал себе титул «массер Боб», то бишь мастер или господин Боб. Он был свободным негром и чувствовал себя очень обиженным, что индеец не удосужился поприветствовать его.

– Не вздумай оскорблять его, – предупредил Мартин. – Он наш друг.

– Тогда другое дело. Если redman – друг массы, то его друг и массер Боб. Масса вернул коней? Убил разбойников?

– Нет. Они сбежали. Открывай!

Боб громадными шагами двинулся вперед и легко раздвинул тяжелые створки ворот, словно они были из бумаги. Всадники въехали во двор, и ворота тотчас закрылись за их спинами.

Глава III

В центре стоял четырехугольный блокгауз, хотя и не блокгауз в привычном понимании этого слова: основу постройки не составляли плотно пригнанные древесные стволы. Материалом для нее послужили камни, глина и бруски. Гонты¹³, покрывавшие крышу, в любом случае были не отсюда.

Дверь была открыта. Когда люди вошли, они увидели сидевшего посреди единственной комнаты индейца. Парня, казалось, вовсе не заботило, где сейчас находился его жеребец, которого тем временем завели в загон вместе с остальными животными.

Теперь Мартин и Хромой Фрэнк смогли приветствовать обоих гостей радушными рукопожатиями. Последние же огляделись вокруг. В задней части постройки, похоже, и был магазин, товары в котором почти исчерпались. Несколько прибитых к ножкам крышек от ящиков образовывали стол. Стулья были сколочены в той же манере. В углу были места для сна: они были настолько хороши, что вы бы позавидовали жителям хижины. Они состояли из целого ряда брошенных друг на друга шкур страшного медведя-гризли, который является самым опасным хищником Америки. Если такой взрослый медведь встанет на задние лапы, он станет на два фута выше, чем человек даже очень высокого роста. Того, кто убьет такого медведя, индейцы считают величайшим героем. Белые, вооруженные гораздо лучше индейцев, все же уступают путь этому зверю, потому что он нападает без причины.

На стенах висело различное оружие, военные и охотничьи трофеи, а рядом с камином к деревянным колышкам были прикреплены большие куски мяса.

День клонился к закату, и неясный сумеречный свет проникал в это маленькое жилище без окон только через отверстия в стене, поэтому в хижине было довольно темно.

– Массер Боб разведет огонь, – произнес негр.

Он быстро приволок целую кучу сухих веток и благодаря панку¹⁴ – «огниву прерий» – без хлопот развел в очаге огонь. Трутом для этого «огнива» обычно служит сухая, легко тлеющая труха, добываемая из сердцевин загнивших деревьев.

Гигантская фигура негра ярко освещалась пламенем. Он был одет в свободную одежду из простейшего коленкора и не носил головного убора. На это имелась веская причина: добродушный Боб на самом деле был немного честолобив, он не желал выглядеть как истинный африканец. К огорчению негра, его голову венчала густая поросль коротких кудрей, а поскольку эта прическа, не говоря уже о цвете кожи, бесспорно выдавала его происхождение, он крепко потрудился над тем, чтобы волосы выглядели ухоженными. Он натер всю голову оленьим жиром и сумел заплести неукротимый хаос волос в бесчисленные тонкие косички, ежовыми иглами торчавшие теперь во все стороны. В отблесках огня его прическа приобретала еще более причудливый вид.

До сих пор присутствующие перекинулись лишь несколькими фразами. И вот Хромой Фрэнк обратился к индейцу на английском:

– Мой индейский брат в нашем доме. Мы рады ему, как и вестям, которые он принес.

Краснокожий бросил вокруг испытующий взгляд и ответил:

– Как может говорить Вокаде, если он еще не вдохнул вкуса мира?

И Мартин, сын Охотника на Медведей, снял со стены индейский калумет¹⁵ и набил ее табаком, словно голову чучела. Когда и другие присели рядом с краснокожим, он зажег

---

¹³ Кровельная дощечка, некое подобие деревянной черепицы.

¹⁴ Гнилушка, гнилое дерево (англ. *punk*).

¹⁵ Калумет (калюме) – ритуальная трубка мира, важнейший атрибут при заключении мирных договоров у индейских народов.

трубку, сделал шесть затяжек, выпустил дым вверх, вниз и в направлении четырех сторон света, а потом сказал:

– Вокаде – наш друг, и мы его братья. Он выкурит с нами трубку мира, а затем передаст нам свое послание.

Затем он дал индейцу трубку. Тот торжественно принял ее, встал, сделал тоже шесть затяжек, а затем ответил:

– Вокаде прежде никогда не видел вместе бледнолицего и черного. Он был послан к ним, а они спасли его из плена. Ваши враги – его враги, а друзья будут и их друзьями. Хуг!

Это «Хуг» обозначало у индейцев «да» или «конечно», но использовалось как знак окончательного утверждения или одобрения в конце речи.

Он передал трубку дальше. Пока она всех обходила по кругу, он снова сел и стал ждать, чтобы Боб последним подтвердил нерушимость братства сквозь табачный дым. Он вел себя в этой гостеприимной хижине как старый, опытный вождь, да и Мартин, который был еще совсем юн, ясно дал понять, что в отсутствие своего отца он настоящий хозяин этого дома.

Поэтому, только когда Боб положил трубку, Вокаде начал:

– Знаете ли вы, мои белые братья, большого бледнолицего, которого сиу называют Нон-пай-клама?

– Вы имеете в виду человека по имени Разящая Рука, – уточнил Длинный Дэви? – Видеться мне с ним еще не довелось, но вот слышал о нем, наверное, каждый. Что с ним?

– Он любит краснокожих, хотя и бледнолицый. Его имя Олд Шеттерхэнд, он самый известный следопыт, его пули никогда не пролетают мимо, и даже без оружия, одним кулаком, он свалит сильнейшего врага. Вот почему его и называют Разящая Рука. Он щадит кровь и жизнь своих врагов: он просто ранит их, чтобы лишить способности воевать, и только если его собственная жизнь в опасности, он врага убивает. Несколько зим подряд он охотился в Йеллоустоуне – первый бледнолицый, ступивший на ту землю. Его атаковали сиу-огаллала¹⁶, и он дрался с ними, один против всех. Он стоял на скале. Их пули не долетали до него, а он не стрелял, потому что считает, что все люди братья. Два дня и две ночи они осаждали его. Он вышел к ним и предложил сразиться с любыми тремя из них – они с томагавками, а он без оружия. Он убил всех троих своим кулаком, хотя среди них были Ойткапетаи – Храбрый Бизон, никем до тех пор не побежденный вождь, и Ши-ча-па-та – Злой Огонь – самый сильный воин племени. От скорбного воя дрожали горы, а от плача сотрясались палатки огаллала. Плач по убитым не стих до сих пор – каждый год в день смерти трех воинов он силен особенно. Сейчас шако – седьмой год, и храбрейшие воины племени отправились в путь к Йеллоустоуну, чтобы у могил погибших исполнить песни смерти. Любого белого, встретившегося им на пути, ждет смерть: его привяжут у могил к столбам пыток и заставят медленно умирать в муках, чтобы потом его душа служила духам мертвых воинов.

Вокаде остановился. Мартин вскочил со своего места и крикнул:

– Боб, быстро седлай лошадей! Фрэнк, ты как можно быстрее упакуй боеприпасы и продовольствие, а я пока смажу ружья и заточу ножи!

– Для чего? – удивленно спросил он.

– Разве ты не понял Вокаде? Мой отец был захвачен сиу-огаллала, и его должны убить у столба пыток. Мы должны спасти его. В течение часа мы выезжаем в Йеллоустоун!

– Проклятье! – крикнул Фрэнк, также быстро вскочив на ноги. – Чтоб они пропали, эти краснокожие!

Негр тоже встал, взял палку, которую принес с собой в хижину, и сказал:

– Массер Боб идти с вами! Массер Боб убить всех красных собак огаллала!

Индеец поднял руку и произнес:

---

¹⁶ Огаллала (оглала) – группа племени тетон-дакота.

– Неужели мои белые братья – комары, которые сердито летают вокруг, когда их гоняют? Или они люди, которые знают, что спокойный совет перед любым делом гораздо лучше? Вокаде пока не все сказал.

– Лучше скажи, мой отец в опасности или нет? – призвал Мартин.

– Вы услышите скоро.

– Я требую, чтобы ты сказал об этом немедленно! – взревел мальчик.

Тут вмешался Толстяк Джемми:

– Успокойтесь, мой юный друг! Спешите к тем, кто ждет. Пусть сначала Вокаде закончит свой рассказ, а дальше мы обсудим, когда и как будем действовать.

– Действовать? Вы тоже с нами?

– Это само собой. Мы выкурили калумет и поэтому теперь друзья и братья. Длинный Дэви и Толстяк Джемми никогда не отказывали тем, кто нуждается в их помощи. Мы оба ехали в Монтану, чтобы поохотиться там на буйволов, но, если до этого мы совершим поездку в Йеллоустоун, чтобы станцевать вальс с сиу-огаллала, это будет хорошим делом. Но все должно идти в правильном порядке, в противном случае нам, двум старым охотникам, это не понравится. Итак, снова сядьте и помолчите, как собственно и подобает в этом случае. Наш друг индеец прав: мы люди! Понятно?

– Это верно! – согласился маленький саксонец. – Суетиться никогда не стоит. Надо все обдумать.

После того как все трое снова расселись по местам, юный индеец продолжил:

– Вокаде был воспитан сиу-понка¹⁷, подлинными друзьями бледнолицых. Позже он был вынужден стать огаллала, но он ждал любой возможности, чтобы покинуть их. Теперь он должен был двигаться с их воинами к Йеллоустоуну. Он был там, когда они ворвались ночью к спящим Охотнику на Медведей и его компаньонам. Огаллала должны быть осторожными во время этой поездки, потому что в горах живут шошоны¹⁸, их враги. Вокаде был отправлен шпионить, он должен был высмотреть вигвамы шошонов, но он этого не сделал. Он быстро поскакал на восток к хижине Охотника на Медведей, чтобы сообщить его сыну и его другу, что Охотник пойман.

– Это хорошо, я никогда этого не забуду! – воскликнул Мартин. – Но знает ли об этом мой отец?

– Вокаде сказал ему и получил описание, как можно добраться. Он говорил с Охотником на Медведей тайно, так что ни один сиу не мог заметить его.

– Но они догадаются, если ты не вернешься к ним!

– Нет, они будут уверены, что Вокаде убили шошоны.

– Разве мой отец через тебя не передал конкретные указания для нас?

– Нет, Вокаде должен сказать вам, что он с его товарищами пойман. Теперь мой молодой белый брат сам знает, что он должен делать.

– Конечно, я знаю, что теперь делать! Я отправляюсь сейчас же, чтобы освободить их. Мартин снова хотел вскочить, но Джемми схватил его за руку и удержал.

– Погодите, мой мальчик! Вы хотите лететь во весь дух, чтобы сегодня вечером попасть к индейцам и сразу же попасть на костер? Нужно еще немного подождать, молодой человек! Толстяк Джемми во многом вам поможет, но он не хочет, чтобы его голова пробила стену этого дома. Мы еще не всё знаем. Вокаде может сказать нам, где был захвачен твой отец.

Индеец ответил:

---

¹⁷ Понка – племя языковой семьи сиу, жившее по правому берегу Миссури, к юго-западу от ее низовьев. Ближайшими соседями были пауни и тетон-дакота.

¹⁸ Большое племя юто-ацтекской языковой семьи, к которой принадлежали также пуэбло-хопи, юта, команчи, косо паута, банноки, моно и др. До европейской колонизации жили на территориях современных штатов Юта, Невада, Айдахо и занимались охотой, рыбной ловлей, а позже – конной охотой на бизонов.

– У воды, которую бледнолицые называют рекой Палвер и которая состоит из четырех рукавов. У западного и произошло нападение.

– Хорошо! Это произошло за пределами лагеря Мак-Кинни, южнее ранчо Мерфи. Эти места мне почти неизвестны. Но как такой знаменитый Охотник на Медведей оказался настолько неосторожен, чтобы позволить напасть на себя?

– Охотник спал, а человек, который стоял на вахте, не был вестменом.

– Да, это все объясняет. В каком направлении должны были дальше двигаться огаллала?

– К горам, которые белые называют Большой Рог.

– Значит, к горам Большой Рог. А дальше?

– Они обойдут Голову Злого Духа над...

– А, Дэвилс-Хэд!

– ...над водой, которая берет там начало и впадает в реку Большого Рога. Огаллала слышали, что там находятся их противники шошоны, и Вокаде был отправлен туда, чтобы все разведать. Таким образом, он не знает, куда огаллала последуют дальше.

– В этом нет необходимости. У нас есть глаза, и мы найдем их следы. Когда произошло нападение?

– Прошло четыре дня.

– Да уж! – покачал головой Джемми. – А когда они поминают убитых воинов?

– В ночь Полной Луны. Именно в такую ночь были убиты три воина.

Джемми задумался, а потом произнес:

– Если это так, у нас до сих пор достаточно времени, чтобы добраться до краснокожих. Еще целых двенадцать дней до полнолуния. А сколько огаллала?

– Когда я уехал, их было пять раз по десять и еще шесть.

– То есть пятьдесят шесть воинов. Сколько пленных у них?

– Шестеро вместе с Охотником на Медведей.

– Значит, мы знаем о них достаточно, и теперь можно обсудить, *что* мы намерены делать дальше. В долгих обсуждениях нет нужды. Мартин Бауман, что вы предлагаете делать?

Молодой человек встал со своего места, поднял правую руку, как во время принятия присяги и произнес:

– Я клянусь спасти моего отца или отомстить за его смерть, даже если бы мне пришлось в одиночку преследовать сиу и бороться с ними. Я скорее умру, но сдержу клятву.

– Нет, ты не должен идти один, – немного погодя произнес Хромой Фрэнк. – Конечно, я поеду с тобой и ни в коем случае не оставлю тебя.

– И Боб массажер идти с вами, – сказал негр, – чтобы освободить старый масса Бауман и биться насмерть с сиу-огаллала. Пусть они все горят в аду!

Он сделал при этом такое мрачное лицо и так заскрежетал зубами, что стало страшно.

– И я поеду с вами! – сказал Толстяк Джемми. – С большим удовольствием вырву пленников из рук краснокожих. А ты, Дэви?

– Что за глупый вопрос! – невозмутимо произнес Длинный. – Думаешь, я останусь здесь и буду чинить свои башмаки или молоть кофе, пока вы будете разыгрывать великолепную комедию? А я-то думал, что ты достаточно знаешь своего старого компаньона!

– Ладно тебе, старый енот. Наконец-то подвернулось настоящее дельце. Стрельба по зверью тоже может наскучить. А Вокаде, что будет делать наш краснокожий брат?

Индеец тут же ответил:

– Вокаде – мандан, может, приемный ребенок понка-сиу, но никак не огаллала. Если его белые братья дадут ему пистолет с порохом и пулями, он будет сопровождать их и умрет вместе с ними или победит врагов.

– Молодец, – произнес маленький саксонец. – У тебя будет ружье и все остальное, даже свежая лошадь, потому что у нас есть четыре, а это больше чем нам нужно. Твой конь устал и не может отправиться с нами, пока не выздоровеет. Но когда мы отправляемся, друзья?

– Прямо сейчас! – воскликнул Мартин.

– Хотя мы не должны терять времени, – кивнул Толстяк, – но и спешить нам тоже не стоит. Мы отправимся в путь по местам, бедным водой и дичью, необходимо позаботиться о провианте. Боеприпасов возьмем столько, сколько сможем, это само собой разумеется. В общем, к подобной экспедиции необходимо готовиться со всей осмотрительностью, чтобы ничего не упустить или не забыть. Нас, стоящих здесь, всего шестеро против пятидесяти шести огаллала. Это много значит. И мы не знаем, не задумывают ли против нас какое-нибудь зло те девять конокрадов, которых мы сегодня заставили молить о пощаде. Мы должны убедиться, покинули они эту местность или нет. А что насчет этого дома? Вы собираетесь оставить его без защиты?

– Да, – ответил Мартин.

– Вполне может быть, что по возвращении вы найдете его сожженным или, по крайней мере, разграбленным.

– О последнем мы позаботимся.

Юноша достал кирку и быстро очертил ею на глиняном полу четырехугольник, после чего легко срыл глину. Оказалось, что там под хорошо утрамбованной глиной был скрыт деревянный подвальный люк, ведущий в достаточно просторное углубление, где можно было спрятать все, что они не брали с собой. Если потом снова хорошенько утоптать глину над запертым люком, ни один непосвященный не догадается о существовании этого укрытия. Даже если бы постройка сгорела, глиняный пол защитил бы вещи от порчи и гибели.

Мужчины принялись складывать в тайник все содержимое комнаты, которое было бесполезно в их путешествии. То же было проделано с медвежьими шкурами. Одна из них своими размерами и красотой привлекла всеобщее внимание. Когда Джемми посмотрел на нее с восхищением, Мартин взял шкуру из его рук и швырнул в отверстие.

– Вот так, – произнес он. – Видеть не могу этот мех! Он напоминает о самых страшных часах моей жизни.

– Это звучит так, будто вы прожили уже целый век на этом свете или на вашу долю выпали тяжкие испытания, мой мальчик.

– Возможно, я и вправду пережил нечто такое, что и не с каждым траппером случится.

– Ого! А не задаетесь ли вы, мой мальчик?

Мартин бросил на Толстяка почти гневный взгляд.

– Полагаете, что с сыном Охотника на Медведей не могло произойти ничего подобного?

– Я конечно не отрицаю, нет.

– А я говорю вам, что уже четырехлетним мальчиком дрался с парнем, который носил эти меха, которыми вы только что восхищались.

– Четырехлетний ребенок с гризли таких размеров? Я знаю, что дети Запада сделаны из другого теста, нежели те сынки, что в городах подкладывают грелки в ножки своих папаш. Встречал я тут как-то мальчишку, который в Нью-Йорке по возрасту был бы первоклашкой, но ружье знал как свои пять пальцев. Но, хм, гризли! Что же все-таки тогда произошло с медведем?

– Это произошло там, в горах Колорадо. У меня была мать, и любимая сестренка трех лет, на год младше меня. Отец ушел на охоту, мать во дворе колола дрова для очага, ведь дело было зимой, а в горах очень холодно. Я оставался в комнате с маленькой Людди. Она сидела между дверью и столом прямо на полу и играла со щенком, которого я вырезал из дерева, а я стоял на столе, пытаясь вырезать большим деревянным ножом буквы «М» и «Л» на толстой

балке, которая проходила под остроконечной крышей от одной стены к противоположной. Это были начальные буквы имен: моего и Людди. Я по-мальчишески хотел увековечить их. Увлеченный этой кропотливой работой, я едва обратил внимание на громкий крик матери, раздавшийся снаружи. Однако он больше не повторялся, и я беззаботно продолжал потеть над своим делом. Потом я услышал, как дверь с шумом распахнулась, едва засов с нее не слетел. Я был уверен, что это мать так шумно вошла, потому что в руках несла дрова. И даже не обернулся, а только сказал: «Мам, это для Людди и меня».

Голос Мартина стал глуше.

– Но вместо ответа я услышал низкий, глубокий рык. Я обернулся. Вы должны знать, господа, что это был уже вечер, но снаружи сиял снег, а в очаге горели дрова, и пламя освещало комнату. То, что я увидел при таком освещении, было просто ужасно. Прямо перед испуганной Людди, потерявшей от страха дар речи, стоял огромный серый медведь. С его меха свисали ледышки, а из пасти шел пар. Онемевшая сестра умоляюще протянула вперед деревянного щенка, как бы говоря: «Вот, возьми дорогую мне игрушку, но только не делай мне ничего плохого, непослушный медведь!» Но гризли не пожалел ее. Ударом лапы он повалил Людди, а затем он раздавил ее маленькую белокурую хрупкую головку одним укусом. Вы должны знать, господа, что первый укус медведя всегда приходится именно на голову его жертвы, потому что мозг для медведя – величайший деликатес.

Он прервал рассказ. Никто не нарушил наступившей тишины, и потому Мартин продолжил:

– Я хотел позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Судорожно сжимая в руке длинный деревянный нож, я хотел спрыгнуть со стола, чтобы бороться с медведем за жизнь сестры, но, увы, от страха буквально окаменел. Зверь двинулся на меня и поставил свои передние лапы на стол. Но слава богу! В этот момент я снова смог двигать своими конечностями. Его страшное, спертое дыхание уже обдало мне лицо, поэтому я зажал нож зубами, ухватился за балку и подтянулся именно в тот момент, когда он замахнулся на меня. Он хотел схватить меня, но опрокинул стол. Это было мое спасение... я кричал и звал на помощь, но тщетно: матери не было, хотя она должна была услышать мой крик, потому что дверь была открыта и в нее врывался поток холодного воздуха. Гризли встал во весь рост, чтобы сбить меня с балки. Вы видели его шкуру и поверите мне, если я скажу вам, что он был в состоянии свободно достать меня своими передними лапами. Но у меня был нож в руке, я крепко держался за балку левой рукой, а правой стал наносить удары по лапе, которую он протягивал ко мне... Что я могу рассказать вам про тот бой, мое отчаяние и мой страх?! Как долго я так защищался, не знаю: в такой ситуации и четверть часа покажутся вечно-стью, силы мои покинули меня, но обе передние лапы медведя были изрезаны и исколоты, когда я услышал, несмотря на его рычание и вой, лай нашей собаки, которую отец брал с собой на охоту. Снаружи она подняла такой лай, какого я еще никогда не слышал у собаки, тогда он вбежал в хижину и мгновенно бросился на огромного хищника. Каждый из вас, наверное, был свидетелем борьбы нескольких собак против медведя. Но одна собака против таких размеров гризли, без хозяина, у которого есть ружье и нож, – это нужно было видеть и слышать. Вы знаете, что одичавшие собаки стали подлинным бедствием в Штатах. Они уничтожают стада овец. Только в одном штате Огайо каждый год гибнет шестьдесят тысяч овец по причине нападения этих прожорливых, бездомных животных, а в Соединенных Штатах и все полмиллиона в год. Эти собаки отличаются огромным мужеством: они даже могут пойти на самку медведя. Именно такую собаку мы приютили и приручили. Она была безобразной, но подкупала своей необычайной силой и верностью. Когда она бросилась на Медведя, то не выла, а рычала, как самый настоящий хищник. Она схватила его за горло, чтобы разорвать, но медведь разорвал ее своими огромными лапами. Собака умерла буквально за минуту, растерзанная на куски, а разъяренный гризли снова повернулся ко мне.

– А твой отец? – спросил Дэви, который, как другие, слушал с большим напряжением. – Где собака, там же неподалеку должен быть и человек.

– Безусловно, только гризли снова поднялся под балкой, чтобы наконец схватить меня, при этом повернулся спиной к двери, в то же самое время появился отец с бледным как смерть лицом. «Отец, помоги!» – закричал я, пытаюсь перекричать рев медведя. Он не ответил. Его горло сжал спазм. Он поднял заряженное ружье – сейчас он будет стрелять! Но нет, он снова опустил его. Он был так взволнован, что ружье плясало в его руках. Он отбросил ружье, выхватил из-за пояса нож «боуи» и прыгнул сзади на хищника. Схватив его с левой стороны за шерсть, он шагнул в сторону и воткнул длинное лезвие по самую рукоятку между двумя известными ребрами. Мгновенно отскочил назад, чтобы не попасть под удар смертельно раненого зверя. Огромное животное застыло, захрипело и застонало неопишным образом, забило передними лапами в воздухе и рухнуло замертво. Как выяснилось позже, лезвие пронзило его прямо в сердце.

– Слава богу! – перевел дух Толстяк. – Воистину помощь в последний миг. А ваша мать, мой юный сэр?

– Она... О, я больше никогда ее не видел.

Он отвернулся, как будто ему было стыдно, и быстрым движением смахнул две слезинки с глаз.

– Ни разу не видел? Почему?

– Когда отец снимал меня с балки, он дрожал и я дрожал всем телом. Он спросил о маленькой Людди. Рыдая, я рассказал ему, что произошло. Я никогда ранее и в дальнейшем не видел у него такого выражения лица, как в тот момент. Оно было мертвенно-бледным, как из камня. Он издал один только крик, но какой! Дай бог, чтобы я никогда не услышал чего-то подобного! Затем он замолчал. Он сел на скамейку и закрыл лицо руками. На мои ласковые слова он не отвечал, когда я спросил его о матери, он только покачал головой, но, когда я захотел выйти, чтобы поискать ее, он так схватил меня за руку, что я вскрикнул от боли.

– Останься! – приказал он мне. – Это не для тебя!

Затем он снова сел и сидел долго и неподвижно, пока не погас огонь. Позже он запер меня и начал что-то делать за хижинкой. Я попытался отковырять кусочек мха, который был забит между блоками хижины. И мне это удалось: я увидел, что отец вырыл глубокую яму. Медведь, прежде чем он вошел в избу, напал и разорвал мою мать. Я даже не видел, как отец похоронил ее, потому что он застал меня там, у стены, и позаботился о том, чтобы я больше ничего не увидел и не услышал.

– Ужасно, как это ужасно! – произнес Джемми, вытирая глаза рукавом шубы.

– Да, это было ужасно! Отец потом долгое время болел, и наш ближайший сосед прислал человека, который заботился и о нем, и обо мне. Потом, когда он выздоровел, мы оставили то место и стали охотниками на медведей. Стоит отцу узнать, что где-то поблизости медведь, это не дает ему покоя, пока он не всадит в него пулю или нож. А я теперь могу вам сказать, что я уже отомстил за бедную Людди. Поначалу, когда я ходил на медведя, мне не хватало уверенности и сердце колотилось слишком громко. Но у меня есть талисман, который защищает меня, так что я стоял перед гризли с таким чувством, будто хочу застрелить енота.

– Талисман? – спросил Дэви. – На тебе! Молодой человек, не верьте в такие глупости. Это грех против первой заповеди!

– Нет, потому что мой талисман вовсе не то, о чем вы думаете. Посмотрите на него! Он висит там, под Библией.

Он указал на стену, где на полочке лежала большая старинная Библия. Внизу на гвоздике кто-то повесил кусочек деревяшки в половину длины пальца и с палец толщиной. Было ясно видно, что верхняя часть ее походила на голову.

– Хм! – пробормотал Дэви, который, как и все янки, строго придерживался библейских заповедей. – Надеюсь, что эта вещь не представляет собой некоего идола.

– Нет, я не язычник, а добрый христианин. Это тот самый деревянный щенок, которого я когда-то вырезал маленькой сестренке. Я сохранил это как память о тех страшных моментах и вешаю его на шею всегда, когда сопровождаю отца на охоту. Как только мне кажется, что риск слишком велик, я хватаюсь за щенка и все – медведь пропал. Можете мне поверить!

Тут Джемми, расчувствовавшись, положил ему руку на плечо и произнес:

– Мартин, вы славный малый! Примите меня в свои друзья, и вы не пожалеете. Вы можете смело оказать мне такое же безграничное доверие, как безгранично мое брюхо. Я не подведу!

Глава IV

Во второй половине дня шесть всадников оставили позади истоки реки Палвер и теперь направлялись к горам Биг-Хорн.

Местность, которая простирается от Миссури до Скалистых гор, и по сей день считается одной из самых диких частей Соединенных Штатов. Этот район – бескрайняя голая прерия, где охотник может проехать верхом несколько дней, прежде чем найдет какую-либо растительность или источник воды. Далее на запад появляются возвышенности, вскоре образующие невысокие холмы, которые по мере продвижения на запад становятся все выше, массивней и круче, но деревья и вода по-прежнему отсутствуют. Именно поэтому этот район индейцы называют «ма-косиеча», а белые – «бэд ленд». Оба термина означают одно и то же, а именно – «плохая земля».

Даже такие крупные и полноводные реки, как Платт, в летнее время маловодны. Дальше на север, где расположены верховья рек Шайенн, Паудер, Тонг и Биг-Хорн, ситуация лучше. Трава густая, кусты переходят в густые кустарники и леса, и наконец дальше у подножия вестмен ступает в тень столетних и даже более древних гигантских деревьев.

Там находятся охотничьи угодья шошонов, или индейцев племени Змей, сиу, шайенов и арапахо. Племена делятся на группы, каждая из которых преследует свои собственные интересы, так что не удивительно, что существует постоянная смена войны и мира между ними. И если краснокожие слишком долго находятся в состоянии перемирия, приходит бледнолицый и наносит им удар за ударом то ножами, то стрелами, пока индейцы снова не начинают искать спрятанный топор войны и не принимаются бороться заново.

При этих обстоятельствах само собой разумелось, что там, где соприкасаются земли стольких многочисленных племен, безопасность одинокого путника была под большим вопросом, если не сказать больше. Шошоны, или Змеи, всегда были заклятыми врагами сиу, а потому местность, раскинувшаяся южнее реки Йеллоустоун, от Дакоты до гор Биг-Хорн, частенько поливалась кровью, и не только краснокожих, но и белых.

Толстяк Джемми и Длинный Дэви очень хорошо знали это и потому ломали голову над тем, как избежать встречи с индейцами какого бы то ни было племени. Вокаде уверенно скакал впереди, он ведь уже проезжал этот отрезок пути по дороге сюда. Теперь он был вооружен ружьем, а на его поясе висели мешочки со всем необходимым для жителя прерий. Джемми и Дэви не изменили себе: первый, как и прежде, ехал на длинноногой кобыле, а второй трусил на своем маленьком непокорном муле, пытавшемся, правда безуспешно, сбросить всадника. Дэви достаточно было поставить на землю одну ногу – по мере необходимости правую или левую, – чтобы иметь прочную опору. Верхом он напоминал туземца с тихоокеанских островов, сидящего в узкой и очень верткой пироге с выносным поплавком, только благодаря которому суденышко не переворачивается. В нашем случае поплавком Дэви служили его ноги.

Фрэнк был одет в точно такую же одежду, в которой его впервые повстречали оба друга: мокасины, обтягивающие охотничьи штаны, синий фрак и шляпа-«амазонка» с длинным желтым пером. Маленький саксонец очень хорошо сидел в седле и, несмотря на его странный вид, производил впечатление бывалого вестмена.

На Мартина Баумана, сидевшего в седле, можно было любоваться без усталости. По крайней мере, верхом он чувствовал себя так же уверенно, как Вокаде. Он будто слился с лошастью, чуть наклонившись вперед – положение, которое облегчает животному нагрузку, а всаднику дает возможность выдерживать долгую езду верхом без усталости. Он носил трапперский костюм из натуральной кожи, впрочем, и все остальное его снаряжение и вооружение были наилучшего качества. Сейчас все его существо занимала задача, которую он должен был

решить. От внимательного наблюдателя не ускользнуло бы ни бодрое выражение его лица, ни блеск его светлых глаз, ясно дававших понять, что в прерии молодой человек чувствовал себя, как в родной стихии. Весь его облик говорил о том, что он, наполовину еще мальчик, в случае необходимости повел бы себя как настоящий мужчина. Если бы не тяжелые заботы о пропавшем отце, мрачной тенью нависшие над ним, он, пожалуй, прослыл бы самым веселым членом маленького отряда.

Забавно было смотреть на черного Боба. Верховая езда никогда не была его сильной стороной. Он очень намаялся с конем, как, впрочем, и тот с ним, поскольку всадник больше десяти минут был не в силах сохранить одно и то же положение. Как только он в очередной раз пододвигался вперед, плотно прижимаясь к холке животного, тотчас с каждым его шагом начинал скатываться назад ровно на один дюйм. Так он скользил и скользил, пока угроза слететь на землю не становилась для него более чем реальной. Тогда он опять продвигался вперед как можно дальше и скольжение начиналось заново. При этом он непроизвольно принимал такие позы, которые не мог бы выдумать и цирковой клоун. Вместо седла негр привязал ремнем с пряжкой одеяло, поскольку знал, что удержаться в седле ему вряд ли удастся, и все равно при любом маломальском ускорении лошади Боб оказывался за одеялом. Он к тому же еще и ноги держал растопыренными в разные стороны. Когда ему в очередной раз говорили, что он должен прижать их к корпусу лошади, Боб неизменно отвечал: «Почему Боб должен давить ногами бедное животное? Конь ему не причинить никакого вреда! Ноги Боба это же не какие-нибудь клещи!»

Всадники достигли края не очень глубокой, почти круглой воронки в диаметре, возможно, миль шесть. Окруженное с трех сторон едва заметными неровностями, это углубление на западе было ограничено значительной вершиной, которая, как казалось, была покрыта кустарником и деревьями. Может быть, раньше тут было озеро. Дно было покрыто глубоким бесплодным песком, и только кое-где торчали островки жесткой выжженной травы и заросли полыни, характерные для этих неплодородных областей Дикого Запада.

Не долго думая, Вокаде пришпорил коня, направив его прямо в песок. Он держал путь прямо к вышеупомянутой вершине.

– Что это за местность? – спросил Толстяк Джемми. – Она мне незнакома.

– Воины шошонов называют это место Пааре-Пап, – ответил индеец.

– Озеро крови. Увы! Совсем не хочется столкнуться здесь с шошонами.

– Почему? – спросил Мартин Бауман.

– Потому что тогда мы пропали. Вот на этом самом месте белые люди без какой-либо причины истребили до последнего человека охотничий отряд шошонов. Хотя с тех пор прошло пять лет, но большинство из соплеменников убитых без милосердия убивают любого белого, который имел несчастье попасть в их руки. Кровь погибших требует отмщения.

– Вы имеете в виду, сэр, что шошоны где-то рядом?

– Хочется верить, что нет. Как я слышал, они сейчас ушли далеко на север, к реке Масселшелл, в Монтане. Если это правда, то мы в безопасности. Тем не менее пусть лучше Вокаде скажет нам, ушли они на юг или нет.

Индеец услышал эти слова и ответил:

– Когда Вокаде здесь проезжал семь дней назад, поблизости не было ни одного воина шошонов. Только арапахо разбили лагерь там, где река, которую бледнолицые называют Тонг-ривер, берет свое начало.

– Значит, мы в безопасности. Кстати, местность здесь настолько плоская и открытая, что мы заметим за милю любого всадника или пешего и, следовательно, будем в состоянии принять необходимые меры, когда наступит время. Вперед!

Они ехали прямо на запад еще, наверное, в течение получаса, пока Вокаде не остановил своего коня.

– Уфф! – воскликнул он.

Это слово используется индейцами в основном как восклицание удивления.

– Что случилось? – спросил Джемми.

– Ши-ши!

Это слово происходит из языка манданов и на самом деле обозначает «ноги», но также может обозначать «след» или «следы».

– След? – переспросил Толстяк. – Человека или животного?

– Вокаде не знает. Мои братья могут посмотреть сами.

– Просто отлично! Индсмен не знает, кем были оставлены следы – человеком или животным! Такого я еще не видел! Должно быть, это что-то необыкновенное. Сейчас взглянем на отпечатки. Эй, люди, спускайтесь-ка и не топчитесь тут без всякого толку, иначе мы не сможем ничего узнать!

– Не нужно волноваться – след здесь не кончается, – произнес озабоченный индеец. – Он очень большой и длинный, он идет издалека, с юга, и уходит далеко на север.

Всадники спешили, чтобы исследовать странный след. Отличить след человека от следа животного сможет даже трехлетний индейский мальчик. То, что Вокаде был не в состоянии определить, кому он принадлежит, казалось по меньшей мере странным. Но Джемми, когда изучал следы, покачал головой, посмотрел налево, откуда шел след, потом направо, куда он уходил, вновь покачал головой и спросил у длинного Дэвида Кронерса:

– Ну что, старина Дэви, видел ли ты в своей жизни что-то подобное?

Американец задумчиво покачал головой, также осмотрелся по сторонам, взглянул на след еще раз и ответил:

– Нет, никогда.

– А вы, господин Фрэнк?

Саксонец все смотрел и смотрел на следы, тоже покачал головой и изрек:

– Дьявол разберет эти следы!

Даже Мартин и негр пребывали в крайней задумчивости. Длинный Дэви почесал сначала за правым ухом, а затем за левым, два раза сплюнул, что всегда было признаком того, что он был в замешательстве, а затем изрек свое умозаключение:

– В любом случае здесь прошло какое-то живое существо. Если это не так, то пусть я буду осужден выпить в течение двух часов старушку Миссисипи вместе с ее притоками!

– Смотри, как ты умен, старина! – засмеялся Джемми. – Если бы ты не сказал, мы бы так никогда и не узнали, что это за след. Да, здесь прошло какое-то живое существо. Но вот какое? Сколько у него ног?

– Четыре, – ответили все, кроме индейца. – Да, вы это можете точно увидеть. Только что это за животное... Кто-нибудь может сказать к какому виду или породе четвероногих друзей можно его отнести?

– Это точно не олень, – сказал Фрэнк.

– Конечно! Олень не делает таких огромных отпечатков.

– Может медведь?

– Конечно, в таком рыхлом песке медведь оставляет огромные и четкие следы, которые даже слепой сможет определить на ощупь, но все же это следы не медведя. Отпечатки не такие длинные и не стерты сзади, как у зверя, который ходит на двух ногах, они почти круглые, более пяди в диаметре и вытянуты вперед так, будто проставлены штемпелем. Сзади они вдавлены в землю немного сильнее и совершенно гладкие, стало быть, зверь имеет копыта, а не пальцы или когти.

– Значит, это лошадь? – переспросил Фрэнк.

– Хм! – хмыкнул Джемми. – На лошадь тоже не похоже. Тогда, по крайней мере, тут был бы хоть небольшой намек на подковы, а если животное было «босиком», то оста-

лась хотя бы стрелка от копыт. След очень свежий, прошло слишком короткое время, чтобы малейшие его детали могли исчезнуть. И что самое главное, разве встречаются в природе лошади с такими огромными копытами? Если бы мы были в Азии или Африке, а не в этой старой, уютной прерии, то я бы утверждал, что здесь протопал дедушка-слон.

– Да, так оно и есть! – улыбнулся Длинный Дэви.

– Что? Так и есть?

– Да, конечно! Ты же сам сказал!

– Значит, ты так ничему и не научился! Ты хоть раз видел слона?

– Даже два.

– Где?

– В Филадельфии, у Барнума¹⁹, а теперь здесь – тебя, Толстяк!

– Если хочешь состричь, то прежде научись это делать. Понятно? След как две капли воды похож на слоновий! Достаточно большой шаг, признаю, да. Но у слона совсем иная походка. Почему-то об этом, Дэви, ты не подумал. Это не мог быть и верблюд, иначе я бы сказал, что ты проходил здесь часа два назад. А теперь я признаюсь, что исчерпал свое остроумие.

Мужчины прошли немного вперед, затем обратно, чтобы посмотреть более детально на этот удивительный след, но ни один из них так и не смог выдвинуть более-менее достоверную версию.

– И что скажет мой краснокожий брат? – обратился Джемми к Вокаде.

– Мако акано! – ответил индеец, сделав при этом почтительный жест рукой.

– Ты имеешь в виду Дух Прерий?

– Да, потому что это был не человек и не животное.

– О-хо-хо! У ваших духов, кажется, ужасно большие ноги. Или Дух Прерий страдает ревматизмом и надел войлочные туфли?

– Мой белый брат не должен насмехаться. Дух Прерий может появиться в любом из облиций. Мы должны с почтением поглядеть на его след и спокойно скакать дальше.

– Нет, я не буду этого делать. Я должен знать и должен быть уверен. Я никогда не видел такой след и, значит, последую по нему, пока не узнаю, кто же его все-таки оставил.

– Подобные действия могут привести моего брата к гибели. Дух не потерпит, чтобы кто-то следил за ним.

– Это безумие! Когда позже Толстяк Джемми будет рассказывать об этом следе и не сможет сказать, кто его оставил, надо мной будут смеяться или даже объявят лжецом. Для истинного вестмена выяснить эту тайну – практически дело чести.

– У нас нет времени, чтобы сделать такой объезд.

– Я и не прошу вас. У нас есть еще четыре часа до вечера, потом мы должны устроить лагерь. Возможно, мой краснокожий брат знает место, где мы сможем устроить привал?

– Да. Если мы поскачем прямо, то приедем к такому месту. Там, в холме, есть расщелина, через которую можно попасть в долину, где слева, после часа езды, открывается боковое ущелье. В ущелье мы отдохнем, там есть кусты и деревья – они сделают наш огонь невидимым, – а также источник – он даст воду нам и нашим зверям.

– Его очень легко найти. Скачите вперед! Я же поеду по этому следу, а затем присоединюсь к вам в лагере.

– Мой белый брат, позволь предупредить тебя!

– О! – воскликнул Длинный Дэви. – Это предупреждение совершенно неуместно, Джемми совершенно прав. Для нас будет позором обнаружить эти непонятные следы

---

¹⁹ Финеас-Тейлор Барнум (1810–1891) – известный американский предприниматель, имя которого стало нарицательным для всякого ловкого владельца увеселительных заведений.

и не узнать, кому же они принадлежат. Говорят, что еще до сотворения земли были животные, по сравнению с которыми буйвол – то же, что земляной червяк рядом с пароходом с Миссисипи. Возможно, такое животное осталось с тех времен и бродит в настоящее время здесь, в песках, высчитывая по песчинкам, как много ему столетий. Я думаю, что это животное – мама.

– Мамонт, – поправил Толстяк.

– Очень даже может быть! Так что стыдно нам будет, если мы, повстречав такой первобытный след, по крайней мере, не сделаем попытку встретиться с оставившим его животным. Я еду с Джемми!

– Так нельзя.

– Почему нет?

– Потому что могу сказать без всякого высокомерия, что мы имеем большой опыт и, так сказать, оба лидеры. Так что уходить вдвоем мы не должны. Кто-то один пусть останется. При всем уважении к тебе, пусть кто-то другой поедет со мной.

– Мастер Джемми прав, – сказал Мартин. – Я поеду с ним.

– Нет, мой юный друг, – остановил его Джемми, – вы самый последний человек, кого бы я пригласил сопровождать меня.

– Почему? Я сгораю от нетерпения вместе с вами обнаружить этого зверя!

– Охотно верю. В вашем возрасте все готовы к подобным приключениям. Но эта поездка, возможно, небезопасна, а мы взяли на себя негласное обязательство оберегать вас, чтобы вы целым и невредимым встретились со своим отцом. Стало быть, совесть не позволяет мне втягивать вас в неизвестную и опасную авантюру. Нет, если я не должен скакать один, то пусть уж меня сопровождает кто-нибудь другой.

– Тогда с вами поеду я! – выкрикнул Хромой Фрэнк.

– Отлично, не имею возражений. Мастер Фрэнк уже, «большой частью», – Джемми сделал акцент на одно из любимых выражений саксонца, – закалился в сражениях с дворником и ночным сторожем и уж точно не испугается какого-то там мамонта.

– Я? Испугаюсь? Со мной такого не случится!

– Стало быть, вопрос решен. Остальные поскачут дальше, а мы вдвоем свернем направо. Ваша лошадь не будет слишком утомлена объездом, а для моей лошади скачки – большая страсть. Наверное ранее, до воплощения в облике лошади, мой конь был бегуном или почтальоном.

Хотя Мартин и попытался еще раз возразить, но безрезультатно. Длинный Дэви предупредил товарища, чтобы тот был осторожнее. Вокаде еще раз описал место привала, и ничуть не одобрил стремление Джемми вызвать гнев Духа Прерий, бросая последнему вызов. Затем остальные продолжили прерванную скачку, а Толстяк с саксонцем последовали на север.

Этим двоим предстояло сделать большой крюк, поэтому они гнали своих лошадей настолько быстро, что через короткое время потеряли товарищей из виду. Позже след изменил направление и повернул на запад, к далеким холмам, так что теперь пусть следы Джемми с Фрэнком и их друзей были параллельны, однако они отставали примерно на час езды.

По дороге оба молчали. Костлявая лошадь Джемми так усердно выбрасывала вперед свои длинные ноги, что лошадь Фрэнка по глубокому песку едва поспевала за ней. Наконец лошадь Толстяка сменила утомительную рысь на медленный шаг, и Фрэнк смог легко нагнать его.

Не вызывает сомнений, что члены экспедиции общались между собой по-английски. И только теперь, когда оба немца остались одни, они смогли общаться на своем родном языке.

– Нет, правда, – начал Фрэнк, – насчет мамонта это была просто шутка?

– Конечно.

– Я подумал то же самое, ведь в настоящее время мамонтов не существует в природе.

– Разве вы когда-нибудь слышали об этих доисторических животных?

– Я? Ну еще бы! А если вы мне не верите, мне вас искренне жаль. Знаете ли, морицбургский учитель, ставший, собственно, моим духовным отцом, в этом деле кое-что да смыслил, особенно в зоологии растений. Вот так-то! Он знал каждое дерево, от ели до щавеля, а также любое животное, от морского змея до мизерной губки. От него я тогда почерпнул массу интересного.

– Это делает меня очень счастливым, – засмеялся Толстяк. – Может быть и я смогу воспользоваться вашими познаниями.

– Всегда пожалуйста. О мамонтах я могу дать самую достоверную информацию.

– Вы их видели когда-нибудь?

– Нет, конечно. В то время, до создания мира, меня не было и в помине, но школьный учитель нашел мамонта в древних рукописях. Как вы думаете, какого роста этот мамонт?

– Полагаю, больше, чем слон.

Джемми кивнул.

– Чудовищный зверь... Неудивительно, что папа Врангель рассказывал об этих зверях с таким восторгом. И, если бы тогда не произошла драка из-за любимого предмета папы Врангеля, я волей-нолей²⁰ попал бы в Тарандскую лесную академию, но вместо этого вынужден теперь скитаться по Дикому Западу и позволить какому-то сиу стрелять в меня и сделать хромым!

– Ах, так вы не родились хромым?

Фрэнк посмотрел на Толстяка очень сердито.

– Родился хромым? Как это возможно у личности с моей амбутацией²¹! Хромоногий никогда не сможет стать ни чиновником, ни кем-либо еще, кроме как лесным бродягой! Нет, у меня были здоровые ноги, сколько я себя помню. Но, когда я вместе с Бауманом впервые приехал в Черные горы, чтобы открыть бакалейную лавку для золотоискателей, туда иногда приходили индейцы, желающие что-нибудь купить. В основном это были сиу. Это худшие антропологические дикари, которые только могут быть, – они с равнодушной улыбкой могут выстрелить в вас при малейшем резком вздохе. Лучше всего не поддерживать с ними никаких отношений. «Добрый день!» и «Всего хорошего!», «До свидания!», «Прощайте!» Я всегда следовал этому правилу, потому что являюсь принципиальным человеком, но однажды я дал слабину и, как следствие, до сих пор хромаю.

– Как же это произошло?

– Совершенно неожиданно, как происходит все, чего вы не ждете. События того дня до сих пор свежи в моей памяти и стоят перед глазами, будто произошли только сегодня. Сияли звезды, большие лягушки громко кричали на болоте, сами понимаете, что, к сожалению, дело было не днем, а ночью. Бауман уехал, чтобы закупить в форте Феттерман новые товары для магазина, Мартин спал, а Боб, который поехал взимать долги, все еще не вернулся. Только его лошадь вернулась без него в родной дом. На следующее утро он пришел пешком, с растяжением связок и без единого цента. Сначала его прогнали все наши должники, а потом его еще и лошадь скинула. Это называется «наслаждаться жизнью» во всех ее проявлениях. Как видите, я могу изъясняться даже стихами! Нет?

– Да. Вы маленький гений.

– Я часто себе об этом говорю, но другие люди – никогда, не потому, что не хотят, а потому, что даже не задумываются об этом. Итак, с небес сверкали звезды, и тут раздался

---

²⁰ Фрэнк путает слова, пытаясь воспользоваться латинским выражением *nolens volens* – «волей-неволей».

²¹ Фрэнк опять путает слова.

стук в дверь. Здесь на Западе необходимо быть крайне осторожным. Вот почему я не сразу открыл, а из-за двери спросил, что нужно. Не буду затягивать историю, в общем, их было пятеро, пятеро индейцев сиу, которые хотели обменять меха на порох.

– Вы не открыли им?

– Почему я не должен был открыть?

– Сиу! Среди ночи!

– Я вас прошу! Если бы у нас были часы, то было бы около половины двенадцатого. Это еще не слишком поздно. Как вестмен, я очень хорошо знаю, что не всегда можно оказаться на месте в указанное для этого время, а время в некоторых обстоятельствах может быть чрезвычайно ценным. Краснокожие сказали, что им предстоит идти всю ночь, и так обратились ко мне, что мое саксонское доброе сердце позволило им войти.

– Что за неосторожность!

– Почему? Страх я никогда не знал и, прежде чем открыл дверь, поставил условие, чтобы они сложили у входа все свое оружие. К их чести должен признать, что они выполнили эту просьбу по доброй воле. Конечно, у меня в руке был револьвер, когда я обслуживал их, но, как дикари, они не могли обвинить меня. Я провернул с ними поистине блестящую сделку: плохой порох против хороших бобровых шкур. Когда краснокожие торгуются с белыми, они отчего-то всегда остаются с носом. Меня это, конечно, огорчает, но, к сожалению, я один не могу ничего изменить. У двери висело три заряженных ружья. Когда индсмены уходили, последний остановился у самой двери, снова повернулся и спросил меня, не мог бы я его угостить глотком огненной воды. Конечно, продавать индейцам бренди запрещено, но я, как уже рассказывал, получил от сделки с ними хорошую прибыль и, понятное дело, готов был сделать им одолжение. Я повернулся и пошел в дальний угол, в котором стояла бутылка бренди. В тот момент, когда я снова повернулся к ним, я увидел убегающего индейца с ружьем в руках, ружьем, которое он сорвал с гвоздя. Естественно, я отставил бутылку, схватил ближайшее ружье и выскочил за ним. Не сомневайтесь, я сразу отступил в сторону, потому что на фоне освещенного дверного проема я представлял прекрасную мишень. Да, я быстро отпрыгнул из света в темноту и сразу не смог сориентироваться. Услышал только быстрые шаги, а затем надо мной вспыхнула яркая вспышка. Раздался выстрел, и я почувствовал, как что-то ударило меня по ноге. Теперь я увидел краснокожего, который мог вот-вот скрыться. Я прицелился и нажал на курок и в тот же момент почувствовал пронизывающую боль в ноге. Моя пуля прошла мимо, а цель была утеряна. С трудом я вернулся в хижину. Выстрел индейца пришелся в левую ногу. Это произошло то ли из-за темноты, то ли потому, что у сиу было чужое оружие... Я до сих пор не могу понять, как он смог так выстрелить. Только спустя несколько месяцев я смог снова встать на эту ногу, но стал Хромым Фрэнком. Краснокожего этого я запомнил навсегда. Никогда не забуду его лицо! Горе ему, если он повстречается со мной где-нибудь и когда-нибудь! Мы, саксонцы, известны как душевные немцы, но наши национальные достоинства не могут обязать нас ночью, когда звезды сияют с неба, позволить безнаказанно нас обворовать и подстрелить, сделав хромым. Я думаю, что сиу был одним из огаллала, и когда... Что случилось?

Он прервал свою речь – Толстяк Джемми остановил своего коня и издал приглушенный возглас удивления. Позади них осталась широкая укрытая песком равнина. Место было каменистым, там, где снова начинался песок, Джемми остановился.

– Что это? – задал он сам себе вопрос. – Не верю собственным глазам!

Он в изумлении смотрел на песок. Теперь и Фрэнк увидел, что имеет в виду его товарищ.

– Неужели такое возможно, – воскликнул он, – чтобы следы вдруг стали другими?

– Конечно! – Сначала это был след слона, а теперь – четкие следы лошади. Животное подковано, да еще и новыми подковами, видите: отпечатки очень четкие и ни гриф, ни шипы подковы не сбиты.

– Но это след наоборот!

– Вот именно этого я и не могу понять! Пока след шел от нас, а теперь он идет прямо навстречу к нам!

– Разве это одни и те же следы?

– Конечно! Ведь за нами скалы. Это место шириной едва в двадцать футов. На скале след не виден. За ней, с востока, шел след, который мы назвали слоновым, а с запада идет чистейшей воды лошадиный. Посмотрите вокруг! Есть другие следы?

– Нет.

– Вот поэтому я и говорю, что эти отпечатки, несмотря на их различия, оставлены одним и тем же животным. Наверное, будет не лишним спуститься и убедиться, что никакой ошибки нет.

Они спешили. Более точное обследование почвы дало тот же результат: след слона на узком скалистом участке превратился в лошадиный. То обстоятельство, что оба следа шли навстречу друг другу, а потом встречались, казалось не просто странным, а ошеломляющим. Оба беспомощно переглянулись и покачали головами.

– Если это не колдовство, то кто-то нас разыгрывает, – произнес Джемми.

– Разыгрывает? Но как?

– Да и я этого не могу понять!

– Но чудес не бывает!

– Нет, и к тому же я не суеверен.

– Мне кажется, тут всё, как у мага Филадельфия, который подбрасывал в воздух клубок ниток, а затем должен был подняться по ниточке до неба!

– Поскольку слон пришел с востока, а лошадь с запада и оба следа обрываются здесь, значит, животные должны были подняться здесь по нитке и исчезнуть в воздухе! Пусть это объясняет тот, кто способен, а я ничего не понимаю!

– Хотел бы я знать, что сказал бы морицбургский учитель, если бы он был здесь!

– Он бы не строил из себя умника, как вы или я!

– Хм! С вашего позволения, господин Джемми, вы выглядите не очень-то мудрым.

– Да и вы не выглядите как подающий надежды автопетрификат²². Хотел бы я увидеть того человека, который в состоянии разгадать эту загадку.

– Она должна быть разгадана. Известный архидьякон сказал: «Дайте мне точку опоры в пространстве – и я сорву любую дверь с петель!»

– Архимед, имели вы в виду!

– Да, но он же походу был и дьяконом, поскольку, когда в субботу днем пришли вражеские солдаты, он заучивал воскресную проповедь и крикнул им: «Не мешайте мне и не шумите!» Тогда за это они и убили его! Точка опоры вновь была потеряна.

– Может, вы сможете найти ее снова. Я не чувствую себя способным на это, поскольку не смог разрешить даже это противоречие.

– Но мы же что-то должны сделать!

– Конечно! Пути назад нет. Если существует объяснение, оно лежит впереди нас, а не позади. По коням – и ходу!

Они отправились дальше по лошадиному следу. След был четким и примерно через полчаса езды вывел из песков на твердую землю. Появились трава и одиночные кусты,

---

²² Джемми употребляет это сложное слово в значении «вундеркинд», «врожденный талант», ибо дословно оно означает «самоископаемое».

а поблизости тянулась цепь холмов. Густой лес покрывал их, начинаясь у подножий редкими деревьями и чем выше, тем сильнее превращаясь в чащу. След здесь тоже был четким. Через некоторое время под ногами животных появился мелкий светлый гравий, и тут вдруг отпечатки оборвались.

– Вот и разгадка... – пробормотал Фрэнк.

– Непонятно, – произнес Джемми. – Лошадь, должно быть, пришла из воздуха и исчезла в нем же. Или это действительно Дух Прерий? Тогда я хочу, чтобы его посетила хорошая идея показаться нам. Хотел бы я узнать, как этот дух выглядит.

– Желание может быть исполнено. Осмотритесь хорошенько, господа!

Эти слова прозвучали по-немецки из-за кустов, у которых остановились оба всадника. Они, как зеленые новички в прерии, стали озиаться по сторонам. Говоривший же к этому времени уже оставил заросли, которые служили ему в качестве прикрытия.

Он был не очень высок и не широк в плечах. Темно-русая борода обрамляла его загорелое лицо. Он носил рваные охотничьи обтягивающие брюки с бахромой на швах и охотничью рубашку, длинные сапоги, которые прикрывали его колени, и широкую фетровую шляпу, на шнурке которой висели уши медведя гризли. Из-за широкого, сотканного из нескольких ремней пояса торчали два револьвера и нож «боуи», пояс, казалось, полностью был заполнен патронами. Кроме нескольких кожаных сумок на поясе крепились две пары подков с винтами и четыре почти круглые, толстые соломенные или из тростника плетенки с ремнями и пряжками. С левого плеча до правого бедра свисало несколько колец лассо; с шеи на шелковом шнурке, украшенная кожей колибри, свисала трубка мира, на чубуке которой были выгравированы индейские символы. В правой руке он держал короткоствольное ружье со своеобразным устройством затвора, а в левой – дымящую сигару, которой тут же глубоко затянулся и выдохнул дым с явным удовольствием.

Настоящий охотник прерий не наводит лоск и чистоту. Чем более потрепанный вид у него, тем больше он пережил. Он с неким презрением относится к тем, кому не по нраву его внешний вид. И огромное отвращение у него вызывает оружие, вычищенное до блеска. По его твердому убеждению, у настоящего вестмена просто нет времени, чтобы заниматься такими бесполезными штуками.

Наряд же этого молодого незнакомца был таким чистым, будто он только вчера отправился на Запад из Сент-Луиса. Его ружье, казалось, появилось из рук оружейника час назад, ботинки были безупречно начищены, а на шпорах не было и следа ржавчины. Костюм его смотрелся как с иголочки, и даже руки его, похоже, были вымыты.

Оба наших следопыта уставились на внезапно появившегося человека и от неожиданности забыли ответить.

– Ну, – продолжил он с улыбкой, – я подумал, что вы хотите увидеть Дух Прерий. Если вы имеете в виду того, по чьему следу шли, то он стоит перед вами.

В ответ у Фрэнка вырвалось:

– Черт возьми! Тут большей частью уже и соображать перестаешь!

– О! Саксонец! Верно?

– Да, я там родился! А вы, случаем, тоже чистокровный немец?

– Да, имею честь. А другой джентльмен?

– О, он тоже родом из нашей прекрасной страны. От неожиданности он потерял дар речи. Но это не страшно, через некоторое время он снова заговорит.

Он был прав: Джемми тут же спрыгнул с седла и протянул руку незнакомцу.

– Неужели такое возможно? – воскликнул он. – Чтобы здесь, у Чертовой Головы, повстречать немца! В это с трудом верится!

– Я удивлен вдвойне, поскольку встретил сразу двоих. Если я не ошибаюсь, вы носите имя Якоб Пфефферкорн?

– Что?! Вы знаете мое имя?

– Глядя на вас, трудно ошибиться – вы Толстяк Джемми. Хотя мне было бы достаточно увидеть только вашу лошадь. Если встречаешь большого охотника, да на таком верблюде, так это точно Джемми. Как-то случайно я узнал, что этого известного вестмена зовут Якоб Пфефферкорн. Но там, где вы, поблизости должен находиться Длинный Дэви со своим мулом. Или, может, я ошибаюсь?

– Нет, он действительно рядом – недалеко отсюда, если ехать на юг, туда, где долина уходит в горы.

– О! Вы сегодня разбили там лагерь?

– Верно. Моего спутника зовут Фрэнк.

Фрэнк спешился и подал незнакомцу руку. Тот внимательно на него посмотрел, потом кивнул и спросил:

– А вы, думаю, Хромой Фрэнк?

– Бог мой! Вам и мое имя известно?

– Я вижу, что вы хромаете, и зовут вас Фрэнк. Так что ответ очевиден. Вы живете с Бауманом, Охотником на Медведей, да?

– Кто вам это сказал?

– Он сам. Мы повстречались с ним несколько лет назад. Где он теперь? Дома? Думаю, ваша знаменитая лавка примерно в трех днях пути отсюда?

– Совершенно верно. Но его нет дома. Он попал в плен к огаллала, и мы направляемся туда, чтобы попытаться ему как-то помочь.

– Вы меня пугаете. Где это произошло?

– Недалеко отсюда – у Чертовой Головы. Они потащили его и еще пятерых пленников в Йеллоустоун, чтобы убить на могиле Храброго Буйвола.

Незнакомец внимательно слушал.

– Должно быть, мстили?.. – спросил он.

– Да, конечно! Возможно, вы слышали когда-нибудь о Разящей Руке?

– Мне даже не стоит напрягать память, конечно да, – на губах незнакомца промелькнула едва уловимая ухмылка.

– Это он убил Храброго Буйвола, Злого Огня и еще одного сиу. Так вот, и теперь огаллала отправились в поход, чтобы почтить могилы этих воинов, а заодно взяли с собой Баумана, попавшего к ним в руки.

– Откуда вам это известно?

Фрэнк рассказал о Вокаде и обо всем, что произошло с момента появления этого молодого индейца. Незнакомец слушал его очень внимательно и серьезно. Лишь иногда, когда хромой слишком уж увлекался своим родным диалектом, на лице его собеседника появлялась легкая улыбка. Когда рассказ был закончен, он сказал:

– Получается, что Разящая Рука фактически виноват в несчастье, постигшем Охотника на Медведей. Все это на его совести.

– Не думаю. Как можно обвинять другого в том, что Баумана покинула осторожность?

– Ну, не будем спорить об этом. Это прекрасно, что вы не уклоняетесь от опасностей и трудностей, на которые идете, чтобы освободить пленников. Я всем сердцем желаю вам удачи. Но меня очень интересует юный Мартин Бауман. Может, мне удастся его увидеть.

– Это легко можно устроить, – произнес Джемми. – Вам только необходимо пойти с нами или, скорее всего, поехать. Где вы оставили свою лошадь?

– Как вы узнали, что я не пеший бродяга, а верхом?

– Так на вас же надеты шпоры!

– О, вот что выдало меня! Моя лошадь здесь рядом. Я оставил ее на несколько минут, чтобы проследить за вами.

- Вы заметили наше появление?
- Конечно. Я заметил вас полчаса назад и наблюдал, как вы остановились, чтобы обсудить разные следы.
- Что? Как? Что вы знаете о них?
- Только то, что этот след – мой собственный.
- Ваш?
- Да.
- Дьявольщина! Так это ваши отпечатки так ловко провели нас?
- Вы и вправду попались на эту удочку? Ну, я просто счастлив, что провел самого Толстяка Джемми. Но, конечно, это представление предназначалось не вам, а совсем другим. Толстяк, похоже, снова лишился дара речи. Он еще раз осмотрел незнакомца с головы до ног, покачал головой, а затем спросил:
- Кто вы, собственно, такой?
- Тот, лукаво улыбаясь, ответил:
- Разве вы с первого взгляда не заметили, что здесь, на Дальнем Западе, я новичок?
- Да уж, зеленого новичка видно сразу. С вашим ружьем можно уверенно идти только на воробьев, а снаряжение вы нацепили на себя небось несколько дней назад. Вы, должно быть, здесь в обществе какой-нибудь веселой компании или, по крайней мере, в отряде стрелков-туристов. Где вы сошли на железной дороге?
- В Сент-Луисе.
- Что? Так далеко на Востоке? Это невозможно! И сколько же времени вы здесь, на Западе?
- На этот раз уже восемь месяцев.
- Нет уж, позвольте! Не издевайтесь надо мной! Не хотите же вы, чтобы я, глядя на вас, поверил, что вы говорите серьезно!
- У меня и в мыслях не было обманывать вас.
- Тьфу! И это вы нас обманули?
- Да, след был мой.
- В это не поверит ни один полицейский! Делаю ставку, что вы учитель или молодой профессор, который путешествует в кругу своих коллег, собирая какие-нибудь растения, камни и бабочек. Могу вам дать хороший совет. Поворачивайте отсюда! Здесь не место для вас и ваших занятий. Здесь жизнь даже не каждый час, а каждую минуту висит на волоске. Вы и не подозреваете, в какой опасности находитесь.
- О да, об этом я уже отлично осведомлен. Например, здесь рядом разбит лагерь шошонов, их человек сорок.
- Небеса! Это правда?
- Да, я это точно знаю.
- И вы так спокойно об этом говорите!
- А я должен говорить как-то иначе? Вы думаете, что нескольких шошонов стоит бояться?
- Человек, вы и понятия не имеете, на какой опасной территории находитесь!
- О да! Там, совсем недалеко, лежит Кровавое озеро, и шошоны были бы рады схватить кого-то из нас, а лучше всех сразу.
- Теперь я вообще не знаю, что мне о вас думать!
- Думайте, что хотите, а я могу провести краснокожих так же, как это сделал с вами. Я не раз встречал отличных вестменов, ошибавшихся во мне, потому что они всё мерили общепринятыми мерками, и в этом была их ошибка! Прошу вас, идемте!

Он повернулся и медленно пошел в кусты. Оба товарища последовали за ним, держа коней под уздцы. Вскоре они наткнулись на поистине великолепный экземпляр тсуги²³ высотой более тридцати метров, что с такими деревьями случается крайне редко. Рядом с ней стоял конь – статный вороной жеребец с красными ноздрями и красной полосой, идущей от макушки через всю длинную густую гриву, такая полоса у индейцев считается верным отличием превосходной породы. Седло и сбруя были индейской работы. Позади первого был пристегнут плащ из прорезиненной ткани. Из седельной сумки торчал футляр подозрительной трубы, а рядом с жеребцом на земле лежала тяжелая крупнокалиберная двустволка «медвежьбой». Когда Джемми заметил ружье, он ускорил шаг, поднял оружие, осмотрел его и крикнул:

– Это ружье... это... Я никогда его прежде не видел, но все равно узнал сразу. Серебряное ружье вождя апачей Виннету и этот «медвежьбой» – самые знаменитые ружья Запада! А «медвежьбой» принадлежит... – Он остановился, ошеломленно глядя на хозяина, затем продолжил:

– Вот теперь я наконец начинаю соображать! Каждый, кто впервые встречается с парнем, известным как Разящая Рука, принимает его за новичка. Это ружье принадлежит ему, а обрез в руке не просто для красоты, а один из тех одиннадцати штуцеров Генри²⁴. Фрэнк, Фрэнк, вы знаете, что за человек стоит перед вами?

– Нет. Я же не читал ни его свидетельства о крещении, ни его справки о прививках.

– Эй, кончайте ваши шуточки! Вы стоите перед стариной Разящая Рука!

– Разящая Ру...

Хромой попятился назад.

– Святой дух! – вырвалось у него. – Разящая Рука! Я представлял вас совершенно по-другому!

– Я тоже!

– И каким же, господа? – произнес охотник с улыбкой.

– Высоким и крепким, как Колосс Варский²⁵! – выпалил ученый саксонец.

– Да, я тоже, непобедимым гигантом, – согласился Толстяк.

– Теперь вы видите, что моя репутация больше, чем мои заслуги. Истории, передающиеся от одного лагерного костра к другому, от него к третьему и далее быстро обрастают новыми подробностями. Бывает так, что речь идет уже о каком-то чуде, а на самом деле то же самое под силу и всем остальным.

– Нет, то, что рассказывают о вас, это...

– Хватит! – прервал он кратко и властно. – Давайте оставим эти разговоры! Предпочитаю, чтобы изучали не меня, а мою лошадь. Это один из тех нгул-иткли²⁶, которых можно найти только у апачей. Сейчас он «босиком». Если я хочу запутать преследователей, то я привязываю к его копытам эту тростниковую обувь, которая очень распространена в Китае. Она оставляет на песке след, который очень похож на оставленный слонем. Вот здесь, на поясе, у меня две пары подков. Одна пара сработана как обычно, другая сделана наоборот – шипом вперед. Естественно, и след потом получается наоборот, а тот, кто меня преследует, уверен, что я двигался в противоположном направлении.

– Довольно, господа! – произнес Фрэнк. – Теперь наконец мне все стало ясно! Подковы наоборот! Что бы сказал на это мой морицбургский учитель?

---

²³ Тсуга (лат. *Tsuga*) – род хвойных деревьев, растущих в Северной Америке и Юго-Восточной Азии.

²⁴ Штуцер Генри – оружие, изготовленное по специальному заказу мастером Генри.

²⁵ Фрэнк, конечно, хотел сказать Колосс Родосский.

²⁶ Племенная порода лошадей.

– Не имею чести знать этого господина, но с удовольствием провел вас обоих. На скалистом участке следа не остается, поэтому я пошел туда и сменил тростниковую «обувку» на подковы. Конечно, я не имел ни малейшего представления о том, что позади меня следуют мои соотечественники, это я увидел позже. Я предпринял эту меру предосторожности, потому что по определенным признакам сделал вывод о присутствии враждебных индейцев. И это подозрение подтвердилось, когда я пришел к этой тсуге.

– Есть следы индейцев?

– Нет. Дерево – это место, где я должен был встретиться с Виннету сегодня, и...

– Виннету! – прервал Джемми. – Вождь апачей здесь?

– Да, но он приехал раньше меня.

– Где, где же он? Я непременно должен его увидеть!

– Он оставил для меня знак, что он был здесь и снова вернется сегодня. Тем не менее где он сейчас, я не знаю. Наверное, следит за шошонами.

– Он знает об их присутствии?

– Он и сообщил мне о них. На коре дерева он вырезал ножом несколько характерных знаков. Они для меня понятны так же хорошо, как и любой другой алфавит. Я знаю, что он был здесь, что снова придет, и что поблизости обосновались сорок шошонов. Мне осталось только устроиться и ждать здесь.

– Но ведь шошоны могут здесь вас обнаружить!

– Да ну! Не знаю, для кого риск больше: для меня, если меня найдут здесь, или для них, если их обнаружу я. Нам с Виннету нечего бояться этой горстки шошонов.

Эти слова прозвучали так просто и так очевидно, что Хромой Фрэнк воскликнул с восхищением:

– Не бояться сорока врагов! Я хоть и не трус, но подобное обстоятельство мне не придало бы храбрости. «Вени, види, тутти», как сказал старый Блюхер и выиграл битву под Бель-Месальянс²⁷, но вдвоем против сорока и он бы не пошел. Ничего не понимаю!

– Объяснение очень простое, мой дорогой друг. Побольше осторожности, побольше хитрости и немного решимости, когда это необходимо. К тому же у нас есть оружие, на которое мы можем положиться. Так что мы, возможно, даже превосходим врага. Да, здесь мы не в безопасности. Будьте благоразумны и скачите дальше, чтобы как можно скорее добраться до своих.

– А вы останетесь здесь?

– Пока не придет Виннету – да. Потом я вместе с ним найду ваш лагерь. Хотя у нас другая цель, но, если он согласится, я готов потом отправиться с вами к Йеллоустоуну.

– Серьезно? – с нескрываемой радостью переспросил Джемми. – В таком случае, я готов поклясться, что мы непременно освободим пленников!

– Не слишком ли вы уверены во мне?! Я, пусть и косвенно, но являюсь причиной того, что Бауман попал в беду, и поэтому чувствую себя обязанным принять участие в его освобождении. Вот почему...

Он прервался, потому что Фрэнк издал приглушенный крик ужаса. Он махнул рукой в сторону кустов, сквозь которые просматривалась песчаная равнина, на которой появился конный отряд индейцев.

– Быстро по коням! – скомандовал Разящая Рука. – Пока они нас еще не заметили. Я приду позже.

---

²⁷ Хромой Фрэнк снова путает: в Бель-Альянс, южнее Ватерлоо, армия Наполеона атаковала англо-голландские войска в сражении против коалиции 18 июня 1815 года, и вспоминает о Гебхарде-Лебрехте Блюхере (1742–1819), прусском фельд-маршале, прославившемся тем, что вовремя подоспел с прусской армией со стороны правого фланга французов, предотвратив поражение наполеоновских войск. А вот искаженное Фрэнком знаменитое изречение «вени, види, вици» («пришел, увидел, победил» – это слова Юлия Цезаря из его донесения сенату о победе над понтийским царем Фарнаком.

- Эти парни найдут наши следы, – предупредил Джемми, легко вскочив в седло.
- Просто уходите прочь! Это единственное спасение для вас!
- Но вас действительно могут обнаружить!
- Не волнуйтесь за меня! Вперед, вперед!

Двое вестменов вскочили в седла и поскакали. Разящая Рука бросил изучающий взгляд по сторонам. Оба оставили так же мало следов на гравии, как и он сам. Галькой был покрыт широкий участок, который потом резко сужался у крутого горного склона, пока не исчез совсем под густыми соснами. Разящая Рука повесил штуцер Генри на седло, взял на плечо охотничье ружье и сказал своему коню только одно слово на языке апачей:

– Пенийил – «идти»!

Когда он с завидной ловкостью стал подниматься по крутому склону, животное, как собака, последовало за ним. Никто бы не подумал, что лошадь может взобраться сюда, и все же вскоре они оба после коротких, но весьма энергичных усилий оказались наверху, под деревьями. Разящая Рука положил животному на шею руку.

– Ишкуш – «спать»!

Конь сразу же лег и остался лежать совершенно неподвижно. Сказывалась индейская выучка.

Шошоны уже заметили следы. Если бы это были неправильные следы Разящей Руки, то индейцы должны были бы предположить, что след ведет на восток, но следы Фрэнка и Джемми были четкими, краснокожие не могли ошибиться. Шошоны последовали по следу и очень скоро приблизились к ним.

С момента исчезновения двух немцев едва прошло две минуты, а индейцы были уже у высокой тсуги. Некоторые спешили, чтобы найти пропавший след.

– Иве, иве, ми, ми! (то есть «здесь, здесь, вперед, вперед!») – кричал один.

Он нашел то, что искал. Краснокожий исчез. Разящая Рука услышал из своего укрытия, что они галопом последовали за двумя беглецами.

«Сейчас самое необходимое – мудрость и быстрота, – подумал он. – Джемми, вероятно, именно тот человек».

Вдруг его лошадь тихонько фыркнула: верный признак того, что она хочет, чтобы ее хозяин обратил на что-то внимание. Животное глянуло на белого охотника большими умными глазами и повернуло голову в сторону, наверх. Охотник взял в руки штуцер, стал на колени, готовый выстрелить, и устремил взгляд своих зорких глаз вверх. Деревья стояли здесь так тесно, что не позволяли видеть ничего дальше себя. Однако через секунду он спокойно отложил штуцер в сторону. Он увидел среди нижних ветвей украшенные иглами дикобраза мокасины и понял, что носивший эту обувь человек – его лучший друг. В ту же секунду ветви зашуршали, и вождь апачей Виннету предстал перед ним.

Глава V

Он был одет так же, как Разящая Рука, кроме того, что вместо высоких сапог он носил мокасины. Конечно, не было на нем и шляпы. Напротив: его длинные густые черные волосы были зачесаны и стянуты в высокий хвост. Голову украшала широкая налобная повязка из кожи гремучей змеи. Никакие орлиные перья не украшали его прическу. Этому воину не требовались отличительные знаки вождя: достаточно было только взглянуть на него, чтобы тотчас понять – это весьма непростой человек. На шее он носил мешочки с «лекарствами», трубку мира и тройное ожерелье из медвежьих когтей: трофеи, которые он добыл сам в смертельных схватках. В руке он держал двустолку, деревянная часть которой была обита серебряными гвоздями. Это было знаменитое Серебряное ружье, пули из которого всегда находили свою цель. Его открытое, по-мужски красивое лицо имело почти римский профиль, скулы были почти незаметны, а кожа была матово-смуглой с легким бронзовым отливом.

Это был Виннету, вождь апачей, самый знаменитый из индейцев. Его имя звучало в каждой бревенчатой хижине, у каждого лагерного костра. Справедливый, умный, верный, храбрый до дерзости, не терпящий фальши друг и защитник всех нуждающихся в помощи, будь то красные или белые, он был известен во всех уголках Соединенных Штатов и даже за их пределами.

Разящая Рука поднялся с земли. Он хотел заговорить, но Виннету коротким жестом остановил его. Второй его жест означал, что надо быть настороже и прислушиваться к каждому шороху.

Издалека доносилось монотонное пение. Постепенно эти звуки становились все громче, следовательно, те, кто их издавал, приближались.

И вот Разящая Рука и его спутник слышали громкий лошадиный топот, стало возможным различить и слова приближающейся песни. Вернее, только слова «тотси-вув! тотси-вув!». Обозначает это не что иное, как скальп.

Теперь Разящая Рука понял, что оба немца не избежали столкновения с индейцами и были взяты в плен. Шошоны ехали вниз по склону друг за другом, как принято у индейцев. В середине цепочки находились оба пленника. Ноги их были крепко привязаны к лошадям, оружия при них, естественно, не было. Никаких следов ранений. А вдруг схватки вообще не было? Может быть, они, оказавшись в окружении, поняли, что сопротивление бесполезно, и сдались без боя.

Никто из шошонов не догадывался, что совсем рядом за ними кто-то наблюдает. Но пленные думали о Разящей Руке, которого оставили здесь. Они осматривались по сторонам и смотрели вверх. Разящая Рука должен был подать им знак, ведь он наверняка их заметил. Он, конечно, понимал, что кто-то из шошонов может его увидеть, но все-таки решился. Разящая Рука высунулся из-за куста и махнул шляпой. Когда он увидел, что Толстяк Джемми заметил его, он отпрянул назад.

Краснокожие исчезли из виду. Еще какое-то время можно было слышать однообразное «тотси-вув! тотси-вув!», потом наступила тишина.

Вдруг Виннету повернулся и, не сказав ни слова, ушел, оставив спутника одного. Тот спокойно ждал. Минут, должно быть, через десять апач вернулся, ведя своего коня в поводу. Поистине непостижимо, как животному удалось пробраться сквозь густой лес по такому обрывистому, покрытому галькой склону! Жеребец был тех же кровей, что и у Разящей Руки, хотя все же коню охотника можно было отдать предпочтение, ибо благородный вождь подарил своему белому брату лучшего из двух.

И вот они стоят рядом – два человека, сердца которых не дрогнут даже перед целым индейским племенем. Разящей Руке было достаточно одного только взгляда в лицо апача, чтобы понять, что не нужно никаких объяснений. Оба настолько хорошо были знакомы, что легко могли угадывать мысли друг друга. Поэтому белый спросил:

– Вождь апачей обнаружил место, где воины шошонов разбили свой лагерь?

– Виннету шел по их следу, – кивнул тот. – Они там, где в прежние времена вода стекала с гор в Кровавое озеро, и поднялись вверх по высохшему руслу реки. Дальше следы поворачивают влево и ведут через холмы, в настла-атахеле – котловину, где сейчас стоят их вигвамы.

– Это жилые палатки?

– Нет, военные. Их три, в них все воины и ютятся. Виннету точно сосчитал следы и написал на дереве, сколько их. В украшенном орлиными перьями вигваме живет их предводитель. Это Токви-Тей (Черный Олень), храбрый вождь шошонов. Виннету видел его изда-лека и узнал по трем шрамам на щеках.

– Так что решил мой краснокожий брат?

– Виннету не собирается показываться шошонам. Он не боится, они вышли на тропу войны, и борьба неизбежна, но все же он не хотел бы убивать никого из этих воинов, потому что они не сделали ему ничего плохого. Сейчас они взяли в плен двух бледнолицых. Мой белый брат хочет освободить их, так и будет, и Виннету все равно придется бороться с ними.

Апач так свободно говорил о мыслях и намерениях Разящей Руки, будто читал их. Для бледнолицего это было настолько очевидно, что он просто спросил:

– Думаю, мой брат понял, кто эти бледнолицые?

– Виннету увидел толстую фигуру белого и понял, что это Джемми-петаче – Толстяк Джемми. Другой хромал, когда слезал с лошади. Его конь был свеж, да и его костюм тоже, и это говорило о том, что он не мог слишком много времени провести в седле. Значит, этот человек живет где-то неподалеку, и именно поэтому он, скорее всего, легкомысленный Инди-хиш-шоль-денчу, которого бледнолицые называют Хромым Фрэнком. Он друг Охотника на Медведей.

У апачей нет специального слова, обозначающего «хромой». Произнесенные вождем четыре слова, означают «человек, который плохо ходит ногами». Что ж, это доказывало его проницательность.

– Мой краснолицый брат угадал имена обоих охотников, – произнес Разящая Рука. – Он заметил хромоту Фрэнка, следовательно, находился недалеко от нас, когда я с ними разговаривал, верно?

– Да. Виннету наблюдал за шошонами и увидел, что часть их направилась в сторону Кровавого озера. Виннету знал, что его белый брат будет рядом с озером, поэтому он поехал по холмам и через лес, к дереву нашей встречи. Лошадь не давала быстро двигаться вперед, и я не успевал предупредить своего брата, поэтому я остановил коня, оставил его и бегом поспешил дальше. Отсюда уже и увидел внизу своего брата с двумя бледнолицыми. Он также увидел шошонов, которые заметили следы белых. Последние поспешили уйти, но были пойманы краснокожими, которые охотились на них. Теперь, разумеется, Разящая Рука попытается освободить их, и, значит, Виннету будет стоять на его стороне. Он также предположил, что оба белых здесь, у Кровавого озера и у Чертовой Головы, не одни. Они наткнулись на след Разящей Руки и отделились от своих товарищей для того, чтобы какое-то время исследовать его. Мой белый брат узнает, где находятся их спутники, и мы разыщем их, чтобы они помогли нам освободить пленников.

Это было очередным доказательством необычайной проницательности Виннету. Разящая Рука рассказал ему в нескольких словах, что он узнал от Джемми и Фрэнка. Апач внимательно слушал, а потом сказал:

– Тьфу! Тогда эти собаки сиу, отправившиеся в поход, должны увидеть, что Разящая Рука и Виннету не потерпят того, чтобы Охотник на Медведей принял мученическую смерть у столба пыток. Мы сегодня освободим Толстяка и Хромого Фрэнка, а затем поедem с ними и их товарищами к Йеллоустоуну, чтобы показать сиу из племени огаллала, что Разящая Рука, который когда-то одним кулаком убил трех их самых храбрых воинов, снова вернулся в горы Толи-тлицу.

Это сложное слово означает «Желтая река», то есть почти то же, что и название реки Йеллоустоун.

Разящая Рука был очень рад, что Виннету готов добровольно отправиться на помощь Бауману. Он сказал:

– Мой индейский брат угадал мое желание. Мы пришли в эти места не для того, чтобы проливать кровь краснокожих, но мы не позволим пострадать невинным людям из-за прошлой моей схватки. Пусть Виннету будет с теми, кто отправляется на спасение пленников!

Они свели своих лошадей вниз по крутому склону, а затем вскочили на них и быстро поскакали в том же направлении, которое ранее выбрали Джемми и Фрэнк для своего неудачного побега.

Уже почти стемнело, поэтому они пустили своих лошадей галопом. Вскоре наездники добрались до места, где шошоны настигли беглецов. Там они остановились на несколько минут, чтобы изучить следы.

– Тут не было никакой борьбы, – сказал Виннету.

– Нет. Бледнолицые даже не были ранены. Если бы они стали защищаться, шошонам трудно было бы взять их целыми и невредимыми. Они поступили мудро, когда, поняв, что бой может им только принести вред, добровольно сдались.

Виннету сделал один из своих своеобразных точных описательных жестов и спросил:

– Мой брат говорит «мудро»? Я хотел бы его спросить, поступил бы он или Виннету так, окажись они на месте тех, кто подвергся преследованиям со стороны шошонов?

– Сдались? Мы? Конечно нет!

– Хуг!

– Мы боролись бы до смерти, и многие шошоны пали бы, прежде чем взяли нас.

– Может быть, мы бы и не боролись. Хотел бы Виннету увидеть шошонов, которые смогли бы догнать его и Разящую Руку, если бы под ними были оба их гневных. И к тому же разве не Разящая Рука мастер скрывать свои собственные следы и лучший следопыт? У шошонов многие уже поражены слепотой Великого Духа. Ни один из них не заметил бы наш след. Храбрость – украшение мужчины, но мудростью он способен победить больше врагов, чем томагавком.

Они поехали дальше на юг вдоль подножия хребта, оставляя слева от себя котлован бывшего озера.

– Неужели мой брат уже придумал, как ему освободить двух белых? – спросил Разящая Рука.

– Виннету не нуждается в плане. Он вернется к шошонам и похитит заключенных. Так он думает. Эти змеи индейцы не стоят того, чтобы Виннету из-за них составлял какой-то план. Разящая Рука разве не получил доказательств того, что у них в головах нет мозгов?

Разящая Рука сразу понял, что имеет в виду индеец.

– Да, – сказал он. – Никто из них даже не подумал, что белые охотники могут быть здесь не одни. Если бы им пришла эта мысль в голову, они должны были бы отправить нескольких разведчиков. Значит, мы имеем дело с людьми, особой мудрости которых не стоит опа-

саться. Будь их вождь Токви-Тей в этом отряде, мы, конечно же, повстречали бы впереди разведчиков.

– Они все равно ничего бы не нашли: Виннету и Разящая Рука смогли бы привлечь внимание этих людей и ввели бы их в заблуждение.

Они достигли места, где овраг почти прямо на запад врезался в горы. Там они разглядели следы беглецов, но уже было так темно, что отпечатки невозможно было прочесть точно. Они повернули по следу направо.

Ущелье было довольно широким, и пройти его не составляло труда. Оба всадника, несмотря на темноту, уверенно двигались вперед. Поскольку их животные не имели подков, то шума почти не производили – только находясь совсем рядом, можно было бы уловить легкое постукивание копыт.

Вскоре они обнаружили уходящую влево ветку бокового ущелья. Всадники придержали коней перед узким проходом. Задумались: а вдруг внутри четверо разыскиваемых и разбили свой лагерь?

Пока они стояли, конь Виннету нетерпеливо рыл копытом землю и пофыркивал – верный признак того, что животное почуяло близость чего-то незнакомого, а может, даже враждебного.

– Мы на верном пути, – произнес белый. – Свернем налево. Лошадь хочет показать нам, что там кто-то есть.

Минут десять они продвигались вперед довольно медленно – здесь ущелье делало поворот, а затем, когда изгиб остался позади, они увидели огонь, который горел на расстоянии примерно ста шагов. Ущелье в этом месте расширялось и образовывало поросшую деревьями площадку, в центре которой прямо из земли бил ключ, струя которого терялась где-то в песчаном грунте.

У источника деревья расступались, образуя маленькую полянку. Там, у костра, сидели три человека, черты лиц которых невозможно было разглядеть из-за приличного расстояния.

– Что думает мой брат? – спросил Виннету. – Это они?

– Мы ищем четверых, а их только трое. Прежде чем они заметят наше присутствие, давай еще раз посмотрим, кто же перед нами.

Разящая Рука спешился, Виннету сделал то же самое.

– Будет достаточно, если я пойду один, – сказал Разящая Рука.

– Хорошо! Виннету подождет.

Апач взял лошадей за поводья и отошел с ними в сторону, к отвесной каменной стене. Разящая Рука осторожно проскользнул вперед под деревья и стал красться от ствола к стволу, пока не залег за последним деревом. Теперь он хорошо видел сидевших у костра. Они разговаривали, и разговор этот был небезынтересен.

Это были Длинный Дэви, Вокаде и Мартин Бауман. Негра Боба нигде не было видно. Черный добряк после дня пути ощущал себя рыцарем прерий и был крайне озабочен тем, что и вести себя должен именно как рыцарь без страха и упрека. Поэтому, отужинав, он заявил, что будет заботиться о безопасности своего молодого массы и двух других массеров. Дэви напрасно пытался ему объяснить, что именно здесь и сейчас в этом нет необходимости.

И теперь, вместо того чтобы охранять вход в ущелье, откуда, вероятнее всего, и могла появиться опасность, он усердно патрулировал совершенно с противоположной стороны. Он не заметил ничего подозрительного, поэтому вернулся к костру именно тогда, когда Разящая Рука спрятался за деревом; но не присел, а продолжил патрулирование.

– Боб, – позвал Дэви, – останься тут! Хватит изображать разведчика! Здесь поблизости нет ни одного индейца.

– Откуда масса Дэви это может знать? – спросил Боб. – Индсмен может быть где угодно: справа, слева, там, сям, вверху, внизу, сзади, впереди...

– И в голове, – рассмеялся Дэви.

– Масса может смеяться сколько захочет. Боб знает свой долг. Массер Боб быть великим и знаменитым человеком на Западе, он не будет делать ошибку. Если индсмен придёт, массер Боб немедленно его убивать.

Чуть раньше он сломал молоденькую, но высохшую ель и сжимал сейчас в руках ее небольшой ствол почти в десять дюймов толщиной. С этим оружием Боб чувствовал себя безопаснее, чем с ружьем в руках.

Дав Дэви достойный ответ, он отправился обратно.

Разящая Рука был уверен, что перед ним именно те люди, которых он искал. Он уж было хотел обнаружить свое присутствие, но Боб вдруг повернул к тому месту, где стоял Виннету. Это обещало теплую встречу, и охотник, улыбнувшись, спокойно остался лежать за деревом.

Он не ошибся. Негр приблизился к скале. Оба жеребца учуяли Боба еще издали и забеспокоились. Виннету, безусловно, в отблесках костра заметил, что приближающийся человек – чернокожий, а так как от Разящей Руки он слышал о том, что один из разыскиваемых негр, то теперь был убежден, что перед ним были друзья. Поэтому он не вел себя враждебно и позволил негру приблизиться.

Одна из лошадей фыркнула. Боб услышал это. Он остановился и прислушался. Очередное фырканье убедило его, что кто-то или что-то прячется совсем близко.

– Кто там? – спросил он.

Ответа не последовало.

– Боб спросил, кто там! Если нет ответа, то массер Боб убивать того, кто там быть!

Ответа снова не прозвучало.

– Ну, тогда всем, кто быть там, придется умереть!

Он поднял дубину и подошел ближе. Жеребец Виннету поднял гриву, его глаза блеснули. Он вскочил на дыбы, махнув передними копытами прямо перед Бобом. Чернокожий смельчак был ошарашен, когда в непосредственной близости перед ним возникла из темноты гигантская фигура. Он заметил, сверкающие глаза и услышал грозное фырканье: копыта просвистели почти у самой головы негра. К счастью, он успел отскочить в сторону.

Боб был смелым парнем, но должен был признать, что с таким соперником связываться слишком опасно. Дубина выпала из его рук, и он рванул с места, крича изо всех сил:

– Горе мне! Помогите, помогите, помогите! Он хочет убить массер Боб! Он хочет проглотить массер Боб! Помогите, помогите, помогите!

Трое, сидевшие у огня, вскочили на ноги.

– Что случилось? – задал вопрос Дэви.

– Гигант, гигант, призрак, призрак хотеть задушить массер Боб!

– Ерунда! И где же он?

– Там, он быть там, у скалы.

– Хватит смеяться над нами, Боб! Призраков не бывает.

– Массер Боб видеть его!

– Скорее всего, это была скала какой-нибудь странной формы.

– Нет, это не скала!

– Значит дерево!

– Нет, и не дерево. Это что-то живое!

– Ты ошибся.

– Массер Боб не ошибся. Дух настолько огромен, такой, такой! Негр насколько мог вытянул обе руки высоко над головой. – У него есть глаза, как огонь, раскрывает пасть,

как дракон, и так ударить массер Боба, что он чуть не упасть. Массер Боб видеть его большую бороду, такую большую, такую длинную!

Скорее всего, он имел в виду длинную черную конскую гриву, которую увидел даже в темноте и принял за бороду гиганта.

– Ты в своем уме?! – осведомился Дэви.

– О, массер Боб в нем самом, в самом прямом смысле! Он знает, что он видел. Масса Дэви может просто пойти и тоже проверить!

– Ну ладно, давайте посмотрим, что наш смелый негр принял за гиганта или призрак!

Он хотел уже пойти, но из-за его спины вдруг раздалось:

– Бога ради, мастер Дэви, стойте, где стоите! На самом деле это не призрак.

Он развернулся и приложил приклад к щеке. Вокаде стоял наготове со своим ружьем, готовый к стрельбе, а Мартин Бауман прицелился. Все три дула были направлены на Разящую Руку, который поднялся с земли и вышел из-за дерева.

– Добрый вечер! – приветливо сказал он. – Спрячьте ваши пушки, господа! Я пришел как друг, чтобы передать вам привет от Толстяка Джемми и Хромого Фрэнка.

Дэви опустил винтовку, остальные последовали его примеру.

– Передать привет? – переспросил он. – Вы их встретили?

– Да, конечно.

– Где?

– Там, внизу, на берегу Кровавого Озера, куда они пришли по следу «слона».

– Все верно. Они узнали, кто был этим слоном?

– Да, это была моя лошадь.

– Черт подери! У нее что, гигантские плоские ноги, сэр?

– Нет, скорее всего, у нее очень даже маленькие копыта. Просто это отпечатки плетеной «обуви» для лошадей, которые они приняли за следы слона.

Он указал на четыре плетенки из камыша, которые висели у него на поясе. Длинный Дэви сразу понял, что это было:

– Как умно! Мастер надевает на ноги коню такие подошвы, чтобы ввести в заблуждение людей, которые увидят след! Послушайте, эта идея очень хорошая, настолько хорошая, будто я сам придумал ее!

– Да, Длинный Дэви всегда угадывает лучшие идеи охотников, которые промышляют между двумя морями.

– А то нет, сэр! Скорее всего, я не глупее вас. Понятно?

При этих словах он метнул презрительный взгляд на чистый костюм Разящей Руки.

– Не сомневаюсь, – ответил последний. – И раз вы такой умный, то не могли бы сказать мне, что это за призрак, которого увидел Боб?

– Я готов съесть центнер пуль без масла и петрушки, если это не был ваш конь!

– Совершенно верно, вы угадали.

– Чтобы додуматься, не нужно быть гимназистом, как Толстяк Джемми. Но все же скажите мне, где запропастился этот парень в компании с Хромым Фрэнком? Почему вы пришли один?

– Они задерживаются. Потому что были приглашены на ужин... Приглашены шошонами.

Дэви от ужаса переменялся в лице.

– Небеса! Неужели вы хотите сказать, что их захватили в плен?

– К сожалению, именно это я и имел в виду.

– В самом деле? Точно? Вы уверены?

– Да. На них напали и захватили в плен.

– Шошоны?! Захватили?! В плен?! Только этого нам не хватало! Вокаде, Мартин, Боб, быстро по коням! Мы сейчас же отправляемся к шошонам. Если они нам их не выдадут, покрошим шошонов в винегрет!

Он поспешил к лошадям, которые паслись у воды.

– Погодите-ка, сэр! – произнес Разящая Рука. – Не все так просто. Вы знаете, где искать шошонов?

– Нет, но, надеюсь, вы нам это скажете.

– Сколько их человек?

– Человек? Неужто вы думаете, что я буду подсчитывать, сколько их человек, когда речь идет об освобождении моего Толстяка Джемми? Их может быть хоть сотня, хоть две – это не имеет значения. Он должен быть освобожден.

– По крайней мере, хотя бы немного подождите, прежде чем пороть горячку! Думаю, нам следует сначала многое обсудить. Я не один. Вот идет мой товарищ, который так же, как и вы, хочет хорошо провести вечер.

Виннету заметил, что Разящая Рука спокойно говорит с людьми у костра, и поэтому вышел с лошадьми из укрытия. Длинный Дэви был действительно удивлен, увидев краснокожего в компании с белым, но, похоже, не посчитал вождя особо важной фигурой, потому что сказал:

– Краснокожий! И такой же чистенький, как и вы. Будто только что вылупившийся из яйца. Скорее всего, вы не вестмен?

– Нет, не совсем. Как вы сразу догадались.

– Я так и подумал! А это, вероятно, индсмен, который принял в дар от «Великого отца» в Вашингтоне несколько кусков земли?

– Теперь вы ошибаетесь, сэр!

– Вряд ли.

– Точно вам говорю. Мой спутник – человек, который не мог получить что-либо от президента Соединенных Штатов. Он скорее...

Охотник был прерван Вокаде, который издал крик радостного изумления. Молодой индеец подошел ближе к Виннету и стал рассматривать его ружье.

– Уфф! – воскликнул он. – Маца-скамон-за-вакон – «Серебряное ружье»!

Длинный немного знал язык сиу и понял, что сказал Вокаде.

– «Серебряное ружье»? – переспросил он. – Где? Ах, здесь! Раз оно здесь, покажите мне его, мой красный сэр!

Виннету позволил взять оружие из его рук.

– Это Маца-скамон-за-вакон, – воскликнул Вокаде. – А это красный воин Виннету, великий вождь апачей!

– Что? Что? Этого просто не может быть! – воскликнул Длинный. – Хотя по вашему описанию это очень похоже на то самое серебряное ружье.

Он вопросительно посмотрел на Виннету и Разящую Руку. В этот момент его лицо отнюдь не имело выражение, как у человека слишком большого ума.

– Это действительно Серебряное ружье, – ответил Разящая Рука. – А мой спутник – действительно Виннету.

– Послушай, парень, не стоит со мной так глупо шутить!

– Ну что ж! Если вы так хотите, принимайте это за шутку. Я не собираюсь рисовать родословную апачей вам на спине.

– Это бы очень плохо закончилось, сэр! Но, если этот красный джентльмен действительно Виннету, кто же тогда вы? В этом случае вы, вероятно...

Он остановился на полуслове в тот момент, когда его осенила мысль, и даже забыл закрыть рот. Он уставился на спокойного незнакомца, всплеснул руками, подпрыгнул в воздухе и затем продолжил:

– Так и есть! Вот где зарыта собака, что больше любого слона! Я обидел самого известного человека на Западе, на которого когда-либо светило солнце прерий! Если этот индсемен – Виннету, то вы не кто иной, как Разящая Рука, потому что эти двое так же неразлучны, как мы с Толстяком Джемми. Скажите, я прав, сэр?

– Да, вы не ошиблись.

– От радости я готов собрать все звезды с неба, а затем развесить их на деревьях, чтобы отпраздновать вечер, когда я познакомился с вами, так сказать с подсветкой! Добро пожаловать, господа, добро пожаловать к нашему костру! Простите нам нашу глупость!

Он схватился за руки обоих и так сжал их, словно хотел, чтобы те закричали. Негр Боб ничего не сказал. Ему было очень стыдно, что он принял лошадь за привидение. А Вокаде тем временем отошел в тень, он оперся о дерево и прекратил бросать на прибывших восхищенные взгляды – даже совсем юные индейцы стараются не выставлять свои чувства напоказ. Вокаде считал, что совершил бы большую ошибку, если бы остался стоять рядом с этими великими воинами, как с равными. Мартин Бауман просто не спускал глаз с двоих мужчин, о подвигах которых слышал так много рассказов. Уж он-то и не думал отходить в сторону, как молодой индеец. Он стоял напротив двух охотников, которые давно были для него кумирами, хотя не мог даже надеяться, что достигнет в жизни чего-то подобного.

Виннету позволил Дэви его крепкое рукопожатие, трем другим он спокойно кивнул. Он был сдержан, как всегда. Однако Разящая Рука постарался выказать свое расположение и с каждым поздоровался за руку, даже с Бобом. Вокаде был впечатлен таким поведением, он положил свою правую руку на сердце и тихо заверил:

– Вокаде охотно отдаст свою жизнь за Разящую Руку! Хуг!

После того как приветствия закончились, Разящая Рука и Виннету сели у огня. Первый рассказывал. Второй молча достал свою трубку и набил ее. Дэви принял это как признак того, что вождь хочет выкурить с ними трубку мира. Он был очень этому рад. Его предположение подтвердилось, когда Разящая Рука в конце своего повествования объявил, что они оба, Виннету и он, готовы сегодня же освободить Джемми и Фрэнка, а затем вместе отправиться к реке Йеллоустоун.

Теперь Виннету зажег трубку и поднялся. После того как он выпустил дым во всех положенных направлениях, апач пояснил, что он будет нта-йе, то есть «старшим братом», новым знакомым, и передал трубку Разящей Руке. От него она перешла к Дэви. Когда он сделал церемониальные затяжки, почувствовал себя неловко. Оба знаменитых вестмена уже раскурили ее, может ли он передать ее юношам и даже негру?

Виннету прочитал его мысли. Он кивнул головой в их сторону и произнес:

– Сын Охотника на Медведей уже убил гризли, а Вокаде победил белого буйвола. Они будут великими героями, а потому должны выкурить трубку мира с нами. Что касается черного человека, то он тоже проявил немалую смелость, пытаясь убить призрака.

Это была шутка, над которой, пожалуй, можно было бы и посмеяться, но раскуривание трубки мира – серьезный ритуал, в котором подобного веселья следует избегать. Боб, конечно, горел желанием восстановить свою честь, поэтому, когда он последним получил трубку и сделал несколько глубоких затяжек, поднял руку, широко расставил все пять пальцев, как будто собирался принести пятикратную присягу, и выкрикнул:

– Массер Боб быть герой и джентльмен! Он быть друг и защитник масса Виннету и масса Разящая Рука. Он убивать всех их врагов, он делать все для вас. Он... он... он, если потребуется, быть умереть!

Это была настоящая присяга! При этом Боб вращал глазами и скрежетал зубами так, что никто не усомнился в серьезности его заверений. Клятва была принята.

После этого все вернулись к обсуждению главного. Составить детальный план не представлялось возможным: никто толком не знал, каково положение пленников. Необходимо было разыскать лагерь шошонов.

– Когда мы его найдем, тогда сможем всё решить, но не раньше...

Конечно, Длинный Дэви был крайне огорчен этим обстоятельством, переживая, что его Джемми находится в руках краснокожих, а Мартин очень волновался о Хромом Фрэнке. Оба были готовы рисковать своей жизнью, чтобы освободить друзей. Вокаде позволил себе только заметить:

– Вокаде знал, что оба бледнолицых попадут в беду. Он предупреждал их, но они не хотели его слушать.

– Они поступили правильно, – произнес Дэви. – Если бы они не последовали по следу слона, то не повстречали бы вождя апачей и Разящей Руки. Хотя они и угодили в плен, мы их вызволим, тем более что нам помогут двое наших новых друзей, лучше которых и не пожелаешь. Так что отправляемся к шошонам! Теперь они познакомятся с Длинным Дэви!

На том и порешили. Шесть всадников как можно быстрее поспешили обратно, вниз по боковому ущелью. На выходе из главного ущелья они повернули влево, на север. Они проехали совсем немного, когда Виннету осадил своего коня. Остальные тотчас сделали то же самое.

– Виннету поедет вперед, – сказал он. – Моим братьям не стоит ехать слишком быстро, стоит избегать лишнего шума. Им следует делать то, что от них потребует Разящая Рука.

Он спешил и быстро что-то сделал с четырьмя копытами своего коня. Потом он снова сел и ускакал прочь. Шум, издаваемый копытами его лошади, теперь был едва слышен. Стук копыт напоминал теперь звук, будто человек бьет кулаком по земле. В соответствии с желанием вождя остальные последовали за ним медленным шагом.

– Что он сделал? – поинтересовался Дэви.

– Разве вы не увидели, что он просто повесил железные подковы на пояс, как это делаю я? – ответил Разящая Рука. – Он обул своего гнедого жеребца в плетенки, чтобы не быть услышанным, но чтобы самому все слышать.

– Вот почему...

– Шошонам, захватившим в плен ваших товарищей, даже в голову не приходила мысль, что рядом могут быть и другие бледнолицые, друзья их пленников. Но Токви-Тей, вождь шошонов, мудрее и рассудительнее, чем его воины. Он скажет себе, что два охотника вряд ли рискнут оказаться одни в таких опасных местах, а потому вполне вероятно, что он вышлет дополнительных разведчиков.

– Ба! Это совершенно бесполезное предприятие. Как эти парни найдут нас в такой темноте? Они не знают, где мы находимся, и не смогут увидеть никаких следов.

– Вы слывете хорошим вестменом, мастер Дэви, поэтому я удивляюсь вашим речам. У шошонов здесь свои охотничьи угодья и пастбища, следовательно, местность им отлично известна. Или вы не думаете, что это так?

– Конечно!

– Ну так делайте выводы! Будут ли осторожные охотники, если они здесь оказались, останавливаться на открытой местности или в песчаном котловане бывшего озера?

– Ни за что.

– Но где же тогда?

– Тут, в горах.

– Следовательно, в какой-нибудь долине или ущелье. Вы можете проделать долгий путь, но за исключением древнего русла реки, по которому следовали шошоны, и ущелья,

в котором вы останавливались, фактически ничего больше не найдете. Там и только там следует вас искать.

– Дьявольщина! Вы правы, сэр. Сразу видно, что мы путешествуем с самим стариной Разящая Рука!

– Благодарю за комплимент, но он не по адресу, ибо то, что я вам говорю, может сказать каждый, кто прожил на Западе хотя бы несколько месяцев. А теперь продолжим: в местности, подобной этой, спутники никогда не расстаются надолго. Отсюда следует, что вы не могли удалиться далеко от Джемми и Фрэнка, значит, ваш лагерь не в глубине ущелья, а, скорее всего, в его ответвлении, которое предпочтет любой толковый вестмен. Таким образом, шошоны совершенно точно знают, где следует вас искать. То, что вы считаете невозможным, на самом деле достижимо без особых хлопот. Об этом прежде всего догадается вождь шошонов, но то, что я вам сейчас объяснял, знает и Виннету. Он поскакал вперед, чтобы не дать разведчикам шошонов обнаружить нас.

Дэви что-то тихо пробормотал себе под нос, а потом сказал:

– Очень хорошо, сэр! Но теперь то, что задумал Виннету, кажется совершенно безнадежным.

– Почему?

– Как он сможет в такой темноте заметить каких-то разведчиков? Они если и не заметят его сначала, то непременно услышат.

– Когда речь идет о Виннету, такие сомнения неуместны. У него великолепный конь, он отлично выдрессирован – так, как вам и не снилось. Это животное, к слову сказать, еще перед входом в боковое ущелье ясно дало понять, что вы находитесь там. Так, я уверен, будет и на этот раз, тем более мы едем против ветра – конь заранее сообщит своему хозяину о приближении любого существа. А потом, вы просто не знаете апача. Его интуиция остра, как у дикого зверя, если что-то упустят глаза, уши или обоняние, сработает его шестое чувство, которым обладают только те, кто с рождения живет среди дикой природы. Это не просто дар предвидения, скорее это инстинкт. Он сильнее любого другого вида чутья. И на того, у кого он есть, можно полагаться смело.

– Хм, у меня тоже что-то такое есть!

– Да и у меня тоже, но с Виннету в этом я не могу сравниться. Кроме того, вы должны принять во внимание, что его лошадь обута в плетенки, в то время как шошоны, если действительно пойдут на разведку, и не задумаются над тем, чтобы как-то заглушить стук копыт своих лошадей.

– Ого! Они также будут осторожными!

– Нет, они решат, что в данном случае такая осторожность будет не только излишней, но и вредной.

– Почему вредной?

– Потому что она в свою очередь помешает им действовать быстро. Они уверены, что вы до сих пор в лагере ждете ваших товарищей. А это значит вот что: они уверены, что ни с кем по пути не столкнутся, следовательно, нет ни малейших причин сдерживать лошадей.

– Ну, если так, то все ясно и с вами трудно в чем-то не согласиться. Скажу вам со всей откровенностью, что я повидал много умных парней и многих из них обводил вокруг пальца, так что всегда считал себя довольно умным. Но должен признать, что перед вами я спасовал. Виннету сказал, что мы должны исполнять ваши указания, он как бы провозгласил вас нашим предводителем, что немного втайне разозлило меня. Теперь я признаю, что он поступил правильно. Вы сильно превосходите нас, потому я и в будущем охотно стану под ваше знамя.

– Такого я и в мыслях не держал. В прерии у всех равные права. Я не претендую на какие-либо привилегии по этой части. Я полагаю так: пусть главное решает тот, у кого больше опыта или способностей, но никто в подобных делах не должен ничего предпринимать без согласия на то других. Золотое правило, проверено не раз и не два.

– Пусть будет так, посмотрим. Но каковыми будут наши действия, если мы столкнемся с разведчиками шошонов, сэр?

– А вы бы что сделали?

– Дал бы им уйти.

– Вы серьезно?

– Да. Они не смогут навредить нам. Мы сделаем свое дело прежде, чем они вернутся.

– Мы не можем этого утверждать. Если мы позволим им пройти, они найдут оставленный лагерь и потушенный костер.

– И что из этого?

– Они поймут, что мы отправились на помощь пленным.

– Вы в самом деле считаете, что они так подумают? Может они просто решат, что мы продолжили нашу поездку?

– Ни в коем случае. Люди, к которым не вернулись товарищи, не поедут дальше без них, это яснее ясного.

– Значит, нужно этих разведчиков обезвредить?

– Как минимум.

– Убить?

– Нет. Человеческая кровь, знаете ли, чрезвычайно драгоценная жидкость. Виннету и Разящая Рука всегда помнят об этом и никогда не пролили зря ни капли чужой крови. Я друг индейцев и знаю, кто прав – они или те, кто снова и снова вынуждает их защищаться и хвататься за нож. Красный человек ведет отчаянную борьбу, и он, по-видимому, проиграет в ней. Я готов пощадить индейца, даже если он считает меня врагом, ибо знаю, что его вынудили быть моим противником. Потому мне и сегодня не взбретет в голову совершить убийство.

– Как же вы хотите вывести шошонов из игры, не убивая их? Если мы столкнемся с ними лоб в лоб, схватка неизбежна! Они станут защищаться ружьями, томагавками, ножами...

– Ба! Я не имею ни малейшего желания встречаться с врагами. Но ради ответа на ваш вопрос хотел бы, чтобы они решили все же послать разведчиков. У вас бы тогда появилась возможность увидеть, как захватывают таких людей.

– А если их будет слишком много?

– Этого можно не опасаться. Если их будет много, они станут препятствием сами для себя. Больше, чем двух, не пошлют и... Стойте, кажется, Виннету возвращается!

В следующий миг Виннету уже стоял перед ними.

– Следопыты, – коротко сказал он.

– Сколько? – поинтересовался Разящая Рука.

– Двое.

– Хорошо! Виннету, Дэви и я останемся здесь. Остальные быстро поскачут в пески, возьмут с собой наших лошадей и будут ждать от нас сигнала.

Он спрыгнул на землю, Дэви тоже. Виннету уже передал Вокаде поводья своего коня. Через несколько секунд остальных и след простыл.

– Что будем делать? – спросил Дэви.

– Вам ничего не придется делать, только смотреть, – ответил Разящая Рука. – Спрячьтесь здесь за деревом, чтобы вас не увидели. Слышите, они идут?

Разящая Рука и апач передали ружья и лошадей своему спутнику.

– Ши дарте, ние овье!²⁸ – произнес апач, сделав жест рукой вправо и влево, а затем скрылся из вида.

Длинный Дэви слился с деревом, а в двух шагах от него Разящая Рука улегся на землю. Оба шошона приближались довольно быстро. Они переговаривались. Их диалект не позволял сомневаться в том, что они действительно были шошонами. Вот они уже совсем рядом, вот проехали мимо места, где притаились белый и индеец.

Длинный Дэви увидел, как Разящая Рука поднялся с земли и бесшумно разбежался.

– Сарич – «собаки»! – закричал один из разведчиков, и больше не раздалось ни слова.

Дэви выскочил из укрытия раньше. Он заметил двух человек на одной лошади или, скорее, четырех человек на двух лошадях – двоих нападавших и две жертвы. Животные понесли, рванувшись вперед, потом назад и в стороны, но напрасно. И всадники, и лошади оказались в полной власти двух внезапно набросившихся на них людей. Шошоны с самого начала не имели возможности защищаться. После короткой борьбы все стихло и лошади покорно стали.

Разящая Рука спрыгнул, держа бесчувственного разведчика под руки.

– Сарки (готов)? – повернув голову вправо, спросил он.

– Сарки! – ответил ему Виннету.

– Эй, идите сюда!

На этот крик пришли верхом Вокаде, Мартин и Боб.

– Мы их взяли. Привяжем их лассо к их лошадям и возьмем с собой. Теперь у нас есть два заложника, которые будут нам полезны.

Шошоны, которым крепко сдавили горло, вскоре снова пришли в себя. Естественно, их разоружили, после чего ошарашенных пленников привязали к лошадям – ноги под брюхом животных, а заломленные назад руки также стянули крепким лассо. Разящая Рука предупредил шошонов, что при малейшей попытке к сопротивлению они будут убиты. И маленький отряд тронулся в путь. Хотя разведчики были обезврежены, Виннету продолжал скакать впереди. Предосторожность апача была небезосновательной.

Через некоторое время они достигли бывшего русла реки, которое уходило от них влево, в горы. Всадники свернули и двинулись по нему. Ехали молча, ведь кто-нибудь из разведчиков наверняка неплохо знал английский.

Через полчаса они снова встретились с едущим впереди Виннету, который вдруг придержал своего коня.

– Мои братья должны спешиться, – произнес он. – Шошоны остановились там, за холмом, мы поднимемся через лес.

Проделать это было вовсе не легко, особенно из-за пленных. Под деревьями царил непроницаемый мрак. Люди шли на ощупь, выставив вперед одну руку, а другой вели лошадей в поводу. Виннету и Разящая Рука выполняли самую тяжелую работу – они были первопроходцами, ведущими еще и лошадей пленников. Лишний раз можно было убедиться, как умны их жеребцы: животные, словно верные псы, трусили сами по себе позади хозяев, и, несмотря на тяжелейший путь, не издавали никаких звуков, хотя другие лошади довольно громко сопели и фыркали.

Наконец тяжелый участок был преодолен. Апач остановился.

– Мои братья пришли к цели, – снова заговорил он. – Привяжите своих коней, а затем помогите привязать пленных к деревьям.

Это указание было исполнено. Оба шошона, как только их приставили к стволам, тотчас получили по кляпу, хотя и позволяющему дышать, но не дающему говорить, а уж тем более кричать. Затем апач подал знак своим спутникам, чтобы те следовали за ним.

---

²⁸ Я – этого, ты – того!

Он отвел их всего на несколько шагов вперед. Вершина, на которую они только что поднялись с восточной стороны, здесь снова круто обрывалась. Там, внизу, покоилась котловина, о которой говорил Виннету и где пылал один-единственный большой костер. Сориентироваться на местности было невозможно. Люди видели лишь свет костра и больше ничего, все остальное поглотила непроглядная тьма.

– Так, значит, там и сидит мой Толстяк? – спросил Дэви. – Интересно, что он делает?

– Что может делать пленник у индейцев? Ничего, – ответил молодой Бауман.

– Ого! Вы плохо знаете Джемми, мой мальчик! Думаю, он уже придумал, как сможет немного прогуляться сегодня ночью без разрешения краснокожих!

– Без нас он вряд ли справится, – ответил Разящая Рука. – Кроме того, он знает, что я приду к нему на выручку, и в любом случае догадывается, что я приду с вами.

– Ну, сэр, тогда не будем тратить время зря, и быстро вниз!

– Естественно, мы должны сделать это тихо и осторожно, спустимся один за другим. Однако следует кого-то, на кого мы можем положиться, оставить с лошадьми и пленными. Это Вокаде!

– Уфф! – в восторге воскликнул молодой индеец, ему польстило доверие, оказанное Разящей Рукой.

Поскольку он видел его сегодня впервые, это был действительно риск, оставить одного юного индейца с пленными и лошадьми, которые несли вещи всех всадников, а самому пойти на дело. Но искренность, с которой Вокаде уверил траппера, что его жизнь принадлежит тому без остатка, покорила сердце белого. Кроме того, наблюдая за юным краснокожим, Разящая Рука успел понять, что тот справится.

– Мой юный краснокожий брат сядет рядом с пленными с ножом в руке, – давал он Вокаде наставления. – Если хотя бы один из шошонов попытается бежать или просто захочет поднять шум, то сразу окажется с ножом в сердце!

– Вокаде сделает это!

– Он останется здесь, пока мы не вернемся, и ни при каких обстоятельствах не покинет это место!

– Вокаде будет сидеть здесь и голодать, если братья не вернуться!

Он произнес эти слова таким серьезным тоном, что в его обещании уже никто не усомнился бы. Юноша вытащил нож «боуи» и сел между пленниками. Разящая Рука еще раз напомнил, что их ждет, если они не будут вести себя спокойно, после чего пять человек начали тяжелый спуск.

Склон, как уже говорилось, был достаточно крут. Деревья едва не терлись ветвями друг о друга, а между ними разрослось столько разлапистых кустов, что отважные люди, соблюдавшие повышенную осторожность, продвигались вперед очень медленно. Они не имели права издавать ни единого звука. Хруст одной-единственной ветки мог выдать их.

Виннету пробирался впереди – его глаза ночью видели не хуже, чем глаза кошки. За ним крался Мартин Бауман, следом – Длинный Дэви, после него – негр, а Разящая Рука замыкал шествие.

Прошло более трех четвертей часа, прежде чем они преодолели расстояние, на которое днем ушло бы не больше пяти минут. Они оказались на дне котловины, недалеко от леса, здесь уже деревья не росли. То тут, то там темнели лишь одинокие кусты.

Костер горел ярко, что совсем не свойственно индейцам. Это было явным признаком того, что шошоны чувствовали себя в полной безопасности.

В то время как белые складывают дрова пирамидой, чтобы огонь сразу пожирал их, порождая высокое, издали заметное и сильно дымящее пламя, индейцы кладут поленья по кругу таким образом, чтобы каждое являлось его радиусом. Только в центре горит маленькое пламя, поддерживаемое потихоньку подталкиваемыми в середину поленьями. Такой

огонь часто используется краснокожими, его низкое пламя легко скрыть, и от него очень мало дыма, который едва ли можно заметить даже на небольшом удалении. К тому же индейцы – мастера отыскивать именно тот хворост, который при горении почти не распространяет никаких запахов. Вообще запах дыма на Западе крайне опасен. Острый нюх краснокожего распознает его даже на большом расстоянии.

Но сегодня огонь был разведен по способу белых, а аромат жареного мяса стелился по всей долине. Виннету втянул в себя воздух и прошептал:

– Макасси-сиче (спина буйвола).

Его обоняние было настолько развито, что он мог даже определить часть животного, из которой вырезано мясо.

Они увидели три больших вигвама, расставленные так, что образовывали вершины остроугольного треугольника. Ближайший к ним шатер был украшен орлиными перьями, его занимал вождь. В центре треугольника горел огонь.

Лошади краснокожих не были привязаны и свободно паслись. Воины сидели у огня и спокойно вырезали себе порции жаркого прямо с запекшейся туши, насаженной над огнем на крепкий сук. Они вели себя очень шумно, что также противоречило всем индейским законам. Похоже, то обстоятельство, что они недавно поймали двух пленников, и привело их в такое возбужденное состояние. Несмотря на ощущаемую ими безопасность, они выставили несколько часовых, которые неторопливо прохаживались взад-вперед. Но по их виду было ясно, что все они считают себя несправедливо обойденными и больше интересуются тушей на костре, нежели окрестностями лагеря.

– Дьявол! – пробормотал Дэви. – Как же мы вызволим наших товарищей оттуда? Что вы думаете, господа?

– Во-первых, мы хотели бы услышать ваше мнение, мастер Дэви, – ответил Разящая Рука.

– Мое? Черт возьми! У меня его нет.

– Тогда будьте любезны немного подумать!

– Это не очень поможет. Я представлял себе положение совсем по-другому. Эти красные мошенники совсем без ума. Сидят себе вокруг костра, и нет никакой возможности сунуться к ним! Могли бы и разойтись по вигвамам!

– Я смотрю, сэр, вы любите комфорт! Может быть, вы хотите, чтобы индсмены снарядили экипаж и привезли вам сюда Толстяка Джемми? Тогда вам вообще не следовало соваться на Запад!

– Совершенно верно! Но вряд ли такое произойдет. Если бы мы только знали, в котором из вигвамов они находятся!

– Конечно, в том, который принадлежит вождю.

– Тогда у меня есть предложение.

– Какое?

– Мы подкрадемся как можно ближе и нападём на них, как только они заметят нас. При этом мы поднимем такой шум и разыграем такой спектакль, что они подумают, будто нас человек сто. Они в ужасе убегут, мы освободим пленных из вигвама и как можно быстрее покинем лагерь.

– Это ваше предложение?

– Да.

– Не хотите еще что-нибудь добавить?

– Нет. Разве это вам не нравится?

– Совершенно не нравится.

– Ого! Считаете, что можете придумать получше?

– Не стану утверждать, что это лучше, но в любом случае это будет более разумным.

– Сэр! Это оскорбление? Я все-таки Длинный Дэви!

– С некоторых пор мне это известно. И это не оскорбление. Вы видите: индсмены держат оружие при себе. Если мы нападём на них, они, пожалуй, и будут ошеломлены, но лишь на миг, только на один миг. Потом они бросятся на нас.

– Но я полагаю, что это никого из нас не напугает.

– Риск очень велик, а зря рискует только глупец. Даже если мы победим, прольется очень много крови, а этого можно избежать. Какой прок вам с того, если мы освободим пленников, а сами вы будете застрелены? Не лучше ли найти иной путь, который приведет нас к цели без кровопролития?

– Сэр, если бы вы нашли такой путь, я, конечно же, снял бы перед вами шляпу.

– Возможно, я его уже нашел.

– Тогда расскажите и нам скорее. Я сделаю все возможное.

– Может быть, нам и не придется вас утруждать. Я хочу услышать, что о моем плане скажет вождь апачей.

Несколько минут он разговаривал с вождем на языке апачей, который остальные не понимали, затем обратился к Длинному Дэви:

– Итак, мы с Виннету сделаем вот какую хитрость. Когда мы покинем вас, вы спокойно останетесь здесь. Даже если мы не появимся в течение двух часов, вы никуда не уходите и не пытайтесь что-либо предпринять. Только в том случае, если вы услышите стрекот сверчка, можете вмешаться.

– Каким образом?

– Вы быстро, но очень тихо и незаметно придете в вигвам, который стоит ближе к нам. Мы с Виннету подкрадемся туда раньше. В случае, если понадобится ваша помощь, я подам упомянутый сигнал.

– Вы сможете симитировать стрекот сверчка?

– Конечно! Большое преимущество, когда охотник умеет подражать голосам некоторых животных. Главное, чтобы голос животного вы использовали в то время суток, в которое можно услышать это животное. Сверчки поют по ночам, поэтому шошоны, услышав мое стрекотание, не обратят на него внимания.

– Но как это у вас получится?

– Очень просто – благодаря травяному стеблю. Руки складывают вместе так, чтобы большие пальцы лежали друг на друге, а травинку зажимают ими, туго натягивая. Между двух нижних фаланг больших пальцев образуется узкое пространство, в котором стебелек может вибрировать. Благодаря этому получается что-то вроде духового инструмента. А теперь коротко дуют в стебель: «фрр-фрр-фрр!» – плотно прижав при этом рот к большим пальцам, – вот так рождаются звуки, очень напоминающие стрекот сверчка. Конечно, сначала нужно поупражняться.

Тут вмешался Виннету:

– Мой белый брат может объяснить это позже. Сейчас у нас нет на это времени. Начнем.

– Хорошо! Может, возьмем наши тотемы?

– Да! Шошоны должны знать, кто к ним пришел.

Многие вестмены и знаменитые индейские воины пользуются своими тотемами или амулетами с изображением тотема как отличительными знаками, по которым можно узнать, к какому племени или клану принадлежат их владельцы. Иной раз краснокожий вырезает свой тотем на ухе, на щеке, на лбу или руке убитого им в бою врага. Кто потом отыщет труп и узнает тотем, тот узнает и победителя, который снял с павшего скальп.

Виннету и Разящая Рука сломали несколько коротких веток с ближайшего куста и заткнули их за пояс, чтобы позже с их помощью изготовить свои знаки, которые известны каждому краснокожему.

Затем они легли на землю и стали продвигаться в сторону того самого вигвама, который находился перед ними на расстоянии восьмидесяти шагов.

Глава VI

Незаметно подкрадываться к врагу – занятие не из легких. Если нет никакой опасности и причин заботиться о том, чтобы замаскировать следы, можно ползти вперед, опираясь на локти и колени. В результате остаются довольно крупные отпечатки, особенно в траве. Но, если хочешь избежать всего этого, продвигаться вперед приходится исключительно на кончиках пальцев рук и ног. При этом нужно вытянуться во всю длину тела, чтобы оно находилось как можно ближе к земле, однако не касалось ее, и всей тяжестью опереться на пальцы. Чтобы научиться выдерживать подобную нагрузку хотя бы недолго, необходимы сила и ловкость, а кроме того, упражнения в этом занятии, и за несколько лет упорных тренировок можно обрести это умение. Бич пловцов – судороги во время плавания, вестмены могут так же сказать о судорогах при подобном передвижении. И в том и в другом случае судороги могут привести даже к смерти.

Пока вестмен крадется к врагу, он должен быть предельно внимателен и ни в коем случае не ставить руку или ногу на землю, прежде чем хорошенько не обследует поверхность. Если, к примеру, его пальцы наткнутся на маленькую, незаметную ветку, да еще и сухую, которая обязательно треснет, то треск этот может повлечь за собой весьма плачевные последствия. Опытный охотник сразу уловит, человек или зверь тому причиной. Со временем все органы чувств вестмена развиваются до полного совершенства, и он, лежа на земле, может услышать даже шорох бегущего жука. Упадет с ветки на землю сухой листок сам по себе или его неосторожно стряхнет скрывающийся враг – это уж он непременно разберет.

Тот, кто владеет искусством незаметно подкрадываться к врагу, пальцы стоп ставит именно в те места, где прежде побывали пальцы рук. Остающийся след почти незаметен, и его можно легко и быстро замести.

От того, насколько хорошо ты умеешь замести (впрочем, вестмен сказал бы «погасить») след, часто зависит жизнь. Особенно когда подкрадываешься к какому-нибудь лагерю. Но самая тяжелая и опасная часть этого предприятия – обратный путь. Возвращаться следует спиной вперед, «гася» за собой каждый оставленный отпечаток. «Гашение» производится правой рукой, поскольку обе ступни и пальцы левой держат тем временем на себе все тело. Кто хотя бы раз пробовал продержаться в таком адском положении лишь минуту, быстро поймет, какое колоссальное напряжение должен испытывать охотник, иногда часами находящийся в таком положении.

Так было и сейчас.

Разящая Рука – впереди, а Виннету – позади, медленно продвигались вперед вышеописанным образом. Белый пядь за пядью ощупывал и изучал землю, а индеец стремился стать за ним именно след в след. Вот почему они продвигались вперед крайне медленно.

Трава была довольно высокой, почти в локоть. С одной стороны, это было хорошо: такая высокая трава полостью скрывает человека, но с другой стороны, плохо – в высокой траве хорошо виден любой след.

Чем ближе они подкрадывались, тем отчетливее становились видны детали лагеря. Но вот лагерь уже совсем близко, недалеко от них медленно прохаживается взад-вперед часовая. Как же незаметно подобраться к вигваму?

Обоих опытных охотников эта ситуация ничуть не смущала.

– Быть может, Виннету взять на себя охранников? – шепотом спросил вождь апачей.

– Нет, – ответил Разящая Рука. – Я знаю, что тут могу полностью положиться на свой кулак.

Мягко, тихо, как змеи, они ползли в траве, все ближе и ближе подкрадываясь к часовой. А тот и понятия не имел, что враг совсем близко. Последние вполне ясно видели крас-

нокожего в свете костра. Он казался совсем юным и не имел с собой никакого другого оружия, кроме ножа за поясом и ружья, которое удобно висело у него на плече. Одет он был в шкуру буйвола. Черты его лица разглядеть было невозможно: все оно было покрыто красными и черными пересекающимися полосами – боевой раскраской шошонов.

Он ни разу не посмотрел в сторону двух разведчиков: все его внимание было направлено исключительно на лагерь. Может быть, аромат жарившегося на огне мяса привлекал его больше, чем положено для часового.

Но даже если бы он бросил взгляд на то место, где они затаились, то не смог бы ничего заметить: их темные фигуры были неразличимы на столь же темном фоне травы. Охотники разумно воспользовались тенью, отбрасываемой вигвамом, напротив которого горел костер. И тем не менее они уже были на расстоянии восьми шагов от часового!

Он протоптал в траве прямую дорожку. И нападение надо было совершить на этом месте, чтобы не было заметно других следов.

Сейчас он снова развернулся в крайней точке своего пути и медленно стал возвращаться, идя справа налево, если смотреть с места, где прятались оба охотника. Они, естественно, оставили свои ружья, чтобы ничего не сковывало их движения. Часовой прошел мимо них и, как и они, находился сейчас в тени.

– Быстро! – прошептал Виннету.

Разящая Рука привстал и, сделав два гигантских скачка, оказался за спиной у индейца, который, услышав звук, резко обернулся. Но над ним уже навис кулак Разящей Руки. Удар по виску – и шошон рухнул. Виннету в два прыжка очутился рядом с ним.

– Он мертв? – спросил апач.

– Нет, только без сознания.

– Мой брат может связать его. Виннету займет его место.

Ружье шошона было поднято с земли и заброшено на плечо, апач пошел в направлении, которое ранее выбрал часовой. Издали Виннету ничем не отличался от прежнего часового. И теперь он патрулировал вверх и вниз. Это был очень смелый, и, конечно же, необходимый шаг. Между тем Разящая Рука пробрался к вигваму вождя, охотник пытался немного приподнять край полотна, чтобы заглянуть внутрь, но оно было туго натянуто – сначала нужно было развязать веревку, которой полотно крепилось к шесту.

Проделать это следовало с особой осторожностью: возможно, что его заметят изнутри, и тогда все пропало. Прижавшись к земле, Разящая Рука опустил голову как можно ниже. Мягко и тихо приподнял край полотна. Теперь он смог осмотреться.

То, что он увидел, удивило его. Там не было ни пленных, ни шошонов. Только один вождь сидел на шкуре буйвола и курил душистую, пряную смесь из табака и коры ивы. Он наблюдал из приоткрытой палатки за занятой сценой, которая разыгралась у костра. Разящая Рука вернулся назад. Он прекрасно знал, что ему делать, но не мог действовать без согласия апача. Вот почему он снова опустил полотно, присел у вигвама, сорвал травинку и зажал ее между двумя пальцами. Послышался мягкий мелодичный стрекот.

– Тхо-инк-каи – сверчок поет, – прозвучали голоса шошонов из лагеря.

Если бы они только знали, что это был за сверчок! Стрекот послужил сигналом для Виннету. Апач, не изменяя манере бесшумно двигаться, медленно подошел к вигваму, пока не оказался в его тени и стал невидимым. Положив ружье на траву, он лег и как можно быстрее пополз вперед. Оказавшись на месте, он прошептал:

– Зачем мой брат позвал меня?

– Я хочу посоветоваться с тобой, – так же тихо ответил Разящая Рука. – Пленных нет в палатке.

– Это плохо. Придется вернуться назад, а потом заглянуть в другие палатки. На это может понадобиться так много времени, что и к утру не справимся.

– Может быть, это и не понадобится, потому что Токви-Тей, Черный Олень, сидит там.

– Уфф! Сам вождь! Один?

– Да.

– Значит, мы можем больше не искать пленников!

– Я тоже об этом думаю. Если мы захватим вождя, то сможем заставить шошонов выдать нам Толстяка Джемми и Хромого Фрэнка.

– Мой брат прав. Могут ли шошоны у костра заглянуть в вигвам?

– Да! Но свет огня не достигает того места, где находимся мы.

– И все же они заметят, что их вождя в ней больше нет.

– Значит, они подумают, что он отодвинулся в тень. Мой брат Виннету должен быть готов помочь мне, если первый захват не удастся.

Они переговаривались настолько тихо, что в палатке не было слышно ни звука. Теперь Виннету мягко и медленно приподнял полотно настолько, чтобы Разящая Рука, который всем телом прильнул к земле, смог проползти внутрь. Смелый охотник проделал это так тихо, что Черный Олень не успел почувствовать приближающуюся опасность.

Теперь Разящая Рука был внутри. Апач оказался в вигваме только наполовину, чтобы при необходимости немедленно прийти на помощь. Белый охотник зашел справа. Теперь он мог без труда добраться до шошона. Быстрый и мощный удар в область шеи – и Черный Олень выронил трубку, взмахнул пару раз руками в воздухе, а затем повалился. Казалось, и его дыхание остановилось. Разящая Рука быстро оттащил его из круга света обратно в темноту вигвама, осторожно положил его, а потом пополз наружу, вытянув за собой вождя.

– Молодец, – прошептал Виннету. – Мой белый брат обладает силой медведя. Но как мы его унесем? Нам нужно вынести его и не забыть «погасить» наши следы.

– Это будет совсем не просто.

– Что станем делать с часовым, которого связали?

– Также возьмем с собой. Чем больше шошонов окажется в наших руках, тем быстрее отдадут пленников.

– Пусть мой брат понесет вождя, а Виннету понесет другого. Но мы не сможем стереть следы, поэтому должны будем вернуться снова.

– Боюсь, что в этом случае мы потеряем слишком много драгоценного времени.

Он замолчал. Произошло то, что положило быстрый конец всем их проблемам. Раздался громкий, пронзительный крик.

– Тигув-их, тигув-их! – кричал голос. – Враги, враги!

– Часовой очнулся. Быстрее! – сказал Разящая Рука. – Берем его!

Виннету уже летел прыжками к тому месту, где лежал связанный шошон, легко подхватил его и мгновенно исчез из виду.

Разящая Рука в очередной раз подтвердил свою репутацию лучшего из вестменов. Несмотря на опасность, он все же на несколько мгновений задержался за палаткой. Вытащив веточки, которые он сломал заранее, охотник снова приподнял полотно вигвама и воткнул их в землю внутри палатки так, что они скрестились, напоминая рогатку. Лишь после этого он взвалил на плечи вождя и поспешил с ним прочь.

Шошоны сидели очень близко к огню, их ослепленные ярким светом глаза, как и предполагал Разящая Рука, не сразу привыкли к ночной темноте. Они были в растерянности: смотрели в темноту, но не могли ничего разглядеть. Кроме того, они не могли определить, с какой стороны раздался крик о помощи. Так что опасное отступление Виннету и Разящей Руки полностью удалось. Апач на обратной дороге был вынужден остановиться. Невозможно было совершенно закрыть шошону рот. Хотя пленнику и не удалось позвать на помощь, но он так громко стонал, что Виннету пришлось на мгновение сдавить рукой его горло.

– Кого это вы принесли сюда? – задал вопрос Дэви, когда оба пленника были сброшены на землю.

– Заложников, – ответил Разящая Рука. – Быстро заткните им кляпами рты, а вождя свяжите.

– Вождя? Вы шутите, сэр?

– Нет, это он.

– Небеса! Какая удача! Теперь долго еще одних разговоров повсюду будет только о том, что Черный Олень похищен из-под самого носа краснокожих! Это по силам только Разящей Руке и Виннету!

– Хватит пустой болтовни! Мы должны двигаться дальше, к вершине, где остались наши лошади.

– Мой брат не должен спешить, – сказал апач. – Отсюда нам будет лучше, чем сверху, видно, что начнется в лагере шошонов.

– Верно, Виннету, – признал Разящая Рука. – Шошоны не додумаются добраться сюда. Им неизвестно с кем они имеют дело и сколько нас. Они ограничатся тем, что останутся в лагере. И до рассвета вряд ли что-то предпримут.

– Виннету сможет позаботиться о том, чтобы им не хватило мужества покинуть свой лагерь.

Апач взял ружье и опустил дуло очень близко к земле. Разящая Рука сразу все понял.

– Стой! – сказал он. – Они не знают где мы, но могут заметить вспышку от выстрела. Я думаю, что их обманет эхо. Дайте сюда ваши куртки и пиджаки, господа!

Длинный Дэви снял свой знаменитый резиновый плащ, остальные тоже послушались Разящую Руку. Потом они развернули свою одежду и держали ее в руках так, чтобы со стороны лагеря она закрывала огонь выстрелов, как своеобразная ширма. Виннету два раза спустил курок. Как только грохнули выстрелы, наполнившие своим гулким эхом всю долину, шошоны ответили леденящим душу воем.

Они явно растерялись – ведь на них никто не нападал. Если противник и вправду существует, то почему он медлит с атакой? А может, тревога была ложной? Но кто же тогда издал этот крик? Наверняка один из часовых. Обо всем нужно было спросить его. И первый, кто должен проделать это, – их вождь. Но почему в таком случае он до сих пор не выходит из палатки?

У входа в вигвам вождя сгрудилась толпа воинов. Появившись несколько минут, они все же решили заглянуть внутрь и оторопели...

– Черный Олень уже ушел, чтобы расспросить часового, – высказал предположение один из них.

– Мой брат ошибается, – ответил другой. – Вождь не мог покинуть шатер так, чтобы мы его не заметили.

– Но его здесь нет!

– Он не мог просто исчезнуть!

– Значит, к этому имеет отношение злой дух Вакон-Тонка!

Пожилый воин оттолкнул их в сторону и произнес:

– Злой дух может убить и принести несчастье, но не может заставить воина исчезнуть. Если вождь не выходил из палатки, но все же исчез, это возможно только в том случае, если...

Он помолчал. Прежде только часть полотна прикрывала вход, теперь же он был открыт полностью и свет от костра освещал все внутри.

Старик вошел, и наклонился.

– Уфф! – воскликнул он. – Вождя похитили!

Ему никто не ответил. То, что он говорил, выглядело невероятным, и все же они не подвергали сомнению мнение такого опытного воина.

– Мои братья не верят? – спросил он. – Вы можете проверить. Вот здесь полотно палатки ослаблено, а вот ветви застряли в земле. Я знаю, что это означает. Это знак Нон-пай-клама, которого бледнолицые называют Разящая Рука. Он был здесь и он похитил Черного Оленя.

В этот миг как раз прозвучали два выстрела апача.

– Быстро тушите огонь! – приказал старик. – Враги не должны видеть цели.

Индейцы тут же разбросали в сторону горящие сучья и затоптали пепелище. Вождь исчез, и само собой вышло так, что шошоны теперь подчинялись самому старому и самому опытному среди них воину. Всё вокруг погрузилось во мрак. Каждый взял свое ружье, и по приказу старика воины оцепили вигвамы, чтобы отразить нападение неприятеля с любой стороны.

Трое из четырех выставленных для охраны лагеря часовых, как только услышали выстрелы, вернулись в лагерь, но один из них все не появлялся. Исчез Мох-ав, сын вождя шошонов. Его имя на языке этого племени означает «москит», и, стало быть, юный индеец получил его, вероятнее всего, за храбрость и великолепное владение ножом, от которого погиб уже какой-нибудь противник.

Один из самых смелых воинов вызвался найти его и получил на это разрешение. Он лег на траву и исчез во мраке ночи, в направлении пропавшего, который нес вахту. Через некоторое время индеец вернулся с ружьем Москита. Это служило доказательством того, что сына вождя постигло несчастье.

Старик посоветовался с самыми авторитетными воинами, и этот Совет решил: вигвам, где находились пленники, должен охраняться особенно бдительно, лошадей следует привязать к кольям в непосредственной близости от лагеря, но выступать, пока они не узнают точно, с кем имеют дело, неразумно. Надо дожидаться утра, по крайней мере.

Пока шошоны пребывали в замешательстве, Разящая Рука и Виннету позаботились о том, чтобы оба пленника – а вождь к тому времени пришел в себя – не смогли издать ни звука, после чего краснокожие вели себя совершенно спокойно и хранили молчание. Над лесом зависла безмятежная тишина, если не считать время от времени раздававшегося в траве приглушенного стука копыт.

– Мои братья могут слышать, как шошоны собирают всех своих лошадей. Они привяжут их рядом с палатками и до зари не будут ничего предпринимать, – объяснил Виннету. – Мы можем идти.

– Да, пора возвращаться, – согласился Разящая Рука. – Мы, конечно, не станем ждать утра. Черный Олень должен как можно скорее узнать наши требования.

Он шагнул к пленным, которые находились на некотором удалении ото всех, так что они не могли слышать, о чем говорят. Разящая Рука пока еще не знал, что добыча намного ценнее, чем он предполагал. Он поднял с земли Черного Оленя, взвалил его на плечи и стал подниматься в гору. Остальные последовали за ним, Виннету нес Москита.

Любому другому было бы почти невозможно подняться с таким грузом в кромешной темноте по лесистому горному склону. Но этим двоим, казалось, все удастся без труда. Возбравшись наверх, они нашли всё в полном порядке. Вокаде выполнил свой долг.

Длинный Дэви стал развязывать лассо и сказал:

– Дайте сюда этих парней! Сейчас мы их привяжем друг к другу.

– Нет! – ответил Разящая Рука. – Мы покинем это место.

– Почему? Вы думаете, что здесь небезопасно?

– Да, именно это я и имел в виду.

– О, шошоны сами с удовольствием оставят нас в покое. Вам повезло, они не знают кто это сделал.

– Я знаю это так же, как и вы, мастер Дэви. Но мы должны поговорить с вождем, а может быть, и с остальными пленными. Поэтому придется вынуть кляпы, а если мы сделаем это здесь, то вы легко можете представить себе, что они любым способом постараются подать сигнал о помощи, который будет, конечно, отлично слышен шошонам.

– Мой брат прав, – подтвердил апач. – Виннету был здесь сегодня, когда следил за шошонами. Он знает место, где со своими братьями может беспрепятственно допросить пленнх.

– Мы должны развести огонь, – заметил Разящая Рука. – Там это возможно?

– Да. Привяжите пленнх к лошадям!

Как только это было сделано, маленький отряд начал свое ночное продвижение через густой лес, Виннету, как главный, шел впереди.

Разумеется, поход был очень медленным. Через полчаса они прошли расстояние, на которое днем ушло бы минут пять. Апач остановился.

Естественно, пленники пока не знали, в чьи руки они попали и даже не догадывались, сколько их. Оба разведчика, захваченные раньше, в темноте не могли видеть, что появилось еще два пленника. Последние ничего не знали об участии, постигшей разведчиков, а вождь понятия не имел, что он здесь вместе со своим сыном, как и сын не подозревал, что рядом его отец. Чтобы они и дальше не знали друг о друге, после того как пленнх сняли с лошадей, их снова изолировали друг от друга.

Разящая Рука прилагал усилия, чтобы не дать Черному Оленю понять, насколько силен враг, в руки которого он попал. Вот почему он решил вести переговоры с вождем сначала один на один.

Остальные вынуждены были удалиться. Затем он собрал сухие ветки, валявшиеся на земле, чтобы развести огонь.

Они с шошонами находились на маленькой поляне шириной всего в несколько шагов. Именно это место видел апач сегодня днем и заметил, что оно как нельзя лучше подходит для скрытого лагеря, а его прирожденное чутье ориентироваться было настолько острым, что он без труда нашел лагерь в полной темноте.

Поляна со всех сторон была окружена деревьями, между которыми папоротник и заросли терновника стояли сплошной стеной и не позволяли свету костра проникнуть за ее пределы. С помощью панка Разящая Рука легко зажег сухие ветки, а затем томагавком со стоящих вокруг деревьев нарубил толстых нижних сухих веток, чтобы поддерживать огонь. Он хотел лишь осветить это маленькое место, поэтому костер был небольшим.

Шошон лежал на земле, исподлобья наблюдая за действиями белого охотника. Как только Разящая Рука закончил свои приготовления, он подтащил пленного ближе к огню, усадил его и вытащил кляп изо рта. Индеец не мог дышать нормально с кляпом, но он никак не показал, что почувствовал облегчение. Воину-индейцу стыдно показать кому-то, что он думает или чувствует. Разящая Рука сел напротив него с другой стороны огня и пристально посмотрел на своего врага.

Тот был, судя по мускулистой фигуре, очень силен, носил охотничий костюм из бизоньей кожи традиционного индейского покроя без каких-либо украшений. Только в швы были вплетены человеческие волосы, а на поясе висело около двадцати скальпов, правда, они были не то чтобы целые, а лишь хорошо препарированные, величиной с крупную монету куски кожи с макушек поверженных врагов – для целых у него просто не хватило бы места. Из-за пояса торчал нож, который у него никто не отбирал.

Его лицо не было раскрашено, но были хорошо видны три красных шрама на щеках. Он сидел неподвижно, уставившись на огонь, не глядя в сторону белого.

– Токви-Тей не носит боевую раскраску, – начал Разящая Рука. – Почему же тогда он так враждебен по отношению к мирным людям?

Но ответа на вопрос не последовало, вождь даже не взглянул в его сторону. Поэтому Разящая Рука продолжал:

– Вероятно, вождь шошонов онемел от страха, раз не может ответить на мой вопрос?

Охотник прекрасно знал, как на эти слова отреагирует индеец. Реакция не заставила себя долго ждать: пленник метнул в его сторону гневный взгляд и ответил:

– Токви-Тей не знает, что такое страх. Он не боится ни врагов, ни смерти!

– И все же он ведет себя так, как будто боится. Храбрые воины наносят на свое лицо боевую раскраску, прежде чем нападут на врага. Честно говоря, это мужественно, потому что противник знает, что должен защищаться. Но воины шошонов были без раскраски, у них были мирные лица, и все же они напали на белых. Так поступают только трусы! Или я не прав? Найдет ли Черный Олень хоть слово в свое оправдание?

Индеец посмотрел и сказал:

– Черного Оленя не было с воинами, когда они преследовали бледнолицых.

– Это не оправдание. Если бы вождь был честным и смелым человеком, он бы сразу, как только к нему привели бледнолицых, отпустил их. На самом деле я даже не слышал о том, что воины шошонов откопали топор войны. Как во времена прочного мира, они пасут свои стада у рек Тонг и Биг-Хорн и бывают в поселениях белых людей, но все же Черный Олень нападает на людей, которые никогда и ничем не оскорбили его. Может ли он что-нибудь на это ответить, когда храбрый человек считает, что только трус будет действовать таким образом?

Краем глаза краснокожий посмотрел на белого, но даже этот короткий взгляд доказывал, что он был крайне возмущен. Тем не менее голос его был спокоен, когда он ответил:

– Это ты храбрый человек?

– Да, – невозмутимо ответил Разящая Рука.

– Тогда у тебя должно быть имя!

– Разве ты не видишь, что я ношу оружие? Конечно, у меня есть имя.

– Бледнолицые могут носить и оружие, и имена, даже если они трусы. Наиболее трусливые из них имеют самые длинные имена. Мое ты знаешь. Значит, тебе известно, что я не трус.

– Тогда освободи двух белых пленников и борись с ними открыто и честно!

– Они осмелились появиться у Кровавого озера. Они умрут!

– Тогда ты тоже умрешь!

– Я уже говорил, что Черный Олень не боится смерти, он даже хочет умереть!

– Почему?

– Он взят в плен, похищен из своего собственного вигвама бледнолицым – он потерял свою честь и не может жить! Он должен умереть, потому что не может спеть песню войны. Он не сможет сидеть в своей могиле гордо и прямо, как на боевом коне, увешанный скальпами своих врагов, он будет лежать на песке и его растерзают клювами вонючие стервятники.

Вождь сказал это медленно и монотонно, без каких-либо эмоций на лице, и все же каждое произносимое слово отдавало болью, граничащей с отчаянием. В его положении он был абсолютно прав. Быть похищенным из своего вигвама, окруженного вооруженными воинами, было и в самом деле невероятно позорно.

Разящая Рука в душе сочувствовал этому человеку, но не показал этого. Для вождя это было бы еще большим оскорблением, и в его сознании еще более укрепились бы мысли о смерти. Вот почему охотник сказал:

– Токви-Тей заслужил свою судьбу, но тем не менее он может остаться в живых, хотя он и мой пленник. Я готов вернуть ему свободу, если вождь прикажет своим воинам взамен освободить двух бледнолицых.

Ответ гордого краснокожего прозвучал с презрением:

– Токви-Тей больше не может жить. Он хочет умереть. Можешь привязать его к столбу. Хотя он не будет говорить о делах, которые приумножили его славу, но он не дрогнет перед смертельными муками.

– Я не собираюсь привязывать тебя к столбу пыток. Я христианин. Даже если мне приходится убивать животное, я убиваю его так, чтобы оно не испытывало страданий. Твоя смерть – бесполезная жертва. Несмотря на нее, я все равно освобожу пленников.

– Попробуй! Ты смог оглушить меня хитрым приемом и похитить только благодаря темноте ночи. Теперь воины шошонов предупреждены. Вам не удастся освободить бледнолицых. Они осмелились появиться на Кровавом Озере и за это умрут медленной страшной смертью. Раз ты победил Черного Оленя, то он умрет, но будет жить его единственный сын Мох-ав, гордость души его, который отомстит! Уже сейчас лицо Мох-ава окрашено в цвета войны, потому что он был избран нанести смертельный удар захваченным бледнолицым. Он раскрасит свое тело их теплой кровью и после будет защищен от любой враждебности бледнолицых.

Вдруг в кустах раздался шелест. Пришел Мартин Бауман, наклонился к уху Разящей Руки и шепнул ему:

– Сэр, должен сказать вам, что пленный часовой – сын вождя. Виннету удалось разговорить его.

Это сообщение очень порадовало охотника. Он ответил так же тихо:

– Пусть Виннету немедленно отправит его ко мне.

– Каким образом? Краснокожий связан и не может идти.

– Длинный Дэви может принести его, а после останется здесь вместе с ним.

Мартин ушел. Разящая Рука повернулся к индейцу и сказал:

– Я не боюсь Москита. Да, он имеет имя, но кто и где слышал о его подвигах? Если мне понадобится, я его также возьму в плен.

На этот раз вождь не смог сдержаться. О его сыне говорили с презрением! Он сдвинул брови и, сверкнув глазами, сказал сердито:

– Кто ты такой, и как смеешь так говорить о Мох-аве? Попробуй себя с ним в бою, тебе от одного только его взгляда захочется закопаться под землю!

– Тьфу! Я не борюсь с детьми!

– Мох-ав не ребенок и не мальчик! Он боролся с сиу-огаллала и многих одолел. У него глаза орла, а слух ночной птицы. Ни один враг не сможет захватить его. Он устроит кровавую месть отцам и сыновьям бледнолицых за своего отца, Черного Оленя!

В этот момент подошел Длинный Дэви с молодым индейцем на плечах. Он своими длинными ногами переступил густой подлесок, положил индейца на землю и сказал:

– Вот, я принес мальчишку. Может, пройтись разок по его спине, чтобы он понял, что шутки с нами не уместны?

– Об этом не может быть и речи, мастер Дэви. Усадите его и сядьте сами рядом с ним. Кляп можно убрать. Он уже не нужен, мы будем разговаривать.

– Да, сэр! Но хотел бы я знать, что мальчик может высказать тут.

Длинный повиновался. Как только Москит выпрямился, оба шошона с ужасом посмотрели друг на друга. Вождь ничего не сказал и сидел неподвижно. Но, несмотря на его смуглую кожу, можно было заметить, что кровь отхлынула от лица. Сын был не в состоянии себя так контролировать.

– Уфф! – вскричал он. – Токви-Тей тоже пойман! Это вызовет слезы в вигвамах шошонов. Великий Дух отвернулся от своих детей.

– Молчи! – прогремел отец. – Ни одна из скво шошонов не будет проливать слезы, если Токви-Тей и Мох-ава поглотит туман смерти. Они закрыли свои глаза и уши и стали безум-

ными, как жабы, которые без сопротивления позволят змее проглотить их. Стыд и позор отцу и сыну! Ни одни уста не скажут о них, и ни одна весть не разнесется о них. Но вместе с их кровью прольется и кровь бледнолицых. Двое белых уже в руках наших воинов, а разведчики шошонов уже в дороге, чтобы открыть путь к новым победам. Позор за позор, кровь за кровь!

Разящая Рука повернулся к Дэви и дал ему распоряжение:

– Приведите остальных, один лишь Виннету пусть пока не показывается!

Длинный встал и ушел.

– Ну, – спросил Разящая Рука, – может быть, Черный Олень видит, что я прячусь в земле от взгляда его сына? Я не хочу вас обидеть. Вождь шошонов известен как храбрый воин и старейшина в Совете. Мох-ав, его сын, будет следовать по его стопам и тоже будет смелым и мудрым. Я дам вам свободу в обмен на освобождение двух белых охотников.

На лице сына мелькнула радость. Он любил жизнь. Но его отец бросил на него гневный взгляд и ответил:

– Черный Олень и Москит без борьбы оказались в руках какого-то жалкого бледнолицего, они не заслуживают того, чтобы жить дальше, они хотят умереть. Только своей смертью они могут искупить позор, который обрушился на них. И умрут не только те бледнолицые, которые уже попали в плен к шошонам, а даже те, кто до сих пор...

Он замолчал. Его взгляд был направлен на двух разведчиков, которых только что привели Дэви, Боб и Мартин Бауман.

– Почему Черный Олень не продолжает? – задал вопрос Разящая Рука. – Или страх сжимает его сердце?

Вождь склонил голову и молча уставился перед собой. Позади него раздвинулись ветви, но вождь не заметил этого. Разящая Рука увидел голову появившегося апача и бросил на него вопросительный взгляд. В ответ последовал легкий кивок. Оба поняли друг друга даже без слов.

– Теперь Токви-Тей видит, что его надежды на очередную победу напрасны, – продолжал Разящая Рука. – И все же я повторю мое предложение. Я освобожу вас здесь и сейчас, если вы пообещаете мне, что два белых охотника также будут отпущены.

– Нет, мы умрем! – закричал вождь.

– Значит, вы погибнете напрасно, потому что мы все равно спасем пленников.

– Да, может быть, вы их и спасете, потому что, кажется, Маниту оставил нас. Если бы он не ослепил нас и не лишил слуха, вряд ли бледнолицым, у которых нет даже имен, удалось бы похитить вождя шошонов.

– Без имен? Хотите услышать наши имена?

Вождь презрительно покачал головой.

– Я не хочу их слышать. Это ни к чему. Какой позор! Если бы Токви-Тей был побежден Нон-пай-кламой, которого бледнолицые называют Разящая Рука, или другим охотником с не менее знаменитым именем, он мог бы успокоиться. Попасть в руки такого воина не стыдно. Но вы, как собаки, у которых нет хозяина. Ездите в компании черного негра. Мне не нужна милость из ваших рук!

– А нам не нужна ни кровь, ни ты сам, – произнес Разящая Рука. – Мы выехали не для того, чтобы убить доблестных сынов шошонов, а хотим наказать собак огаллала. Хотя вы и не желаете, чтобы наши друзья воссоединились с нами, но мы все равно не хотим поступать так трусливо, как вы. Мы позволим вам вернуться в ваши вигвамы.

Он встал, подошел к вождю и освободил его от веревок. Он знал, что затеял рискованную игру, но был знатоком Запада и его людей и лелеял надежду, что не проиграет.

Вождь потерял самообладание. То, что сделал этот белый человек, было дико и совершенно не понятно! Он освободил своих врагов, не выручив прежде своих друзей. Разящая Рука подошел также к Москиту и освободил его от пут.

Черный Олень уставился на него совершенно ошеломленный. Его рука потянулась к поясу и нащупала торчавший там нож. Дикая радость светилась в его глазах.

– Мы свободны! – закричал он. – Свободны! На нас будут смотреть старые скво и тыкать пальцами, постоянно напоминая нам, что мы были схвачены и пленены безымянными собаками! Мы должны ползать по земле в Стране Вечной Охоты и есть мышей, в то время как наши индейские братья будут радовать свое чрево мясом вечно живых медведей и бизонов! Наши имена запятнаны. Никакая кровь наших врагов не сможет смыть эти пятна, их смоет только наша собственная. Это произойдет сейчас же, Токви-Тей умрет и будет гнать душу своего сына перед собой!

Он вытащил из-за пояса нож, шагнул к сыну и замахнулся, чтобы вонзить клинок в его сердце, а затем убить и себя. Москит не шевелился. Он был готов получить удар от отца.

– Токви-Тей! – раздался громкий голос за спиной вождя.

Этому голосу нельзя было не повиноваться. Он обернулся с высоко занесенной рукой с ножом. Перед ним стоял вождь апачей. Шошон опустил руку.

– Виннету! – воскликнул он.

– Ответь на вопрос, вождь шошонов считает Виннету койотом? – спросил апач.

На Западе койотами называют диких степных собак и маленьких волков. Оба животных трусливы, что часто сопровождается дикими приступами чесотки, поэтому сравнение к койотом – большой позор.

– Кто осмелится сказать такое! – ответил шошон.

– Токви-Тей сам сказал.

– Нет!

– Разве не он назвал своих победителей безымянными псами?

Шошон выронил из своей руки нож. Его наконец озарило.

– Виннету – победитель?

– Нет, это его белый брат, который здесь с ним.

Он указал на Разящую Руку.

– Уфф! Уфф! Уфф! – выдал Черный Олень. – Брат у Виннету только один. Человек, которого он называет своим белым братом, – Нон-пай-клама, самый известный среди бледнолицых охотников, они его еще прозвали Разящая Рука. Видят ли глаза Токви-Тея этого охотника?

Он бросал вопрошающие взгляды то на белого охотника, то на Виннету. Апач ответил:

– Глаза моего краснокожего брата устали так же, как устал и его разум, лишив способности думать. Тот, кто одним ударом кулака лишил Черного Оленя чувств, вряд ли может быть безымянной собакой. Мой краснокожий брат скажет по-другому? Или мой краснокожий брат слаб, как больной птенец, которого можно легко вынуть из гнезда? Он знаменитый воин, а тот, кто похитил его из вигвама, несмотря на охранявших его воинов, должен быть героем, носящим великое имя!

Шошон стукнул себя кулаком по голове и ответил:

– У Токви-Тея есть мозг, но он не соображал.

– Да, вот Разящая Рука, его победитель. И даже теперь мой краснокожий брат хочет пойти на смерть?

– Нет, – тяжело вздохнув, ответил вождь шошонов с раскаянием. – Он может остаться в живых.

– Да, потому что своим желанием добровольно отправиться в Царство Вечной Охоты он доказал, что у него сильное сердце. И именно Разящая Рука одним своим ударом свалил на землю и Мох-ава. Это позор для молодого, смелого воина?

– Нет, он может жить.

– Разящая Рука и Виннету еще захватили разведчиков шошонов, но не как врагов. Они хотят обменять их на пленных бледнолицых. Будет ли мой краснокожий брат осуждать разведчиков?

– Нет, иначе он должен осуждать и себя, и даже своего собственного сына.

– А знает ли мой краснокожий брат, что Разящая Рука и Виннету – друзья всех храбрых краснокожих воинов? То, что они никогда не убивают своих красных врагов, а только лишают их возможности бороться, и только в случае, когда нет иного выхода, они забирают жизнь у своих врагов?

– Да, Токви-Тей знает.

– Тогда пусть он выбирает, хочет ли он быть нашим братом или нашим врагом! Если он хочет быть нашим братом, тогда его враги станут и нашими врагами. Если он примет другое решение, мы все равно отпустим его, его сына и его разведчиков, но прольются реки крови за свободу двух бледнолицых пленных. Тогда в каждом вигваме и у каждого костра у детей шошонов будут причины посыпать свои головы пеплом и петь погребальные песни. Он может сделать свой выбор. Виннету сказал!

Воцарилась глубокая тишина. Сам апач и его речь произвели огромное впечатление. Токви-Тей нагнулся, поднял нож, который выпал у него из руки, вонзил лезвие по самую рукоятку в землю и произнес:

– Так же, как исчезло лезвие этого ножа, пусть исчезнет вражда между сыновьями шошонов и отважными воинами, которые здесь с тобой!

Затем он снова вытащил нож, грозно повел лезвием и продолжил:

– И, как этот нож, будет сильна дружба между шошонами и их братьями. Они ответят всем врагам, которые против их союза. Хуг!

– Хуг, хуг! – раздалось эхом вокруг.

– Мой брат сделал правильный выбор, – произнес Разящая Рука. – Он видит здесь Дэви-хонске, знаменитого охотника. Знает ли он имена бледнолицых, попавших к ним в плен?

– Нет.

– Это Джемми-петаче и Хромой Фрэнк, друг Мато-пока, Охотника на Медведей.

– Мато-пока! – воскликнул шошон от удивления. – Почему Хромой не сказал об этом? Разве Мато-пока не брат шошонам? Разве не он спас жизнь Токви-Тею, когда сиу-огаллала шли по его следу?

– Он спас тебе жизнь? Смотри, вот Мартин, его сын, а Боб – его верный черный слуга. Они выступили, чтобы спасти его, и мы вместе с ними, потому что Мато-пока попал в руки огаллала, которые намереваются убить его и пятерых его спутников.

Токви-Тей по-прежнему держал нож в руках. Он бросил его на землю, поставил на него ногу и воскликнул:

– Собаки огаллала будут его мучить, чтобы воздать дань мести? Великий Маниту уничтожит их. Сколько их?

– Их всего пятьдесят шесть.

– Даже если бы их была тысяча, им не избежать гибели. Вот как этот нож они будут вогнаны воинами шошонов в землю. Их души покинут их тела, а их кости побелеют на солнце! Где они? Где я могу найти их след?

– Они в горах реки Желтого камня, где могила Храброго Буйвола.

– Это мой брат Разящая Рука убил Храброго Буйвола и еще двух воинов голыми руками? Такая же участь постигнет и тех, кто решился напасть на Охотника на Медведей. Мои братья должны следовать за мной вниз к лагерю моих воинов. Там мы раскурим трубку мира, и там же на Совете у костра мы решим, каким образом можно быстро догнать этих собак!

Естественно, все были к этому готовы. Оба разведчика были освобождены от веревок и к ним привели их лошадей.

– Сэр, вы большой молодчина! – пробормотал Длинный Дэви белому охотнику. – Все, что вы начинаете с таким шиком, всегда чрезвычайно смело и успешно, так, будто речь идет о сущей безделице. Я снимаю перед вами шляпу!

Он сорвал с головы шляпу и помахал ею так сильно, будто хотел ею вычерпать какой-нибудь пруд.

Решение было принято. Охотники на ощупь стали спускаться по склону, ведя за собой лошадей. Естественно, костер был потушен. Дойдя до верхней части обрыва в долине реки, Токви-Тей встал, приложил обе руки ко рту и крикнул в звенящую тишину:

– Кхун, кхун, кхун-ха-ка! «Огонь, огонь, зажгите Костер Совета!»

В ответ последовало многократное эхо. Он был услышан и понят, потому что слышались громкие голоса.

– Эй, кто идет? – раздался громкий крик из долины.

– Мох-ав, Мох-ав! – ответил им сын вождя.

Затем слышалось громкое ликующее «ха-хахи!», и несколько мгновений спустя стал виден огонь пылающего костра. Это было верным признаком того, что шошоны узнали голос молодого индейца, иначе они были бы крайне осторожны и не освещали бы лагерь, дабы не допустить проникновения врагов.

И все же от одной меры предосторожности они не отказались: выслали им навстречу нескольких воинов, которые должны были убедиться, что на самом деле все в порядке.

Когда потом вождь со своими спутниками достиг лагеря, его воины, пожалуй, испытывали настоящую радость, увидев предводителя и его сына живыми и здоровыми. Чувствовалось, что шошонам не терпелось узнать, как же вышла вся эта история с загадочным исчезновением обоих, но ни один из воинов не выдал своих чувств. Разумеется, они были немало ошарашены, увидев вместе с вождем незнакомых им бледнолицых, но, привыкшие к сдержанности, они не выказали ни малейшего удивления. Только старый воин, ставший на время их предводителем, подошел к своему вождю и произнес:

– Токви-Тей – великий маг. Он исчез из своего вигвама, как исчезает слово, сорвавшееся с уст.

– Разве мои братья действительно поверили, что Черный Олень исчез бесследно, как дым, который рассеялся в воздухе? – поинтересовался вождь. – Разве у них нет глаз, чтобы увидеть, что случилось?

– Воины шошонов имеют глаза. Они нашли знак знаменитого белого охотника и поняли, что Разящая Рука разговаривал с их вождем.

Со стороны старого воина было очень предусмотрительным перефразировать тот факт, что Черный Олень был похищен белым охотником. Старик высказался подобным образом из уважения к своему вождю.

– Мои братья угадали, – сказал вождь. – Здесь со мной Нон-пай-клама, белый охотник, который убивает врагов одним ударом кулака. И вместе с ним Виннету – великий вождь апачей.

– Уфф, уфф! – раздалось вокруг.

Полные восхищения и уважения взгляды шошонов были направлены на этих двух знаменитых людей, затем воины, собравшиеся вокруг новоприбывших, почтительно расступились.

– Эти воины пришли, чтобы выкурить с нами трубку мира, – продолжал вождь. – Они хотели освободить двух своих спутников, которые лежат там, в палатке. У них в руках были жизни Черного Оленя и его сына, но они не отняли их. И воины шошонов тоже должны освободить пленных. Мои братья могут быть уверены, что получают скальпы многих сиу-огаллала, которые повылазили как мыши из нор, чтобы быть задушенными ястребом. С рассветом мы пойдем по их следу, а сейчас же воины соберутся вокруг Костра Совета спросить Великого Духа, будет ли успешным наш поход!

Все молчали, хотя сообщение, которое услышали шошоны, наверняка вызвало у них бурю одобрения. Некоторые из них молча пошли в палатку, чтобы выполнить приказ вождя, и вскоре привели двух пленников к огню.

Те шли пошатываясь. Вережки так глубоко впились в кожу, что кровообращение было нарушено. Прошло довольно много времени, пока они снова полностью восстановили подвижность суставов.

– Старый енот, что ж ты сделал такую глупость? – задал вопрос Длинный Дэви своему другу. – Только такая лягушка, как ты, могла сама прийти прямо в клюв к аисту!

– Лучше закрой свой, в противном случае я запрыгну тебе в него, и немедленно! – ответил сердито Джемми, потирая воспаленные запястья. – Мастер Разящая Рука сможет подтвердить вам, что здесь и намека нет на глупость. Мы не оказали сопротивления, потому что это был единственный способ сохранить наши жизни. В случае, если бы мы принялись защищаться, нас бы просто уничтожили. На моем месте ты поступил бы точно так, тем более я был полон уверенности, что Разящая Рука не даст нам здесь надолго застрять.

– Ну, старик, ты только успокойся! Я не имел в виду ничего плохого, и ты прекрасно знаешь, что я от души рад видеть тебя снова свободным.

– Хорошо! Но мне придется поблагодарить за мое освобождение не только тебя. Повернувшись к Разящей Руке, он продолжил: – Конечно, вам и только вам, мастер, я обязан своим освобождением. Скажите мне, чем я могу вас отблагодарить! Хотя моя жизнь и не имеет особой ценности, поскольку это всего лишь жизнь Толстяка Джемми, но я в любой момент готов отдать ее в ваше распоряжение.

– Вы мне ничем не обязаны, – парировал Разящая Рука. – Ваши товарищи были великопепны. Прежде всего, благодарите моего брата Виннету. Без его помощи мы не смогли бы вас освободить так быстро и бескровно.

Толстяк метнул восхищенный взгляд на грациозную и вместе с тем мощную фигуру апачей. Затем он протянул руку и произнес:

– Я знаю, что Виннету всегда неподалеку от мест, где можно встретить Разящую Руку. Раз я лягушка здесь, то пусть аист, который зовется Длинным Дэви, проглотит меня тут же, если вы не самый лучший индсмен, которому я подавал когда-либо руку. Разрешите от души крепко пожать ее, примите тысячу благодарностей и позвольте мне так долго следовать за вами, сколько вам будет угодно.

Негр Боб кинулся с радостным криком к Хромому Фрэнку:

– Ну наконец-то! Массер Боб снова видеть его хорошего масса Фрэнк! Массер Боб очень хотеть убить всех индейцев-шошонов, но масса Разящая Рука с массой Виннету хотеть сделать все в одиночку. Вот почему шошоны живы пока.

Он взял руку Фрэнка и, нежно касаясь, погладил поврежденные места на запястьях.

Конечно, Джемми и Фрэнк прежде всего хотели знать причины, по которым удалось их так быстро и без кровопролития освободить, о чем им тут же поведали в нескольких сло-

вах. Для подробного рассказа не было времени, поскольку шошоны уже собрались и стали рассаживаться вокруг костра на совет.

Глава VII

Подобно длинной тонкой извивающейся змее, шел отряд шошонов по прерии. Равнина Синих трав распростерлась от Чертовой Головы между горами Биг-Хорн и скалами Гремячих Змей до места, где Грейбулл-Крик льет свои прозрачные воды в Биг-Хорн.

Эта «синяя трава» встречается на Западе не часто. Она растет в высоту до уровня, на котором достаточно влаги, и может даже достигнуть высоты человеческого роста. Но бывает, даже всадника может скрыть с головой. Для вестмена это только лишние хлопоты, и единственный выход – отыскать вытоптанную бизонами тропу и следовать по ней. Высокие, подрагивающие от ветра стебли лишают вестмена так необходимого ему обзора, а при непогоде частенько случается, что опытный охотник, оказавшись без компаса и не имея возможности ориентироваться по солнцу, на исходе дня после изнурительной поездки верхом оказывается в том же самом месте, откуда трогался в путь утром. Иной, следуя по кругу и наталкиваясь на собственный след, принимает его за чужой, порой даже – за след врага. Он снова едет по нему, делая не один круг, прежде чем, к собственному великому огорчению, обнаружит ошибку, которая при известных обстоятельствах может стоить жизни.

Но и следовать по бизоньей тропе далеко не безопасно. В любой миг можно столкнуться лицом к лицу с врагом, будь то человек или зверь. Нарваться на старого свирепого отшельника-бизона, отбившегося от стада, не менее опасно, чем нос к носу налететь вдруг на враждебного индейца, вскинувшего ружье. Вот тут уж времени на раздумье нет – выживет тот, кто выстрелит первым.

Шошоны ехали цепью – их лошади ступали след в след. Так индейцы двигаются всегда, если точно не знают, безопасен ли путь. Кроме того, вперед высылаются лазутчики, самые проницательные и хитрые воины, чьи глаза и уши не пропустят ни шороха взьерошенной ветром травы, ни склонившегося под его порывом стебля, ни тихого треска сломанной ветки. Внешне расслабленный, наклонившийся далеко вперед, словно повиснув на коне, разведчик едет так, будто искусство верховой езды ему вовсе неизвестно. Его глаза кажутся закрытыми, да и сам он со стороны неподвижен. Механически, будто по привычке, передвигает ноги и его конь. Если бы кто-нибудь наблюдал за обоими из засады, то, несомненно, поверил бы, что всадник просто заснул в седле. На самом же деле все наоборот – внимание разведчика тем напряженнее, чем меньше он это показывает. Под крепко сомкнутыми веками его зоркий взгляд напряжен и внимателен, от него не укроется ни одна мелочь.

Только разведчик обладает слухом, который способен уловить едва заметный тихий звук. За близлежащими кустами крадется враг, который поднял свою винтовку, чтобы выстрелом убить разведчиков. Он коснулся прикладом пуговицы на своей куртке. И этот едва различимый звук на фоне общего шума уловит слух разведчика. Острый взгляд в заросли кустов, поводья остаются в руке, всадник выскакивает из седла, но оставляет в седле одну ногу. Хватается рукой за шейный ремень лошади так, что его тело полностью исчезает за корпусом животного и защищено от пуль противника, а лошадь, вдруг пробудившаяся от своей мнимой спячки, делает два или три прыжка в сторону и исчезает со своим всадником в зарослях либо за деревьями. Это происходит секунды за две, а этого времени недостаточно, чтобы враг мог хорошо прицелиться. Тем более что у последнего появляются все основания позаботиться о собственной безопасности.

Именно такие хорошие разведчики ехали на довольно большом расстоянии впереди отряда шошонов. Разящая Рука, Виннету и Черный Олень двигались во главе основного отряда. За ними следовали белые с Вокаде и Бобом.

Последний так и не стал хорошим всадником, несмотря на упражнения в верховой езде. Кожа его ног еще не зажила. Он ехал, превозмогая боль, и выглядел на лошади еще

несчастней, чем раньше. Постоянно причитая «Ах!», «О, горе мне!», он соскальзывал то в одну, то в другую сторону, стонал и стонал на все лады, подкрепляя слова самыми страшными гримасами, и грозя сиу поплатиться за его мучения. В случае, если его угрозы сбываются, все они должны были стоять у столба пыток в ожидании ужасной смерти.

Чтобы сидеть было мягче, он нарвал синей травы и сделал из нее подстилку. Но, так как ему не удалось закрепить ее крепко на спине лошади, она время от времени съезжала и он, естественно, оказывался вместе или рядом с ней на земле.

Это вызывало даже у очень серьезных шошонов веселую улыбку, и когда один из них, который немного понимал по-английски, назвал его Слайдинг-Боб – Скользящий Боб, это прозвище стало переходить из уст в уста.

Вскоре местность стала меняться. Вдалеке лежали горы, но на синеватой дымке и с неопределенными контурами. Они имели вполне четкие очертания, несмотря на большое расстояние, которое отделяло всадников от их подножия.

В этих местах воздух настолько чист, что предметы, которые удалены друг от друга на много миль, кажутся очень близкими. Человек решает, что их можно достичь в течение нескольких минут. А сама атмосфера так пропитана электричеством, что, если два человека коснутся друг друга, тотчас проскакивают видимые и ощутимые искры. Индейцы, которые принадлежат к сонорскому языковому племени, называют это явление «мох-ав-кун», то есть «огонь москита». Зарницы сверкают тут постоянно, хотя на небе вплоть до горизонта нет ни единого облака. Часто кажется, будто все вдаль охвачено пламенем, но это на самом деле не опасно ни для людей, ни для животных. Лишь только прерию окутывают сумерки, непрерывное свечение и накал электричества в атмосфере рождают поистине неопишуемые картины, даже грубая душа привыкшего к подобным представлениям вестмена не может устоять перед очарованием увиденного. Он, всегда полагающийся только на свои силы, чувствует себя маленьким и бессильным перед таинственными явлениями. То же самое ощущает и индеец. «Ве-куон-пе-та-вакан-шецах» – огонь вигвама Великого Духа – так называют зарницу сиу. «Маниту анима аваррентон!» (В молнии я видел Маниту!) – говорит индеец из племени юта-змееногих, когда сообщает своим о том, что озарило его путь.

Но для краснокожего в случае войны эти электрические разряды могут стать очень опасными. Ведь индеец верит, что воин, убитый ночью, навсегда обречен жить в Стране Вечной Охоты во мраке. Поэтому он пытается по возможности уклониться от ночной схватки и нападает преимущественно на рассвете. Но погибший в «огне вигвама Великого Духа» – в зарнице – не ступает на том свете по темному пути, для него охотничьи и боевые тропы залиты светом. Вот почему индеец не боится при свете трепещущей зарницы идти размашистым шагом, за что бывает вынужден поплатиться скальпом, а то и жизнью. Та же участь может, разумеется, постигнуть и любого другого несведущего человека.

Невысокий Хромой Фрэнк никогда прежде не наблюдал в ясном синем небе подобных необъяснимых разрядов. Поэтому он сказал Толстяку Джемми, за которым ехал:

– Герр Пфефферкорн, в Германии вы в течение долгого времени были гимназистом и, наверное, в состоянии вспомнить кое-что из физических уроков естественных наук. Почему, собственно, здесь всё так мигает и светится?

– Уроки физические, а не физинческие, – поправил Толстяк.

– Да, в этом вы, вероятно, понимаете не больше, чем я. Знаете, у меня тоже есть заслуги. Вы можете поверить мне на слово! Особенно в орфографии и контрапункции. Я знаю, как именно пишется любое иностранное слово, и, конечно, без проблем могу его правильно произнести. Понятно? Говорю ли я «физинческие» или «физические» – нашему германскому кайзеру без разницы. Главное, правильно произносить «иксилумп».

– «Ипсилон», имели вы в виду?

– Что-что? Мне ли не знать, как произносится предпоследняя буква моего патриотического алфавита? Если вы скажете мне что-то подобное еще раз, то вполне может случиться, что произойдет кое-что, могущее нарушить ваше ровное настроение. Разве такой почитатель науки, как я, может позволить легко смириться с подобным положением?! Вы не умеете давать академических ответов на мои вопросы, а потому выход у вас один: попытаться тихонько прогрызть зубами выход из той западни, в которой вы сейчас оказались. Но, если вы думаете, что вам это удастся, тогда вы большей частью ошибаетесь во мне! Я как раз тот человек, который обязан доказать вам, что мельник – не трубочист! Я спросил вас о зарнице, но никак не об «иксилумпе» и психизической геометрии. Можете вы мне дать ответ или нет?

– С удовольствием! – засмеялся Толстяк.

– Ну так извольте! Итак, почему здесь так много сверкает?

– Потому что здесь много электричества.

– Да? Ну и что? Вы называете это ответом? Для этого можно и в школу не ходить! Хотя я и не посещал никаких альма-фатер, не был студентом, не входил разумом во всякие там студенческие братства, но я прекрасно знаю, что если что-то горит, то рядом должно быть электричество. Каждое следствие имеет свою причину. Если кто-то получил удар по физиономии, то должен быть и тот, кто дал ему пощечину. И если это так сверкает, то... то...

– То там должен быть человек, который зажигает, – напомнил о себе Джемми.

Сначала Хромой Фрэнк спокойно пытался понять слова Толстяка, но потом сердито заорал:

– Послушайте, герр Пфефферкорн, очень хорошо, что мы еще не побратались, ибо сейчас я даю вам отставку, и это будет несмываемым пятном позора на вашем бюргерском гербе. Вы думаете, я позволю вам испортить мое этимунгиническое образование? Что вас так поражает в моей прекраснейшей речи? Чтобы заканчивать предложение, нужно его начать. Учтите это! Если я начинаю, то я и заканчиваю говорить, потому что мое предложение – моя духовная и философская собственность. Если я, со свойственным мне остроумием, скромно сравниваю электричество с пощечиной, то у вас нет ни малейшего права присваивать мое сравнение, как разбойничий атаман. Мошенников-конокрадов вздергивают – таков закон прерии! А если кто-либо отважится угнать у меня мое собственное высказывание, то я собою его с коня пулей! Я хотел выстроить потрясающий вывод, но, как только мои соответствующие *promesse*²⁹ были готовы, тут вы навесили совершенно неверный *confusio*³⁰ и разрушили мою логическую деликатность таким отвратительным способом. Я...

– Вы хотели сказать «*praemisse*», а не «*promesse*», – прервал Толстяк поток воинственной речи. – И не «*confusio*», а «*conclusio*»!

– Так-так! Вы что, действительно отличный знаток антикварной языковой системы? Если в свои школьные годы очередной юноша услышит, что Рим был построен из семи кирпичей, то после этого он сразу возомнит себя виртуозом во всех странах, предпочитающих один из латинских диалектов. Вы разговариваете на нижнелатинском диалекте, а мой учитель в Морицбурге пользовался литературным латинским, при этом ему было хорошо известен язык Цицерона и Прекрасной Мелузины³¹. Но вы в своей школе изучаете латынь только по прописям. А нынче, став охотником прерий, устраиваете ваши филологические языковые споры и не желаете принимать мои «*promesse*» и «*confusio*». Ни разу в своей жизни я не слышал ни о каких «*conclusio*», даже в Морицбурге, а это говорит о многом.

²⁹ Фрэнк путает французское слово *promesse* (обещание) с латинским *praemisse* (предпосылка).

³⁰ Фрэнк продолжает путать понятия; на этот раз он имеет в виду *conclusio* (вывод, заключение, *лат.*), хотя говорит *confusio* (замешательство, смущение, *лат.*).

³¹ Марк Туллий Цицерон (род. в 106 г. до н. э., убит в 43 г. до н. э.) – римский оратор, политический деятель и писатель, автор классических трудов по риторике и философии государства. Считается создателем классической латинской художественной прозы. Мелузина – русалка из средневековой французской легенды.

Так что для моего и своего блага останьтесь при своем мнении. Ведь мы говорили о молнии и электричестве. Вы говорите, что молния сверкает из-за электричества. Но теперь я спрошу дальше: почему этого электричества так много здесь, в этой местности? Я никогда еще не сталкивался с таким скоплением в одном месте. Итак, вы можете мне ответить? Сейчас у вас есть лучшая возможность в жизни, чтобы сдать экзамен или красиво сдаться экуменическому консилиуму.

Толстяк Джемми громко рассмеялся. В связи с этим «ученый» саксонец спросил:

– Что вы скалитесь, словно кларнет? Может, вы смеетесь исключительно от смущения, потому что я так неожиданно и красноречиво разбил в пух и прах ваши филгармонические умопостроения? И мне очень любопытно, как, мой дорогой господин Пфефферкорн, у вас получится ответить!

– Да, – ответил Джемми. – На ваш вопрос, конечно, очень трудно ответить. Не всякому профессору под силу.

– Так! Таким образом, у вас нет другого ответа, не так ли?

– Может, и имеется.

– Так давайте послушаем его! Я весь внимание до самых мочек ушей.

– Возможно, металл, которого тут в Скалистых горах в избытке, и есть причина такой концентрации электричества.

– Залежи металла? С электричеством не имеют ничего общего.

– Ага! А почему же тогда громоотвод так привлекает молнию?

– Значит, по вашему, все железное может быть поражено молнией?

– Конечно, иначе бы и компас нам не служил так верно...

– Ну уж это тут и вовсе ни при чем... Компас же не сделан из железа, значит, ему ни молния не страшна, ни залежи железа.

– Должно быть, вы можете предложить ответ получше.

– Конечно, я ведь исполнял обязанности чиновника в Морицбурге и не раз задавался разными учебными вопросами. Я хотел знать, отчего происходит то или иное явление, пытался заставить всех предоставить мне право получения пневматической информации. Пусть и не получил в этом деле очевидного успеха. Объяснение, которое вы, как бывший ученик средней школы, не нашли, очень простое. Как-то в одной из конфиденциальных бесед мой морицбургский учитель, когда никого рядом не было, по секрету поведал мне, что электричество возникает после трения. Вы согласны с ним?

– Даже очень.

– Следовательно, где присутствует трение, там образуется электричество.

– Например, когда мы трем картофель!

– Оставьте ваш юмор, особенно когда разговариваете с человеком, который по отношению к искусственным наукам принадлежит к самым вершинам потребления. Ум должен быть слабым, но тело становится сильным. И слабому уму всегда под силу прозреть замысел природы и дать верное толкование всему, что он видит вокруг. Я иногда поражаюсь, когда слышу что-то. Мне кажется, что знание словно само поглощает меня. Вот как нынче с этим электричеством: знание словно пришло само и теперь мне все стало кристаллически ясно. Вокруг огромные прерии, леса, тут возвышаются могучие горы. Выходит, если ветер или даже буря громко свистит, значит, она производит и огромное трение. Так или нет?

– Да, – признался Джемми. Он готов был услышать объяснение саксонца.

– Буря трется о землю, бесчисленные миллионы травинки трутся друг о друга, бесчисленные ветви, веточки и листья деревьев тоже трутся. Буйвол катается по земле – это тоже создает большое трение. Короче говоря, именно в этой местности, а не где-нибудь еще, и это вполне очевидно, должен накапливаться огромный запас электричества. Теперь у вас есть

исчерпывающее объяснение из самых компетентных уст. Не желаете, чтобы я некоторые детали объяснил подробнее?

– Нет, нет, – засмеялся Джемми. – С меня хватит.

– Тогда примите науку серьезно и внимательно. Смеха я не потерплю! Кто так смеется без причины, выглядит как холерик-сангвиник, а не как нормальный уравновешенный человек, он имеет полное френологическое строение черепа и незначительную лояльную систему спинного мозга. Они также страдают даром острой хронической рассудительности, который вы продемонстрировали, потому что только вы были полностью виноваты, что нас захватили в плен шошоны. И если бы выдающийся белый охотник не пришел к нам на помощь, то мы непременно совершили бы опасное сальто-квартале в Страну Вечной Охоты.

– Говорят «мортале», а не «квартале»!

– Замолчите вы! Надеюсь подобное со мной в этой четверти года не случится, поэтому я говорю «квартале». И вообще, наш научный разговор сейчас феерически препарируется: горы уже близко, а наши разведчики что-то задерживаются впереди. Значит, наверняка обнаружили что-то важное.

Маленький псевдо-ученый под влиянием своего ультранаучного спора совершенно не обратил внимания, что большая часть маршрута осталась позади. Синяя трава исчезла, на ее месте появилась овсяница, обильно источавшая аромат свежескошенного сена, а на небольшом расстоянии уже плотной стеной стоял кустарник, над которым возвышались верхушки красных кленов. Эти деревья любят влажную почву и, следовательно, являются обнадеживающим знаком того, что поблизости можно найти освежающую влагу, тем более необходимую после тяжелой скачки.

У кустов разведчики остановились. Когда отряд к ним приблизился, они замахали руками, призывая быть осторожными, и закричали: «Nambau, nambau!»

Слово это на самом деле означает «ходить», но может быть понято как «тропа». Разведчики давали понять, что надо соблюдать осторожность, чтобы не уничтожить найденный след прежде, чем его прочитают вожди. Вокаде проигнорировал их советы.

– Вец товек! – крикнул ему тот, кто уже раньше подал свой голос. Это означает «молодой человек», и произнесенная таким образом фраза представляет собой упрек. Молодой человек, вероятно, не считается опытным воином. Но упрек не оскорбил Вокаде. Тем не менее он ответил весьма серьезно:

– Мои братья хотят посчитать зимы, которые прожил Вокаде? Он знает точно, что делает. Он знает этот след, потому что здесь есть также отпечатки его ног. В этом месте он вместе с сиу-огаллала стоял лагерем, прежде чем они отправили его искать палатки шошонов. Они, скорее всего, поехали отсюда на запад, чтобы достичь реки Большого Рога, и, конечно же, оставили для Вокаде знак, чтобы он смог быстро следовать за ними.

По месту, где они остановились, знатоку нетрудно догадаться, что несколько дней назад тут был лагерь большой группы всадников, но сделать такой вывод мог только человек с хорошо тренированным глазом, поскольку вытоптанная трава успела полностью подняться, распрямившись во всю длину своих стеблей. Лишь по ближайшему кустарнику, верхушки веток которого отсутствовали, можно было сделать вывод, что здесь, очевидно, поработали лошадиные зубы.

После разъяснений, которые дал Вокаде, задерживаться было бы неразумно. Поэтому отряд тотчас снова двинулся дальше.

Хотя солнце и стояло в зените, а стало быть, наступил самый жаркий период дня и лошади нуждались хотя бы в короткой передышке, люди не торопились давать свободу животным, по крайней мере, до тех пор, пока не достигнут воды.

Равнина закончилась, и дорога пошла в гору. Теперь со всех сторон всадников обступали горные хребты, а вскоре отряд оказался в широкой, поросшей все той же овсяницей

низине, запертой лабиринтом высоких скал, подступавших все ближе и ближе. Кустарник очень скоро сменился карликовыми бальзамовыми тополями, которые, очевидно, не могли здесь развиться в настоящие деревья, а также дикими грушами, называемыми американцами *spiked-hawthorn*.

Редкие деревья теперь объединились в перелески, и самих пород деревьев стало больше: замелькали белый ясень, каштаны, крупноплодные дубы, липы и другие деревья, по стволам которых до самых вершин взбирались пурпурные кирказоны³².

Когда позже дорога у одной из скал резко свернула на север, взорам всадников открылись заросшие густым лесом горы. Вот там-то уж наверняка должна была быть вода. Две обезображенные трещинами вершины круто вздымались впереди друг напротив друга. Меж ними едва втискивалась узкая долина, по которой струился ручеек. Свернуть туда или продолжать двигаться в прежнем направлении?

Разящая Рука зорко осмотрел опушку леса. Вскоре он удовлетворенно кивнул сам себе и проговорил:

– Наш путь ведет налево, в долину.
– Почему? – задал вопрос Длинный Дэви.
– Разве вы не видите, что вон там, в липе, застряла ветвь ели?
– Да, сэр. Действительно поразительно, что хвойная листва растет на лиственном дереве.

– Должно быть, это знак для Вокаде. Сиу поместили его так, что он указывает на долину. Они держат это направление, и, думаю, мы еще не раз встретим подобные знаки. Вперед!

Виннету молча поехал вперед, бросив лишь беглый взгляд на липу. Таким он был по натуре: больше дела, меньше слов.

Проехав совсем немного, они оказались на месте, великолепно подходившем для лагеря. Здесь и сделали остановку. Вода, тень, прекрасный корм для лошадей – лучшего нельзя было и желать!

Всадники спешили и отправили животных пастись. У шошенов до сих пор оставалось вяленое мясо, а белые еще не использовали весь провиант, взятый в жилище Охотника на Медведей. Люди расположились в траве: одни блаженно растянулись на мягком мху, чтобы хоть немного вздремнуть, другие сбились в тесный круг – поговорить о былом.

Негр Боб чувствовал себя хуже всех. Натерев во время езды до ран упомянутые места, теперь он корчился от боли.

– Массер Боб быть болен, очень болен, – все повторял он. – Массер Боб не имеет больше кожу на его ногах. Вся его кожа слезла и ушла, и теперь, даже когда брюки касаются ног, Массер Бобу очень больно. Кто виноват? Сиу. Когда Массер Боб встретится с ними, всех убьет, они не могут больше жить! Массер Боб не может ни ехать, ни сидеть, ни стоять, ни лежать. Будто ноги массера Боба горят огнем.

– Существует растение, – заметил Мартин Бауман, сидевший рядом. – Поищи *coltsfoot*³³ и наложи листья на раны.

– Но где оно растет?

– В основном на опушках. Хотя, может, и здесь найдется.

– Но массер Боб не знает такого растения. Как он может его найти?

– Пойдем! Я помогу тебе.

Оба хотели уже удалиться, но Разящая Рука, услышав их слова, предупредил:

---

³² Кирказон (*Aristolochia*) – род растений семейства кирказоновых; многолетние травы (часто с вьющимися стеблями) и деревянистые лианы.

³³ Мать-и-мачеха (англ.).

– Возьмите ружья. Мы здесь не на восточном базаре. Никогда не знаешь, что принесет следующее мгновение.

Мартин молча подхватил ружье, и даже негр взвалил свой мушкет.

– Да, – сказал он. – Массер Боб также взять его винтовку. Когда покажется сиу или дикое животное, он сразу же возьмет их на прицел, чтобы защитить юный масса Мартин. Идем!

Оба медленно шли к краю долины в поисках нужного растения, но нигде мать-и-мачехи не было видно. Так они удалялись все дальше и дальше от лагеря. В долине было тихо и солнечно. Вокруг цветов порхали бабочки. Жужжали и гудели жуки, перелетавшие с места на место, мирно журчала вода, а верхушки деревьев купались в солнечном свете. Ну кто мог подумать об угрозе!

Вдруг Мартин, который шел впереди, остановился, указывая на прямую линию в траве недалеко от небольшого ручья, уходящую к стене долины и исчезающую среди деревьев.

– И что это может быть? – спросил Боб. – Тропа?

– Да, тропа. Кажется, кто-то выходит из леса, чтобы черпать воду.

– Может быть, это вестмен?

– Хм! Вестмен? Здесь? Это вряд ли.

– Или животное?

– В это я поверю быстрее. Рассмотрим след получше!

Они подошли ближе и еще раз осмотрели след. От воды до самых деревьев полоса травы нескольких футов в ширину не только была утоптана, а вытоптана так, что просвечивала голая земля. Мартин и Боб и в самом деле обнаружили тропу.

– Это не животное, – сказал негр. – Похоже, что человек в ботинках бегал туда и обратно. Масса Мартин быть согласен с массер Боб?

Парень, однако, отрицательно покачал головой. Он осмотрел внимательно тропу и ответил:

– Выглядит это все, конечно, странно. Не вижу следов ни от копыт, ни от когтей. Земля так сильно утрамбована, что невозможно даже определить, когда в последний раз пользовались этой тропой. Готов держать пари, что только одно копытное животное могло оставить такой след.

– О, прекрасно, очень хорошо, – стал восторгаться негр. – Может быть, это след опоссума. Массер Боб очень рад.

Виргинский опоссум может быть до полуметра длиной. Хотя у него нежное, белое и жирное мясо, оно имеет такой своеобразный, неприятный запах, что белые никогда не станут его есть. Но есть некоторые чернокожие, которые страстно любят это неприятно пахнущее жаркое. К подобным гурманам принадлежал и наш храбрый Боб.

– Ну придумал! – засмеялся Мартин. – Опоссум? Здесь! Где это ты слышал, что опоссум копытное?

– Массер Боб просто считает, что мог быть и опоссум. У него прекрасное нежное мясо, и массер Боб пытается сейчас его поймать, вдруг все-таки опоссум.

Он хотел уже идти дальше по следу, но Мартин остановил его.

– Подожди, не смешно! Об опоссуме не может быть здесь и речи. Он слишком мал, чтобы протоптать такую дорожку. Это большое животное, вероятно, ничуть не меньше лося.

– О, лось, лось! – вскричал Боб, цокнув языком. – От лося будет много-премного мяса, сала и кожи. Лось быть хорошо, быть очень хорошо! Боб тут же стрелять лося.

– Постой! Это не может быть лось, потому что тогда трава была бы здесь объедена.

– Тогда массер Боб посмотрит, что это быть. А вдруг это все же опоссум? О, если массер Боб найти опоссума, он закатит большой праздник!

Он побежал по дорожке к стене долины, покрытой лесом.

– Подожди! Просто подожди! – призывал Мартин. – Это же может быть большой хищник!

– Опоссум быть хищником, он питается птицами и другими мелкими зверюшками. Массер Боб поймать его. Откуда опоссум – массеру Бобу все равно. Мясо опоссума быть прекрасный деликатес, и массер Боб пытаться поймать такой опоссум.

Он без предупреждения отправился дальше. Мысль о его любимом жарком заставила его забыть обо всякой осторожности. Мартин последовал за ним, чтобы в случае неприятной неожиданности быть наготове, но негр оставил юношу далеко позади. Так они достигли края леса, где тропинка довольно крутой дугой поднималась вверх.

Путь пролегал прямо в заросли деревьев, а затем – между большими обломками скал. Деревья стояли настолько плотной стеной, что никаких следов на вытоптанной тропинке практически не было видно.

Они довольно далеко зашли, негр поднялся на пригорок. Деревья стояли очень плотно, и между ними рос густой подлесок, так что можно было действительно сказать, что тропа пролежала через дикую чащу. Вдруг Мартин услышал ликующий вопль негра:

– Масса идет, сейчас же! Массер Боб нашел гнездо опоссума.

Юноша, бросился к Бобу, чувствуя, что чернокожий сейчас может влипнуть в какую-нибудь историю. Об опоссуме не могло быть и речи, а потому добрый Боб, похоже, сам шел в лапы опасности, о которой и не подозревал.

– Остановись, стой! – громко крикнул Мартин. – Ничего не предпринимай, пока я не подойду.

– О, здесь быть дыра – входная дверь в гнездо опоссума! Массер Боб сейчас наносить ему визит.

Наконец Мартин достиг того места, где находился негр. Скальные глыбы здесь громоздились друг на друга, образуя некое подобие пещеры, перед которой стеной стояли дебри разросшегося лесного орешника, кустов дикой шелковицы, колючек малины и ежевики. В этих дебрях был пробит лаз. Тропка вела внутрь, но теперь вправо и влево от нее уходили следы, а следовательно, обитатель пещеры совершал экскурсии не только к воде, но и в других направлениях.

Негр стал на корточки и уже наполовину погрузился в заросли, чтобы подползти к пещере. Именно в этот момент Мартин, к своему ужасу, понял, что худшие его опасения, увы, были верны. По четкому теперь следу он понял, с каким животным они имеют дело.

– Ради всего святого, назад, назад! – крикнул он. – Это же берлога медведя!

В то же время он взял Боба за ноги, чтобы вытащить его обратно. Но, казалось, негр не понял, о чем речь, потому что ответил:

– Почему меня держать? Массер Боб быть храбрым. Он победит все гнездо полное опоссунов.

– Нет никаких опоссунов, там медведь, медведь!

Он со всей силой вцепился в черного. Из глубины послышалось гневное рычание, и в этот же миг Боб издал крик ужаса.

– Иисус! Зверь, монстр! О, Массер Боб! О, массер Боб!

Он быстро вылез из подлеска и вскочил. Мартин увидел, что кровь прилила к его лицу. Это было видно, несмотря на его темную кожу.

– Он все еще там, в пещере? – спросил юноша.

Боб махал руками в воздухе, зашевелил губами, но при этом не издал ни звука. Он выронил ружье. Его глаза закатились, а зубы заскрежетали. В кустах раздался шелест – показалась голова гризли. Это вернуло негру дар речи.

– Прочь, прочь! – кричал он. – Массер Боб на дерево!

Он сделал огромный скачок к тонкой стройной березе и стал карабкаться на ее ствол с проворством белки. Мартин стоял бледный как смерть, но не от страха. Вдруг, словно очнувшись, он быстро подобрал тяжелый мушкет негра, а потом прыгнул за какой-то толстый бук, росший рядом. Он прислонил мушкет к дереву и снял с плеча собственную двустволку.

Медведь наконец показался среди терновника. Двигался он медленно. Его маленькие глазки сначала взглянули на негра, который завис на нижних ветвях березы, потом на Мартина, стоявшего от него поодаль. Хищник пригнул голову, открыл жуткую пасть, с которой капала слюна, и высунул язык. Он, казалось, обдумывал, за какого из противников взяться в первую очередь. Потом он медленно и, слегка покачиваясь, встал на задние лапы. Зверь оказался футов восемь высотой и источал тяжелое зловоние, в той или иной степени свойственное хищникам глуши.

С момента, когда Боб запрыгнул на ствол, не прошло и минуты. А теперь, увидев огромного зверя вытянувшимся во весь рост не более чем в четырех шагах от себя, негр во все горло запричитал:

– Ради бога! Медведь съест массер Боб! Вверх, вверх, быстро, быстро!

Совершая судорожные движения, подобно гимнасту, он карабкался все выше. К сожалению, береза была настолько хилой, что согнулась под немалой тяжестью негра. Он, как только мог, цепляясь ногами, поднялся вверх, обхватив крепко руками и ногами ствол, но не смог удержаться в этом положении. Тонкий ствол наклонился, и Боб оказался висящим на четырех конечностях вниз головой, как гигантская летучая мышь.

Медведь, казалось, понял, что с этим противником справиться легче, чем со вторым. Он повернулся к березе, подставив Мартину свой левый бок. Юноша, который был еще совсем мальчишкой, схватился за грудь. Там, под охотничьей рубахой, висел маленький игрушечный щенок – кровавая память о его несчастной сестренке.

– Людди, Людди! – прошептал он. – Я отомщу за тебя!

Он лежал неподвижно с зажатым в руках ружьем. Раздался выстрел, потом еще один...

Боб от страха разжал руки.

– Иисус! Иисус! – кричал он. – Массер Боб быть умер, совсем умер!

Он упал, и береза выпрямилась, приняв свое естественное положение.

Медведь дернулся, как будто получил чудовищный удар. Он раскрыл страшную, усеянную желтыми зубами пасть, и сделал еще пару неуверенных шагов. Негр протянул обе руки вперед, грохнулся на землю и закричал:

– Массер Боб вам ничего не сделает, он просто хотел поймать опоссум!

В этот момент смелый юноша оказался между ним и зверем. Он отбросил свое ружье и взял ружье чернокожего, направив его ствол на медведя. Между ним и животным не было и двух ярдов. В его глазах загорелся огонь, почти сжатыми губами он неустанно повторял: ты или я!

Но, вместо того чтобы выстрелить, он опустил ружье и отскочил назад. Ему хватило одного быстрого взгляда, чтобы понять – в третьем выстреле нет необходимости. Медведь остановился. Из его горла вырвался рык, а затем последовало глухое рычание. Дрожь пробежала по всему его телу, передние лапы опустились, темная струйка крови потекла по языку, и животное рухнуло. По телу последний раз прокатилась судорога, он завалился на бок и застыл неподвижно прямо рядом с негром.

– Помогите! Помогите! – вопил тот, раскинув в стороны руки, которые от страха потеряли всякую подвижность в суставах.

– Эй, Боб, будь мужчиной! – зло сказал Мартин. – Что ты скулишь, как жалкий трус!

– Медведь, медведь!

– Он мертв!

Наконец черный пришел в себя и снова был в состоянии сгибать руки, он скользил вопрошающе-тревожным взглядом от медведя к Мартину и обратно, повторяя:

– Мертвый! Мертвый! Это правда?

– Конечно.

– Точно?

– Вы видите это, да! Бьюсь об заклад, что обе пули попали ему прямо в сердце.

Боб мигом поднялся. Он продемонстрировал, что все его суставы в полном порядке, и торжественным голосом крикнул:

– Мертвый, мертвый медведь! Ой-ой-ой! Массер Боб и масса Мартин победили монстра! Массер Боб провел охоту на медведя. О! Теперь массер Боб смелый и знаменитый вестмен! Все будут рассказывать о его мужестве, бесстрашии и безрассудстве!

– Да уж, – рассмеялся Мартин, – ты был безрассуден, как спелая слива, которая упала с дерева прямо в пасть медведя!

Чернокожий гордо взглянул на юношу.

– Упала? – переспросил он. – Нет, я не падаю! Массер Боб просто подпустил медведя поближе.

– Так ты решил стать приманкой, чтобы мне легче было его убить?!

– Массер Боб сидеть на месте, потому что он хотел показать, что он не боится медведя. О! Что медведь против массер Боба! Боб стал героем! Он брал медведя за ухо и дал ему пощечину, на которую медведь совсем не рассчитывал!

При этих словах Боб наклонился и потянулся левой рукой к маленькому уху убитого животного, но сначала тихо и осторожно, чтобы убедиться, что тот действительно мертв. Потом, когда он преисполнился уверенности, ударил правой рукой прямо по морде.

Вдруг послышались громкие голоса и торопливые шаги.

– Вот дьявол, медвежья тропа! – послышалось со стороны воды. – Это может быть только гигантский гризли. Но они оба этого не знают и вышли прямо навстречу медведю. Скорее!

Это был голос Разящей Руки. Опытный вестмен, взглянув на тропу всего раз, ничуть не сомневался, что это за зверь протоптал ее.

– Да, это гризли, – послышался голос Толстяка Джемми. – Быть может, их обоих уже нет в живых. Быстрее, в лес!

– Эй, крикуны! – весело окликнул их Мартин Бауман. – Не беспокойтесь о нас. Мы в полном порядке.

Разящая Рука и Виннету были первыми, кто добрался до логова. За ними подошли Токви-Тей и Длинный Дэви, следом Толстяк Джемми и маленький саксонец. Индейцы остались в лагере, потому что лошадей, конечно же, нельзя было оставлять без присмотра.

– Поистине гризли! – закричал Разящая Рука при виде убитого зверя. – Судя по размерам, один из самых крупных. И вы живы, мастер Мартин! Какое счастье!

Он подошел к медведю и осмотрел рану.

– Пуля попала прямо в сердце, и это с довольно большого расстояния! Великолепный трофей для охотника. Конечно же, я не буду спрашивать, кто убил зверя.

Тут Боб выступил вперед и сказал гордым, уверенным в себе голосом:

– Массер Боб победил медведя. Массер Боб – тот человек, кто виноват, что медведь расстался с жизнью.

– Вы, Боб? Ну, это звучит просто невероятно.

– О! Это правда, честно! Массер Боб должен был стать приманкой перед носом медведя, так чтобы он все свое внимание обратил на него, а масса Мартин должен был стрелять. Массеру Бобу пришлось рисковать своей жизнью, чтобы масса Мартин смог произвести один, а потом еще и второй, такой же верный выстрел.

Разящая Рука улыбнулся. Его наметанный взгляд не упускал даже мелочей. Он отлично разглядел зеленые листья березы, валявшиеся на земле. Боб же сильно оцарапался о ветви при подъеме. Некоторые части одежды, зацепившись за ветви, так и остались висеть на них.

– Вот как! Кажется, массер Боб был очень смелым, – произнес Разящая Рука. – Увидев медведя, он в страхе стал взбираться на березу, не понимая, что она слишком тонка, чтобы выдержать его. Она наклонилась, и Боб едва не упал, вернее, он висел перед зверем вниз головой. И он, скорее всего, погиб бы, не выстрели вовремя его юный хозяин. Разве не так все было, мастер Бауман?

Мартин вынужден был ответить утвердительно, хотя это компрометировало «храброго» негра. Последний, однако, стремился оправдать себя:

– Да, массер Боб вскарабкался по березе, чтобы медведь все внимание обратил на него. Массер Боб хотел принести себя в жертву, чтобы спасти юного мастера.

Естественно, все хотели узнать подробности этого опасного приключения, и Мартину пришлось ввести всех в курс дела. Рассказывал он просто и скромно, без прикрас, но слушатели по достоинству оценили его хладнокровие и мужество. Для него это было всеобщее признание.

– Мой дорогой юный друг, – произнес Разящая Рука, – признаюсь вам честно: даже самый опытный охотник не действовал бы лучше, чем вы. Если вы будете продолжать в том же духе, то когда-нибудь станете человеком, о котором все заговорят.

Даже обычно молчаливый Виннету благосклонно сказал:

– Мой маленький белый брат ведет себя как опытный воин. Он достойный сын знаменитого Охотника на Медведей. Вождь апачей дает ему свою руку.

Когда Мартин пожал руку Виннету, он почувствовал прилив гордости за самого себя. Признание двух таких знаменитых людей дорогого стоило, даже больше, чем если бы он был представлен к медали первым лицом какого-нибудь государства.

Маленький саксонец аккуратно толкнул в бок Толстяка Джемми и спросил:

– Это ли не проявление истинного героизма? А?

– Безусловно! Я преисполнен уважения к этому парню.

– И теперь вы верите, что и других медведей постигла та же участь?

– Охотно.

– Да, он очень храбрый парень. Кто знает, как бы вы вели себя на его месте. Смеею предположить, что, скорее всего, просто позволили бы съесть себя, как баварскую сосиску.

– Ну, я бы вел себя не настолько тихо. Я привез сюда свое старое ружье не для того, чтобы стрелять по воробьям.

– Ага! Только вот вопрос: попали бы вы хоть во что-нибудь из вашего мушкета? Медведя проще взять на прицел. Вы хоть одного подстрелили?

– И не только одного.

– Слушайте, да вы просто насмехаетесь надо мной!

– Ха! Да я даже проспал как-то с медведем ночь напролет, и только утром понял, кто был моим соседом.

– Это просто невероятно, уму не постижимо! Не заметить медведя! И что, он даже не храпел?

– Нет, сопел и вздыхал, но не храпел в буквальном смысле.

– Хм! Вы должны рассказать мне об этом.

– Только когда вернемся в лагерь. Сейчас не время.

Грудинка медведя считалась вкусным лакомством, окорок ценился еще выше, а лапы вообще слыли изысканным блюдом. Лишь его сердце и печень индейцы выбрасывали, потому что считали их ядовитыми. Очень популярно у них было медвежье сало, из которого они получали маслянистую жидкость. Эта жидкость была незаменима, например, при при-

готовлении боевой раскраски или охры, которой сиу разрисовывают линии пробора волос. Кроме того, индейцы натирали салом кожу, чтобы защититься от укусов moskitov и других вредных насекомых.

На вопросительный жест вождя шошонов Мартин ответил:

– Пусть мои братья возьмут мясо медведя, а шкуру я оставлю себе.

Через две минуты шкура с хищника была содрана, а мясо разрезано на куски. Пока большинство шошонов свеживали тушу своими острыми, как бритвы, ножами для скальпирования и резали мясо длинными, широкими полосами, остальные занимались обработкой шкуры, разумеется, в предварительной пока стадии. Все прилипшие к ней остатки мяса были тщательно удалены, а шкура хорошо очищена, после чего череп медведя томагавком раскололи, чтобы мозгом хищника натереть внутреннюю поверхность шкуры для ее лучшей сохранности.

С этими работами воины управились за четверть часа и вернулись в лагерь. Шкуру взвалили на вьючную лошадь, которую шошоны предусмотрительно взяли с собой, а мясо засунули в «печи».

Печи? У индейцев с собой были печи? Само собой, только, конечно, эти печи были не из мрамора, фарфора или железа. Просто каждый положил свою долю мяса под седло. За время скачки оно обычно настолько размягчалось и запекалось, что к вечеру представляло собой готовый продукт и поедалось с огромным аппетитом. Конечно, какому-нибудь гурману из Старого Света такое блюдо вряд ли показалось бы очень аппетитным.

На полуденный отдых, прерванный охотничьим приключением, времени больше не оставалось, и вся компания снова тронулась в путь.

Глава VIII

Тропа, петляя между скал, вывела отряд в широкую долину, по которой они и двигались дальше. Выяснилось, что благодаря указателю сиу отряд существенно сократил расстояние, а кроме того, теперь не осталось сомнений, что огаллала точно знают дорогу, по которой двигаются. Время от времени, когда менялось направление, они оставляли знаки подобные первому. Во всяком случае, они еще рассчитывали, что Вокаде вернется к ним.

Во второй половине дня всадники подошли к долине, имеющей несколько миль в диаметре и со всех сторон окруженной крутыми скалами. В середине этой долины стояла одинокая гора в форме конуса, чьи белые гладкие стены блестели в солнечном свете. На вершине было видно плоское и широкое каменное образование, по форме очень напоминающее черепаху.

У геологов не осталось бы сомнений, что раньше тут было озеро, берега которого образовывали поднимающиеся вокруг скалы. Вершина горы, которая теперь стояла посреди долины, возвышалась в свое время как остров.

Некоторые систематические наблюдения подтвердили, что когда-то территория Северной Америки была покрыта множеством пресноводных озер. Это было в третичном периоде. Крупные резервуары воды обмелывали, и бывшие озера превратились в долины, послужив своеобразными гробницами обитавшим там существам. Натуралист, особенно палеонтолог, вполне может здесь пополнить свою коллекцию редким ценным ископаемым.

Некоторые находят здесь зубы и челюсти гиппопотама, которые подобны останкам бегемотов, останки безрогих носорогов и множества черепов. Существует скелеты свиней, древних ящеров и даже огромного саблезубого тигра. В настоящее время считается, что лошади были завезены в Америку. Но раскопки доказывают, что в третичном периоде в Северной Америке обитало несколько видов верблюдов и лошадей. Лошади одного из таких видов были размером с ньюфаундленда. В настоящее время на всем земном шаре осталось всего около десяти видов лошадей, но, при раскопках было доказано, что в одной только Северной Америке существовало тридцать видов ископаемых лошадей. В те доисторические времена на берегах озер Северной Америки паслись слоны, а в грязи лежали свиньи, некоторые виды которых были размером с крупную кошку, а другие – размером с бегемота. На ныне безлесных равнинах Вайоминга тогда росли пальмы, листья которых в длину достигали четырех метров. В их тени обитали крупные, как слон, существа. У одних имелись рога по обе стороны носа, у других – сбоку глаз, а у третьих – только один рог, торчавший над носом.

Если индейцу вдруг попадаются такие первобытные останки, он спокойно и благоговейно отворачивается от них. Он не может объяснить их происхождение, а так как все таинственное для него «великая медицина», эти останки для него священны, и только время от времени он пытается с помощью легенд и преданий что-то понять о них.

Итак, долина, на окраину которой сейчас выехали всадники, некогда была озером. Сиу-огаллала и здесь оставили знак, указывающий Вокаде, что они пересекли это место. Но Разящая Рука, который сейчас возглавлял отряд, не принял его во внимание, а повернул своего коня налево, чтобы продолжать двигаться вдоль подножия гор.

– Здесь торчит ветка, – обратился к нему Токви-Тей, указывая на дерево, в ствол которого была воткнута инородная ветка. – Это снова знак огаллала. Почему мой брат не хочет следовать ему?

Разящая Рука остановил коня и сказал:

– Я знаю лучший путь. У меня уже был случай изучить как следует здешние места. Вот эту гору называют Пейавеполе – Скалой Черепахи. Я уже трижды проезжал мимо нее, правда, с другой стороны.

– Может, у вас с этой скалой связаны какие-то особые воспоминания? – осведомился Толстяк Джемми.

– Не совсем, но в сказаниях индейцев, индейцев-апсарока³⁴ она играет большую роль. Для них она как гора Арарат. Индейцы тоже знают и говорят о большом наводнении, о Всемирном потопе. Вороны рассказывают, что, когда утонули все люди, остались только двое: мужчина и женщина. Великий Дух спас их, послав им на помощь гигантскую черепаху. Оба вместе со всем их скарбом нашли приют на ее спине и жили там, пока не спала вода. Гора, которая перед нами, выше всех скал, холмов и возвышенностей в округе, поэтому в те времена она была островом. Черепаха заползла на этот небольшой островок, а неразлучная пара перешла с ее спины на сушу. Потом душа животного снова вернулась к Великому Духу, но тело осталось там, наверху, оно окаменело и теперь напоминает нынешним красным людям об их прародителях, спасшихся от потопа. Мне об этом рассказал Шунка-шеча, Большая Собака, воин Воронов, с которым я много лет назад стоял лагерем у этой скалы.

– Так вы в самом деле не хотите идти по пути сиу-огаллала?

– Нет. Я знаю, путь гораздо короче, он значительно быстрее приведет нас к цели. Огаллала едут к могилам своих погибших воинов. Так как цель их нам ясна, мы не должны терять драгоценное время, следуя за ними. К Йеллоустоуну есть много подходов. Огаллала, кажется, не знают коротких. Учитывая направление, которому они следуют, вполне вероятно, что они подойдут к Большому Каньону, а оттуда пойдут на Йеллоустоун, чтобы попасть через Бридж-Крик к горе Огненная Дыра.

– Им придется вначале пройти Скалистые Горы!

– Естественно. А могила, на которой они хотят принести в жертву мастера Баумана и его друзей, не на реке Йеллоустоун, а на реке Огненной Дыры. Для достижения этой цели верхом Сиу-огаллала совершат огромный крюк, по крайней мере шестьдесят километров, а местность, через которую они поедут, весьма трудна для прохождения, так что они не смогут покрыть расстояние за то время, на которое рассчитывают. А вот дорога, которую предлагаю я, почти по прямой приведет нас к реке Пеликан и, после того как переправимся через нее, мы пойдем вдоль северных холмов к месту, где река Йеллоустоун вытекает из одноименного озера. Там мы осмотрим Бридж-Крик, возле которого, вероятно, найдем следы сиу, а затем поедem к верхнему бассейну гейзеров, который лежит у реки Огненной Дыры. Этот путь тоже непрост, но не предоставит нам столько трудностей, сколько придется преодолевать нашим врагам, и поэтому, возможно, что мы прибудем на место раньше, чем они доберутся до своей цели. Это оказалось бы крайне выгодно для нас.

– Если это так, то было бы совсем непростительной глупостью ездить за огаллала. Будет забавно, если мы прибудем раньше, чем они. Я уже с наслаждением представляю, какие у них будут лица. Так что вперед, сэр! Вы сейчас наш вожак!

Оба разговаривали на английском языке. Когда же Разящая Рука объяснил шошонам свой план, они полностью его одобрили и выказали свое намерение следовать за ним в направлении, которое их вождю ранее показалось странным.

Иссохшая давным-давно маленькая речушка некогда вливалась свои воды с запада в древний бассейн озера и при этом достаточно глубоко прорезала берег. Ее русло было очень узким, а устье так замаскировано густой растительностью, что заметить его мог только

---

³⁴ Апсарока, или кроу («дети птицы с большим клювом» или Вороны) – индейское племя группы хокан-сиу языковой системы сиу. Проживали в прериях на территории современных штатов Монтана и Вайоминг, занимались коневодством и охотой на бизонов.

очень зоркий глаз. Разящая Рука направил своего коня именно туда. Стену густых зарослей было нелегко преодолеть, но зато за ней открывался простор. И белым, и индейцам удалось беспрепятственно преодолеть бывшее русло реки, пока оно не вывело их на так называемую «волнистую» землю, состоявшую из небольших участков прерии, перемежавшихся с поросшими лесом холмами. Холмы в основном тянулись с запада на восток, что для наших путников оказалось весьма благоприятным обстоятельством – они двигались в том же направлении.

Вечером пришли к тому же водотоку, который, казалось, относится к бассейну Биг-Хорна. Следуя вверх по течению, они попали в место, которое превосходно подходило для лагеря. Так было принято решение остановиться здесь, хотя еще не стемнело.

Ручей здесь впадал в небольшое и неглубокое озеро, на берегу которого росла прекрасная трава. В чистой, прозрачной воде озера можно было увидеть большое количество форели, что обещало вкусный ужин. Берег с одной стороны резко поднимался, а с другой – был ограничен густым лесом. По множеству веток, валявшихся на земле, можно было предположить, что прошлой зимой снежная буря нанесла этому месту значительный урон. Эти ветки образовали своего рода баррикаду вокруг опушки, где планировалось устроиться на ночлег, а кроме того, там нашлось достаточно хвороста для лагерного костра.

– Хватайте форель! – с восторгом завопил Толстяк Джемми, вскакивая с лошади. – Сегодня вечером будет настоящий свадебный пир!

Он чуть было не прыгнул сразу в воду, но белый охотник его удержал.

– Не так быстро, – сказал он. – Всеу свое время и место. Прежде всего, мы должны подготовиться, чтобы поймать побольше рыбы. Принесите сучья потолще! Смастерим две сетки, чтобы поймать их.

Пока лошади паслись, тонкие ветви были заострены и сначала воткнуты в мягком грунте в устье реки близко друг к другу, чтобы рыба не могла проскользнуть между ними. Затем аналогичную сеть соорудили еще в одном месте, чуть выше, примерно в двадцати футах от первой. И здесь рыба тоже не смогла бы пройти.

Толстяк Джемми стал снимать большие и тяжелые сапоги. Ремень он уже снял раньше.

– Эй, малыш, – окликнул его Длинный Дэви, – вижу, ты собираешься залезть в воду!

– Конечно! Это будет весело.

– Я предпочитаю, чтобы ты этого не делал. Тот, кого почти не видно из-за стула, может легко оказаться под водой.

– Это не про меня. Я умею плавать. Кроме того, пруд вовсе не глубокий.

Он подошел совсем близко к воде, чтобы уточнить глубину.

– Не больше, чем полтора локтя, – сказал он.

– Это заблуждение. Если вы можете видеть дно, то оно всегда кажется ближе, чем на самом деле.

– Ба! Иди сюда и посмотри на него! Можно рассмотреть каждый камешек на дне, а там... холодно, бррр, вот так...

Толстяк слишком далеко наклонился вперед, потерял равновесие и упал в воду. Да еще как! Головой вниз, как назло, на самом глубоком месте. Толстый упрямец на миг исчез в фонтане брызг, но тут же появился снова. Джемми и вправду превосходно плавал, и его не нужно было вытаскивать обратно, но немного потрудиться ему все же пришлось – шуба его, впитав воду, резко потянула его вниз. Его широкополая шляпа плавала, как лист огромной кувшинки, по прохладной поверхности воды.

– Вы только посмотрите! – смеялся Длинный Дэви. – Господа, посмотрите на форель, которая плещется там внизу! Если мы поймаем эту толстую рыбку, то сможем разделить ее на много частей.

Маленький саксонец стоял неподалеку. В научных спорах он любил препираться с Джемми, но в действительности, он испытывал к Толстяку симпатию.

– Бог мой! – воскликнул он испуганно, подойдя к самому краю. – Что вы только что сделали, господин Пфефферкорн? Почему вы прыгнули в пруд? Вы очень промокли?

– Немного, – ответил Джемми сквозь смех.

Он уже выбрался из глубины, и теперь вода едва достигала его плеч.

– Да вы мокрый насквозь! Так можно легко подхватить простуду. Тем более в мехах! Вылезайте немедленно! Шляпу я достану. Я выужу ее веткой.

Он схватил длинную ветку и так же, как ловят рыбу, стал ловить головной убор. Ветка была немного короче, чем нужно, именно поэтому ученый «слуга леса» наклонился вперед настолько это возможно.

– Осторожнее! – предупредил Джемми, вылезая из воды. – Я могу сам ее достать, раз уж все равно промок.

– Не говорите ничего, – попросил Фрэнк. – Если вы думаете, что я так же глуп, как и вы, то не беспокойтесь. Такие уважающие себя люди, как я, всегда знают, где необходимо соблюдать осторожность. Я точно не окажусь в воде, как вы. И, если эта чертова шляпа снова отправится плавать, я чуть-чуть больше вытянусь и... Бог мой! Меня, похоже, тоже затягивает в эту лужу! Нет, никогда...

Снова фонтаны брызг вспенили воду – саксонец плашмя упал в пруд. Со стороны все это выглядело настолько забавно, что белые едва не покатались от хохота, индейцы же оставались внешне невозмутимы, хотя внутри наверняка разрывались от желания расхохотаться во все горло.

– Ну и кто это «не так глуп»? – подал голос Толстяк, стирая с лица слезы смеха.

Но стоявшему в мелкой воде и имевшему жалкий вид Фрэнку сейчас было не до смеха.

– Что тут такого смешного?! – закричал он. – Я стал жертвой моего усердия и самаритянской благотворительности, а в качестве награды за мою доброту надо мною еще и смеются. Я это хорошо запомню для следующего раза. Поняли меня?

– Я не смеюсь, я плачу! Разве ты не видишь? Если такой уважаемый человек, как вы, теряет равновесие, то...

– Замолчите! Вам не удастся оставить меня в дураках! Такое с кем угодно могло случиться, но я расстроен тем, что даже фрак не снял. И сейчас там плавает моя шляпа, по-братски, рядом с вашей. Ну, прямо как братья, как Кастор и Филакс из мифологии и астрономии. Прямо...

– Может быть, Кастор и Поллукс³⁵, – рискнул поправить его Джемми.

– Что за звон – не знаю, где он! Поллукс! Как и подобает лесничему, я достаточно имел дел с охотничьими собаками, поэтому совершенно точно знаю, как правильно называть: «Поллукс» или «Филакс». Прошу не исправлять меня подобным образом. Такие поправки плохо перевариваются моим желудком. Тем не менее я постараюсь выудить этих милых «братьев». Хотя вообще вашу шляпу следовало бы оставить там, ибо из-за нее я весь до нитки промок.

После этих слов он подцепил обе шляпы и вытащил их.

– Вот так, – сказал он, – они спасены, хотя я и не претендую на медаль. А теперь давайте мы выжмем вашу пушистую шубу, а после мой фрак. И заплачут они горькими слезами. С них уже капает.

Обе жертвы были так увлечены своими промокшими костюмами, что уже не могли участвовать в начавшейся рыбной ловле.

---

³⁵ Близнецы-греки Кастор и Полидевк (римск. Поллукс) по прозвищу Диоскуры – герои древних мифов. Имена Диоскуров стали синонимом братской, неразлучной дружбы.

Несколько шошонов спустились к ручью у нижней части пруда, перегородили поток и медленно стали продвигаться вперед, гоня перед собой рыбу к верховьям ручья. По берегу рассыпались остальные краснокожие, улеглись на землю так, что могли черпать воду обеими руками. Загнанной между двумя решетками форели некуда было деться, и лежавшие у воды индейцы просто-напросто вычерпывали беснующуюся рыбу и бросали ее через голову назад, на берег. Всего несколько минут понадобилось индейцам на эту рыбалку, но улов оказался очень богатым.

Тотчас были вырыты плоские ямы, а дно их выложено мелкими камушками. Выпотрошенную рыбу сложили на эти камни, а потом накрыли другим слоем камушков, сверху же разожгли огонь. Когда потом золу удалили, зажата между камнями форель оказалась тушеной в собственном соку, да такой мягкой и нежной, что при прикосновении к мясу оно само слезало с костей. Блюдо получилось, конечно, замечательное, но не ресторанное – для этого ему не хватало масла и... соли. Индейцы почти не употребляют соли, потому и вестмены часто вынуждены отказываться от нее.

Да и смысла нет запасаться заранее провиантом на многие месяцы скитаний, потому что даже то малое, что удастся унести с собой, очень скоро уничтожается всепроникающей сыростью.

После ужина лошадей согнали вместе и возле них выставили часовых. Шошоны сочли все эти меры излишними, настолько защищенным казался им лагерь. Но Виннету и белый охотник придерживались иного мнения: никогда и нигде нельзя забывать об осторожности, и для охраны лагеря в четырех направлениях в лесную чащу было послано по одному шошону, которых через несколько часов должны были сменить другие.

Вскоре запылало несколько костров. Белые собрались своим кружком. Длинный Дэви из уважения к своему другу выучился у него немецкому, да так, что если и не мог говорить, то понимал достаточно. Отец Мартина Баумана тоже был родом из Германии, поэтому молодой человек весьма свободно владел немецким.

Подобные посиделки у костра в девственном лесу либо в прерии имеют свои особенности и прелести. Присутствующие, как правило, рассказывают о своих приключениях, опыте, не забывают и о подвигах знаменитых охотников. И, как бы ни были велики трудности и проблемы на Западе, вы не поверите, как быстро разносятся вести о героическом поступке, о великом охотнике, о выдающемся событии от костра к костру. Если черноногие где-то у реки Майарас откопали топор войны, то команчи в Рио-Кончас уже через две недели говорят об этом, а если у индейцев валла-валла в штате Вашингтон появляется великий знахарь, то дакота из Кото дю Миссури через короткое время будут знать и говорить о нем.

Можно было ожидать, что речь изначально пойдет о сегодняшнем подвиге Мартина Баумана. И тут маленький саксонец вспомнил обещание, которое дал ему Толстяк Джемми.

– Может, вы думаете, что я валялся с ним на кровати в каком-нибудь гостиничном номере? – усмехнулся Толстяк.

– Вы снова за старое! Я ведь уже объяснил вам, что я не тот человек, который спускает все безнаказанно. Если вы склонны считать меня глупцом за то, что я, вымочив мой единственный фрак, спас вашу шляпу, я тотчас вышлю вам секунданера!

– Секунданта! Вы ведь так хотели сказать?

– Мне это и в голову не приходило! Я изъясняюсь прекраснейшей обходной речью по правильной стратегической системе. А вы, конечно же, можете изрыгать свою тарабарщину сколько вашей душе угодно. Одно плохо – этим вы действуете на нервы человеку, который с нечеловеческим терпением сносит все что угодно. Впрочем, вашей так называемой медвежьей истории на самом-то деле, наверное, и в помине не было.

– Готов присягнуть!

– Ну так где же это происходило?

– В одном из истоков Платт-ривер.

– Что? Прямо в реке?

– Да.

– В реке вы провели целую ночь с медведем?

– Конечно!

– Ну, тогда это и вправду чудовищнейшая ложь, какая только может быть! Если бы все происходило на самом деле, то вы вместе с медведем, о котором теперь собираетесь рассказать небылицы, уже на рассвете всплыли бы утопшими и ваши трупы прибило бы к берегу волной.

– Хо! Так вы полагаете, что я спал в воде?

– Разумеется, вы же сами сказали.

– Нет. Вы поняли меня буквально. Могу пояснить, что я остановился на ночлег на маленьком острове.

– О, значит, был остров! С этим я, пожалуй, смирюсь. Это выглядит чуть более правдоподобно. Кстати, почти везде Платт-ривер мелководная.

– За исключением ранней весны. В горах при таянии снегов после теплого дождя бывает так, что река, чьи воды едва достигали колен, всего за час выходит из берегов. Очень опасно в такое время доверять ее ревушим, грязным желтым водам. Она подобна дикому зверю, внезапно проснувшемуся и зашедшему в страшном реве.

– Это можно себе представить. И вспомнить, сразу с красивыми словами поэта:

Весьма опасно клей будить,
И на зуб тигру наскочить.
А если в грязь засесть неловко,
То не поможет ни гондола, ни лодка!

Нечто подобное произошло тогда с вами и медведем?

– Да, только будить не «клей», а надо говорить «льва», мой дорогой друг Фрэнк.

– Тут вы оказались в величайшем антагонизме с корифеями поэтического искусства и музыкального генерал-баса³⁶. Вам не стоит забираться в высшие материи, в которых вы ничего не смыслите! Лучше просто и скромно расскажите обещанную историю.

Остальные засмеялись, в результате чего маленький ученый обратился к Разящей Руке:

– Ага! Вот оно что! А ну-ка высмейте этого парня как следует! Если он увидит, что опозорен, он прекратит наконец разыгрывать Донгки-шотландца.

– Дон Кихота, – снова вставил Джемми.

В этот момент Фрэнк разошелся не на шутку – он был в ярости. Оскорбленный саксонец вскочил и выдал целую тираду:

– Опять! Это уж чересчур. Тот, кто, как и я, пользовался в Морицбурге платной библиотекой по три пфеннига за книгу в неделю, тот, несомненно, читал про Донгки-шотландца³⁷, и, если я снова буду вынужден доказывать свое литературное образование, я просто-напросто встану и отсижу к индейцам. Они-то уж по достоинству оценят человека моего сорта. Если мои труды вразумить Толстяка Джемми так тщетны, я умываю руки и изолью свой талант где-нибудь в другом месте. Вовсе не для благородного лебедя плескаться по соседству с гусями и утками. Его чувство приличия оцетинивается против такой компании! Прощайте, господа!

---

³⁶ Генерал-бас (*Generalbass*, нем., *generalis*, лат.) – музыкальный термин; старинный способ обозначения в нотном письме аккордов, сопровождающих ведущий голос.

³⁷ Вместе с Ринальдо Ринальдони один из героев многочисленных бульварных романчиков.

Он уже собирался уйти, но настоятельные просьбы Разящей Руки убедили его снова сесть на место.

– Очень хорошо, – сказал он. – Ради вас я проглочу тайком свой законный гнев. У вас, как у моего соотечественника, есть социальное право на мою персону, и я не хочу этому препятствовать. В противном случае вы еще подумаете, что мои родители плохо заботились о моем воспитании. Впрочем, мне действительно любопытна эта история с медведем, и, когда Толстяк расскажет ее, в стиле Фридриха Герштекера сообщу, каким образом я познакомился с одним таким мишкой.

– Что? – удивился Джемми. – У вас тоже приключилась история с медведем?

– А что? Вы удивлены? Я говорю вам, что я опытный и столько пережил, что вы и представить себе не можете. Но когда вы наконец начнете свой рассказ?! Итак, что случилось на Платт-ривер?

– Нет, это произошло на Медисин-Боу-ривер, которая впадает в Платт. Произошло это в апреле, когда я спустился из Северного парка, где очень неудачно поохотился. В марте я поднялся туда от форта Ларами, а спустился теперь оттуда по другую сторону гор, чтобы у названного источника Платт поохотиться на бобров. Погода стояла не очень холодная, и мелкая река не была затянута льдом. Несмотря на то что я ходил там уже несколько дней, я не нашел ни единого следа толстохвостых, а моя лошадь вынуждена была даром таскать и меня, и тяжелые капканы, сев при этом на голодную диету. В упомянутый день повеяло теплым ветерком, на что я, старый идиот, сразу же должен был бы обратить внимание. К вечеру прямо посреди русла реки я заметил маленький островок. Собственно, весь он представлял собой скалу, вплотную к которой прилегал длинная, оканчивающаяся мысом песчаная отмель. Оглядев остров, я заметил невысокую, сооруженную из камня и дерна хижину, которую как пить дать заложили трапперы, надолго останавливающиеся здесь. Хорошее место для ночлега, подумал я. Итак, я погнал свою лошадь прямо в воду, глубина которой едва составляла пару футов, и при этом высмотрел на песчаной отмели медвежий след, по которому решил последовать следующим утром. Отметил я и то, что с моей стороны на остров попасть было легко. Моя кляча выбралась на сушу, я спешил и освободил животное от капканов и седла, предоставив ему полную свободу в поисках корма. Давно изучив повадки своей кобылы, я знал, что она никуда не денется.

– А хижина? Кто-нибудь был в ней? – перебил рассказчика Фрэнк.

– Да, – Джемми кивнул, подозрительно ухмыльнувшись.

– И кто же?

– Когда я вошел, там сидел – представьте мое удивление – китайский император, и он уплетал тыквенную кашу, заедая ее маринованной селедкой.

Улыбнулись все, но только не Хромой Фрэнк.

– Это уже про меня?

– Нет, – ответил Джемми серьезно.

– Так и оставьте вашего императора в Пеклине, где ему место!

– В Пекине, вы хотите сказать. По правде говоря, я должен признаться, что хижина была пуста: ни вещей, ни людей. При ближайшем рассмотрении, однако, я наткнулся на признаки того, что здесь могут квартировать змеи. Были видны отверстия в земле и в стенах из дерна. Впрочем, я и не особо боюсь этих гадов – они не так опасны, как говорят и пишут о них, и сами прячутся от людей, а, кроме того, тогда как раз было время их зимней спячки. Но тот день выдался теплым, и пламя моего костра могло выманить из нор кого-нибудь из этих ползучих. Я вообще-то избегаю таких компаний и решил расположиться на свежем воздухе. Для хорошего костра дров оказалось достаточно – их наносила река, и как только я подсыпал от души хвороста в огонь и закутался в одеяло, то сразу же пожелал себе: «Спокойной ночи, Джемми!»

– Ах, вот оно! – вырвалось у Фрэнка, потирающего руки в нетерпеливом ожидании.

– Да, скоро все и начнется, и именно в воде. Я уснул не сразу. Ветер усиливался, и дул он как-то подозрительно глухо. Потом он раскидал весь мой костер, и я ничего не мог поделывать, чтобы поддержать его. Вскоре огонь погас совсем, а я наконец заснул. Сколько я спал – не знаю, помню только, что слышал какой-то странный шум. Ветер сменился бурей, кругом все свистело и завывало на разные лады, а когда на секунду стихия затихла, раздалось непонятное приглушенное журчание, клокотание и даже кипение, но не в воздухе, а вокруг моего островка. Не на шутку струхнув, я вскочил и поспешил к песчаному берегу. Тот почти полностью исчез под водой, из которой торчал кусок суши едва ли в локоть высотой, на нем-то я и стоял. Тут я понял, что внезапно начался прилив. На небе не было ни облачка, и в свете звезд я увидел зловещие бурлящие потоки, мчавшиеся мимо с невероятной скоростью. Я очутился в клещах стихии!

– Ну прямо как Кампе!³⁸ – воскликнул Фрэнк.

– Кампе? – удивился Толстяк. – Кто это?

– А вы не знаете? Постыдитесь! Кампе – это же известнейшая личность! Он потерпел крушение, был выброшен на остров и остался там совсем один. Потом, правда, появилось несколько туземцев, которых он прозвал Понедельником, Вторником, Средой и Пятницей. Неужели вы не читали этой прекрасной книги?

– Да нет, конечно, читал, – ответил Джемми под общий хохот. – Теперь я понял, кого вы имели в виду – Робинзона.

– Робинзона? Хм, да, он тоже там был.

– Естественно, он там был, ведь он – главный герой!

– Главный герой? Послушайте-ка! Тут вы опять ошибаетесь. Главный герой был Кампе.

– Ну, не будем спорить. Собственно говоря, Кампе тоже не на вторых ролях в этом романе, поскольку он его написал.

– Да, и если бы он не был на острове, то ничего не смог бы написать о нем.

– Ладно, но вот о Понедельнике, Вторнике и Среде я ничего не читал.

– А причина простая – ваша эпидемическая невнимательность, с которой вы все делаете. Как мне кажется, вы пролистали лучшие страницы этой книги. Кампе не мог не упомянуть о первых трех буднях недели. Такому храбрецу доверяют, он не стал бы нарушать хронологический порядок времени. С такой трехкратной ошибкой он не нашел бы ни одного издателя для книги. Но продолжайте! Как же вы тогда играли роль Кампе?

– Охотно продолжаю. Поначалу я немного растерялся, но потом понял, что мне нечего опасаться, ибо мой остров возвышался над берегом, а стало быть, не мог оказаться под водой. В любом случае надо было дожидаться утра. Естественно, мне не давала покоя мысль о лошади. Если ее смыло потоком, то она погибла, а без нее и мне конец. Не мне вам объяснять, что означает для вестмена потеря лошади в таком положении. Мысленно теща себя надеждой на врожденный инстинкт своей кобылы, я медленно побрел к своему ложу. Неожиданно мне показалось, что впереди промелькнула чья-то тень, исчезнувшая в хижине, но я не придал этому особого значения и снова улегся спать.

Напрасно я не обратил внимание на это обстоятельство, потому что в хижине-то был не кто иной, как медведь! И его наводнение застигло врасплох. Ладно, решил я, только бы он лежал себе спокойно в хижине, а иначе как пить дать произойдет «битва народов», как под Лейпцигом!³⁹ К счастью, он вел себя тихо. Заснуть я уже, конечно, не смог, просто

---

³⁸ Иоахим Генрих Кампе (1746–1818) – педагог, лингвист и детский писатель. Хромой Фрэнк ссылается на его детскую книгу «Робинзон Младший», подражание знаменитому роману Даниеля Дефо.

³⁹ «Битва народов» под Лейпцигом – состоялась 16–19 октября 1813 г. между французской армией Наполеона и войсками коалиции (Россия, Пруссия, Австрия, Швеция) под командованием князя Шварценберга и прусского фельдмаршала

лежал и в те паузы, когда ветер задерживал дыхание, весь обращался в слух. Вышел ли зверь из хижины? А вдруг мне все это почудилось? Или это не медведь, а другой зверь? В любом случае надо убираться отсюда как можно быстрее. Я взял ружье в одну, а одеяло – в другую руку и тихо пополз к противоположному концу острова, где потом лег таким образом, чтобы постоянно держать хижину в поле зрения. Оставшееся до рассвета время показалось мне вечностью! Наконец на востоке заалело, и теперь я смог разглядеть остров, поверхность воды и берег. Вот тут я и сделал для себя двойное открытие. Первое – приятное: моя лошадь мирно паслась на другом берегу, с которого я пришел сюда, а второе – не очень: в хижине лежал действительно медведь, задом ко входу, головой внутрь. Пока он меня не заметил. Просто чудо, что я находился на другой стороне острова, когда он вылезал из воды! Если бы он застал меня тогда спящим, я бы не сидел здесь и не рассказывал бы нашему Хрому Фрэнку об этом приключении.

– Да, уж, – согласился тот, – скорее всего, он бы вас проглотил, и вам ничего больше не оставалось, как бестелесным духом бродить по прерии как наказание за то, что школа для вас не принесла никакой пользы. Как вы повели себя с медведем?

– Очень даже хорошо. Я осмотрел свое ружье, проверил, заряжено ли оно, а затем вежливо ему представился. Я тихо подошел к хижине и закричал «Ура!». Малый действительно спал. Он, вероятно, очень устал. Кто знает, как долго он воевал со стихией и барахтался в реке? Когда медведь услышал мой голос, он повернулся ко мне. Увидев меня, он выпрямился в хижине и получил две пули в упор. Так убить животное – это не подвиг. Боб тоже так смог бы.

Негр сидел в этой же компании. Он так часто слышал немецкую речь от своих хозяев, что даже если он не понимал отдельных слов, то был в состоянии понять общий смысл сказанного.

– Ох, ох, – сказал он, – Массер Боб быть очень хорошим вестменом! Массер Боб быть храбрым. Он не бояться медведя. Когда Массер Боб снова увидеть животное, то он поймать его голыми руками!

– Отлично! – кивнул Джемми. – Значит, первого зверя, которого ты увидишь, ты поймашь голыми руками.

– Да, да, масса.

– Даже если это будет медведь?

– Если это будет медведь, значит – медведь. Массер Боб свернуть ему голову на спину.

Он протянул свои длинные руки, растопырил пальцы, закатил глаза и показал зубы, чтобы было ясно, как он собирается наброситься на животное. Это выглядело так, как будто он действительно хотел сожрать медведя со всеми потрохами.

– Может быть, ему повезет и первым окажется опоссум, о котором он все время мечтает, – заметил Разящая Рука. – А теперь расскажите, мастер Джемми, как вы добрались до берега?

– Самым простым способом: я перешел поток, – усмехнулся Толстяк. – Как известно, подобные ненастья прекращаются так же внезапно и быстро, как и возникают. В воздухе стало холоднее, и уже к полудню уровень воды снова понизился. Хоть мне и пришлось провести на острове еще одну ночь, к полудню следующего дня вода едва доходила мне до бедер. Я перебрался вброд и перевел лошадь, чтобы потом снова нагрузить ее капканами, да еще и лапами со шкурой медведя. Разумеется, груз этот вынудил меня идти рядом с кобылой, чтобы не уморить ее. Но это продолжалось недолго, недалеко от места впадения реки Медисин-Боу в Платт я наткнулся на целую колонию бобров, такую многочисленную, что вынужден был сделать долгую остановку, а в результате добыл немало шкурок, которые

припрятал на будущее в одной из земляных ям. После этого я мог спокойно ехать дальше уже без поклажи. Вот таким было мое приключение, и, если оно по нраву нашему мастеру Фрэнку, пусть он теперь расскажет свою историю. Надеюсь, она заканчивается так же счастливо, как и моя.

– Само собой разумеется, – ответил саксонец. – И к тому же я одержал победу один, безо всякой помощи. На этот раз рядом не было ни души, даже собаки, которая напала на медведя, как это было в истории нашего славного друга Мартина и его бедной сестренки Людди.

Он потерев пальцами перья на шляпе, откашлялся и начал многообещающе:

– Тогда я еще не пробыл здесь, в Соединенных Штатах, целую вечность, о чем правдиво могу сказать сейчас, я был еще совсем неопытный. Не могу сказать, что я был необразован, напротив, я владел определенной порцией физических и духовных выгод, но тем не менее можно сказать, что то, что никто не видел и не попробовал, нельзя узнать по-настоящему. С этим не станет спорить ни один образованный человек, он признает мою правоту. Какой-нибудь банкир, например, яркий представитель своей профессии, не может выдуть хоть какую-то простую мелодию на гобое, а любой ученый профессор экспериментальной астрономии не может без инструкции и необходимых ухищрений сразу стать стрелочником. Это я говорю наперед в свое оправдание и защиту. История произошла рядом с Арканзасом в штате Колорадо. Я брался за любую работу в различных городах и в конце концов скопил небольшой капитал. С ним я решил начать на Западе торговое дело. А почему нет? Занимаясь этим, можно было хорошо заработать, и я мог уже понятно объясняться, потому что мне легко давался английский язык. Всем понятно, что для меня это дело не сложное.

– Да, – серьезно кивнул Джемми, – с вашими способностями не удивительно, что вы прямо на лету схватываете любые иностранные слова.

Как это ни странно, но Джемми говорил искренно.

– Не верите? С существительными и прилагательными нет никаких проблем, ибо они сами по себе приклеиваются к памяти. Считать научиться – тоже раз плюнуть. Что там еще остается? Пара наречий, с которыми также нет проблем, и готово! Мне никогда не понять, почему молодежь так долго мучается с иностранным в школе. Мне кажется, берутся не с того конца. Говорю ли я по-нашему «сыр», или по-французски «frommage», или по-английски «cheese» – какая разница! Для меня сейчас иностранный язык проще пареной репы. Итак, я предпринимал свое путешествие с великолепным запасом товаров и провернул такую удачную торговлю, что, когда потом появился в районе форта Лайон, что в Арканзасе, распродал там все и вся. Даже тележку – и ту продал не без прибыли! Затем я сел на коня с ружьем в руке и сумкой, полной денег, на ремне и решил с удовольствием прокатиться дальше вглубь страны. Уже тогда я испытывал большое желание стать знаменитым вестменом.

– И наконец вы им стали! – заметил Джемми.

– Ну, еще не совсем. Но думаю, если мы теперь вяжемся в драку с сиу, я не буду стоять за линией фронта, как Ганнибал под Ватерлоо⁴⁰, а потом, может статься, прослаблю свое имя. Но дальше! Тогда Колорадо только-только был изведен. Там открыли богатые золотоносные участки и с Востока хлынул поток проспекторов и диггеров. Но истинных поселенцев было очень мало. Поэтому я был несколько удивлен, когда на своем пути встретил настоящую ферму. Она состояла из маленького блокгауза, нескольких ухоженных полей и обширного пастбища. Поселение располагалось на берегу Пургаторио. Это обстоятельство говорило само за себя – поблизости должен был быть лесной массив. И действительно, въехав в лес, я заметил, что в нем росли преимущественно клены. Я очень удивился, когда увидел почти в каждом стволе воткнутые трубочки, из которых в поставленные под ними сосуды капал

---

⁴⁰ Ганнибал (*Hannibal* – дар Ваала, *пунич.*) – это имя носили несколько карфагенских полководцев. Самый знаменитый Ганнибал (247/246–183 до н. э.), сын Гамилькара Барки – блестящий полководец, прославившийся походами против Рима.

сок. Было начало года – лучшее время для приготовления кленового сахара. Вблизи блокауа стояли продолговатые, широкие, но очень плоские чаны, наполненные соком, которому, похоже, суждено было испаряться здесь, на открытом воздухе. Подчеркну это обстоятельство, поскольку в моем приключении оно сыграло главную роль.

– Конечно же, фермер был не из янки, – заметил Разящая Рука, когда Фрэнк остановился, чтобы перевести дух.

– Почему вы так решили?

– Потому что янки скорее кинулся бы к золотоносному участку и уж никак не осел бы тут скваттером.

– Совершенно верно! Хозяин был норвежцем и принял меня очень гостеприимно. Его семья состояла из жены, двух сыновей и дочери. Меня сразу же пригласили остаться на столько, сколько будет угодно моей душе. Я охотно согласился и помогал им по хозяйству, при этом мой унаследованный интеллект пришелся добрым людям как нельзя кстати.

– Наверное, вы помогали им на маслобойне? – шутливо бросил Джемми.

– Естественно! – серьезно и не без гордости ответил саксонец. – Я даже сконструировал новую, в которой не толкут, а вертят, это я видел на Востоке. Точнее, я сделал чертеж мелом на столе, по которому они смогли соорудить ее сами. Благодаря своей любезности и интеллектуальному превосходству я настолько завоевал доверие этих людей, что они позволяли мне оставаться на ферме даже в их отсутствие. Как раз у одного из соседей должен был состояться так называемый семейный праздник, и вся семья хотела принять в нем участие, поэтому мое присутствие оказалось кстати, а потому в доме теперь я остался за полномочного хозяина и мог позаботиться о статистической безопасности фермы. Они уехали, а я остался один. Соседом там называли любого, кто жил на расстоянии в полдня пути верхом. Именно на таком расстоянии от нас находилась ферма упомянутого соседа, значит, возвращения моих гостеприимных друзей стоило ждать не раньше, чем через два дня.

– Они вам оказали слишком высокое доверие, – снова воспользовался паузой Джемми.

– Почему? Разве вы думаете, что мне могла прийти в голову мысль удрать с фермы? Разве я похож на нечестного мошенника?

– Об этом и речи нет. Если где-нибудь когда-нибудь люди задумают воздвигнуть статую, символизирующую Честность, то позировать надо только вам, поскольку ваша внешность сразу располагает к доверию, в этом смысле вы неотразимы.

– Иной оценки я и не ожидал!

– Но в любой местности не только в те времена, но еще и сегодня шатается всякий сброд. Что вы один могли бы предпринять, если бы такие люди случайно забрели бы к вам в отсутствие хозяина и применили бы силу?

– Что бы я делал? Не подумайте ничего дурного, но вопрос этот весьма странный и дурацкий. Я вышвырнул бы их всех к дьяволу! Заставил бы считаться с моим правом неприкосновенности жилища.

– Вы полагаете, это так легко? Такие люди никаких прав и принципов не признают, им послать пулю в человека – что плюнуть.

– Я тоже не робкого десятка! Познакомившись со мной поближе, вы поймете, что мне не только одну, а три или четыре фермы можно доверить со спокойной душой. Уж я знал бы, как их защитить! Я разумею во всех видах военной стратегии и превосходно разбираюсь в различных приемах боевой тактики. Я даже изучил мышино-лягушачью войну и, стало быть, знаю, как начинать сражение и как побеждать! При вступлении в бой надо действовать как Мольтке⁴¹, в атаке – как Цитен⁴², а в преследовании – как истинная ласка!⁴³ А посему

---

⁴¹ Хельмут Карл Бернхардт Мольтке Старший (1800–1891) – прусский и немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал, теоретик военного искусства.

мне не страшен никакой противник, если только он не наносит удара в спину, а я заранее не предупрежден об этом.

– Об этом-то как раз никто и не сообщает!

– К сожалению, это правда – медведь действительно пришел без уведомления, из-за чего и имело место мое приключение, о котором я хочу рассказать. При этом я должен упомянуть, что в стороне от дома рос старый хикори⁴⁴. Весь до последней ветки он был очищен от коры, которая понадобилась норвежцу, как он рассказывал, для изготовления желтой краски. Ствол стал совершенно гладким, и, чтобы взобраться по нему, требовалась большая сноровка.

– Пожалуй, такое никому и в голову не придет, – подал голос Длинный Дэви.

– Да, не придет, но иногда случается такое, что даже благородных кровей аристократ вынужден проделывать подобное. Всего через несколько минут этот закон природы будет подтвержден. Итак, чтобы не упустить самого главного: я находился на ферме совершенно один и раздумывал о том, чем бы мне скрасить долгие часы одиночества. Естественно, я нашел себе достойное занятие. Внутри блокауза требовал починки земляной пол, а между древесными стволами, которыми были выложены стены, раскрошилась шпаклевка. Все это надо было заделать. Норвежец для этой цели уже давно за углом дома вырыл глиняную яму. Она была около четырех локтей длиной и около трех шириной. Какова она в глубину, я не видел, поскольку яма до краев была заполнена глиной. Оттуда торчало несколько жердочек, которыми, вероятно, мешали и толкли содержимое ямы. Какая радость охватит хозяина, когда по возвращении домой если не пол, то хотя бы стены он увидит обновленными! Вот что подумал я и решил немедленно взяться за работу.

– Разве вы раньше что-нибудь соображали в этом деле? – снова раздался вопрос Толстяка.

– Прошу вас, не вставайте вы мне поперек дороги с вашими неуклюжими вопросами! Не надо никакого особого искусства, чтобы замазать глиной дыру или зазор. В науке есть гораздо более тяжело осваиваемые области. Итак, я начал мешать палочкой глину. Масса показалась мне слишком густой, поэтому я долил в яму воды, но, как оказалось, слишком много, и теперь раствор стал очень жидким. Я подумал, что после усердного замеса масса снова примет вид объемной компрессии и больше часа бился над ней изо всех сил. В результате глина достигла той консеквентности, которой можно было бы ублажить администрацию и удовлетворить требования строительного надзора, но я, прежде чем начать свои работы по реставрации, должен был еще вырезать из дерева некое подобие кельмы. Поэтому я снова вернулся домой, там, я помнил, в очаге лежало сухое дерево. Воодушевленный собственным намерением, я свернул за угол и... застыл как вкопанный. Перед кем, вы думаете?

– Перед медведем, конечно, – откликнулся Джемми.

– Да, перед медведем, который оставил свою берлогу, находившуюся, по всей видимости, наверху, где-то в горах Ратон, чтобы так же, как и я, взглянуть на мир и людей. Но мне было не до радушного приема посетителя. Парень подозрительно покосился на меня и проводил взглядом мой прыжок, который я вряд ли когда-нибудь смогу еще повторить, и с помощью которого я отлетел далеко в сторону. Через секунду он набросился на меня. Это обстоятельство придало всем моим членам необычайную гибкость, а бегство показалось мне истинным удовольствием. Я гнал сам себя, как охотники гонят индийского королевского

---

⁴² Ханс Иоахим фон Цитен (1699–1786) – прусский кавалерийский генерал в Семилетней войне (1756–1763) между Пруссией и австро-руско-шведско-саксонской коалицией.

⁴³ Ласка (*Mustela nivalis*) – маленький хищный зверек из семейства кунных.

⁴⁴ Хикори (гикори) (*Hicoria*, лат.), или кария – род листопадных деревьев семейства ореховых, распространенных в Северной Америке и Китае.

тигра, прямо к хикори. Вцепившись в его ствол, я в один миг оказался наверху. Теперь мне даже не верится, что в подобной ситуации человек может проделать такое.

– Вы были хорошим скалолазом? – поинтересовался Разящая Рука. Он скорее утверждал это, чем спрашивал.

– Да какое там! Стоит, пожалуй, принять во внимание, что мне, как слуге леса, пришлось обучиться лазанию, но все мое кровавое давление восставало против такого искусства. Если мне нужно подняться, к примеру, на стремянку, то у меня между ушей тотчас все кружится и вертится, и я никак не могу себя заставить сделать это. Все же, если позади тебя медведь, то не стоит долго спрашивать, вяжется лазание со здоровьем или нет, а надо быстрее карабкаться наверх, со всей страстью, прямо как я тогда! К несчастью, как уже упоминалось, ствол дерева был слишком гладкий, и я не залез на самый верх.

– Увы! Это могло закончиться плачевно, ведь вы были без оружия. А что делал медведь?

– Нечто такое, чего со спокойной совестью мог бы и не делать, – он стал взбираться следом.

– А! Так, к вашему счастью, это был не гризли!

– Меня это не интересовало, ибо тогда для меня он был Медведем! Медведем! Я крепко вцепился в дерево и глянул вниз. И верно, этот бездельник поднялся во весь свой рост у ствола, обхватил его и медленно, но уверенно стал взбираться наверх. Процесс, похоже, доставлял ему огромное удовольствие, он удовлетворенно бурчал что-то себе под нос, напоминая то ли мурлычущую кошку, правда, несколько подохрипшую, то ли трезвучие, построенное от ноты ми контрабаса, когда оно исполняется пиццикато. У меня трещала от напряжения голова, гудело все тело. Медведь подбирался все ближе. Я не мог дольше оставаться на том же месте, мне нужно было лезть выше. Но едва я освободил одну руку, чтобы схватиться за ветку повыше, как тут же потерял опору. Хотя я смог быстро ухватиться за другую, все же земля-матушка не позволила своей жертве упорхнуть от силы тяготения. Я смог издать лишь короткий, полный страха вздох, а потом поехал вниз вдоль ствола с резвостью двадцатицентнерного стального молота и с такой силой налетел на медведя, что он тоже сорвался вниз. Он грохнулся оземь, а я, подброшенный его тушей чуть вверх, опустился опять же на него.

Фрэнк рассказывал все это так живо, с выразительными жестами, что его слушатели боялись упустить даже мельчайшую деталь, ну и, кроме того, все это было смешно. Все хохотали в наиболее напряженных местах его рассказа.

– Ну-ну, смейтесь! – пробурчал Фрэнк. – А мне тогда было совсем не до улыбок. У меня возникло чувство, будто все части моего тела совершенно перестали мне повиноваться. На душе у меня стало пусто и глухо, так что в течение нескольких секунд я и не помышлял о том, чтобы встать.

– А медведь? – спросил Джемми.

– Не знаю, разобрался он в тот момент в своих мыслях или нет – я, к сожалению, не имел ни времени, ни должного благоговения сидеть с ним и беседовать с глазу на глаз, как Ментор с Телемаком⁴⁵. Возможно, у него на душе, как и у меня, было мерзопакостно, ибо он лежал так же тихо подо мной, как я безмолвно восседал на нем. Потом он вдруг собрался с силами, и это привело меня к осознанию моих персональных обязанностей. Я вскочил и помчался прочь, он за мной, то ли от страха, как я, то ли от жажды продолжить так внезапно завязанное со мной знакомство – этого я не знаю. Собственно, я-то стремился к дверям дома. Но на это оставалось очень мало времени, а медведь был слишком близко.

---

⁴⁵ Ментор – сын Алкима, друг Одиссея, который, отправляясь в поход на Трои, поручил ему заботиться о своем доме и воспитывать своего сына Телемака (*миф.*).

Страх наделил меня быстротой ласточки! Ужас, казалось, удвоил или даже учетверил длину моих ног! Я несся вперед, как ружейная пуля, затем шмыгнул за угол дома и... угодил прямо в глиняную яму, по самые локти. Я забыл обо всем на свете, все смешалось предо мной: небо и земля, Европа и Америка, все мои знания и эта проклятая глина. Одним словом, я воткнулся в грязь, как скребок в тесто. А тут рядом со мной раздался такой, как выразится американец, мощный «шлеп», от которого я испытал толчок, словно от амортизатора железнодорожного вагона, а глина будто взорвалась у меня над головой. Лицо полностью покрылось грязью, только правый глаз еще что-то видел. Я развернулся и покосился на медведя, который вследствие своего легкомысленного темперамента забыл проинспектировать почву, как это положено, и, стало быть, прыгнул следом за мной. Была видна только его голова, но выглядела она ужасно. Если оба мои профиля были залеплены глиной так же, как и у него, то, конечно же, ни один из нас не мог претендовать на глубокое почтение со стороны другого. Три секунды мы любезно оглядывали друг друга, потом он отвернулся влево, а я – вправо, и каждый из нас с похвальным намерением достичь более приятных мест рванулся прочь. Естественно, у него со способностями выбраться из ямы дело обстояло получше, чем у меня. Я даже стал опасаться, что он, выскочив из глины, останется на месте, чтобы устроить мне осаду, но едва он достиг твердого грунта, как с бешеной скоростью помчался туда, откуда пришел, и исчез за углом, не удостоив меня даже взглядом. Farewell, big muddy beast!⁴⁶

Хромой Фрэнк распалился не на шутку, жесты его становились все резче и нелепее. У многих уже от хохота сводило скулы, из глаз текли слезы. Теперь уже не один Фрэнк, а вся компания выглядела очень комично.

– Да, веселенькое вышло приключение, – заговорил первым Разящая Рука, – а самое лучшее в нем – счастливый конец для вас, да и для медведя тоже!

– Уж конечно! – воскликнул Фрэнк. – Я же не какой-то пропащий! Когда медведь исчез за углом, я услышал шум, как если бы опрокинулась какая-нибудь мебель. Но я махнул на это рукой, ибо был занят тем, что вытягивал себя из ямы. Эта работа стоила мне значительных усилий: глина оказалась очень вязкой, и я освободился от нее только благодаря тому, что позволил ей сожрать свой сапог. Выбравшись из ямы, я прежде всего должен был очистить лицо. А потому побрел за дом, где протекал ручеек, воде которого я любезно доверил все, что было совершенно излишним для моей внешней индивидуальности и могло быть немедленно удалено. Потом я, естественно, поспешил по следу зверя, чтобы увидеть, в каком направлении он сбежал. То, что он исчез, я считал делом само собой разумеющимся. Но бездельник не сбежал. Он сидел там под хикори и... усердно облизывался.

– Слизывал глину? Ба! – с сомнением покачал головой Джемми. – Насколько я знаю повадки этого зверя, он сейчас же должен был залезть в воду.

– И не думал, потому что был разумнее вас, мастер Джемми. Медведь, как известно, обожает сладости. А разве кленовый сахар не так сладок, как любой другой?

– Я вас не понимаю. Рассказывайте дальше!

– Ну, я же упоминал о деревянных чанах, в которых густел кленовый сок. Медведь от авантюры был далеко не в восторге и только и думал унести ноги как можно скорее. На пути у него оказался один из чанов, а у бедняги не было времени даже для того, чтобы обжевать его, наоборот, он хотел его перепрыгнуть, но медведь-то все-таки не тигр! Он не перепрыгнул, а влетел прямо в чан и сбил его с подставки, на которой тот стоял. Поскольку сок уже достаточно загустел и издавал терпкий сахарный аромат, легкомысленный зверь напрочь забыл не только о своем крушении и о яме, но и обо мне. Вместо того чтобы послушаться моего пожелания доброго пути и соблюсти содержащееся в нем предостережение, медведь беззаботно развалился под деревом, с огромным удовольствием слизывая сладость с глины.

⁴⁶ В добрый путь, огромная грязная бестия! (англ.)

Он так глубоко погрузился в это приятное занятие, что даже не заметил, как я вдоль стены пробрался к двери и потом прошмыгнул в дом. Теперь, будучи в безопасности, я сдернул с гвоздя флинт. Разумеется, он был заряжен. Медведь сидел на задних лапах, и я мог целиться в него сколько душе угодно, я не промахнулся. Пуля попала зверю прямо в то место, в котором, по мнению поэтов, скрыты все нежнейшие чувства, то есть в сердце. Медведь вздрогнул, потом снова воспрянул, взмахнул бестолково передними лапами, после чего замертво повалился на землю. В общем, вследствие собственного легкомыслия и сладострастия он прекратил, так сказать, свое брренное существование. Судьба все решает быстро, и любая глупость в конце концов карается, а кому в утренней заре пришли видения ранней смерти, тому во второй половине дня суждено скончаться от кленово-сахарной болезни. Это уж как пить дать, скажу я вам.

– Очень тонкое замечание, – сказал белый охотник. – Это делает вам честь. Вообще вы прекрасный рассказчик. Я еще ни разу не слышал, чтобы кому-нибудь, как вам, удавалось передать историю из жизни столь увлекательно и остроумно.

– Да что тут такого особенного? Подумайте о морицбургском учителе, который передал мне все свои исключительные знания, подумайте и о платной библиотеке, и о выходящих отдельными выпусками изданиях, верным подписчиком которых я являлся! Кроме того, я был вторым тенором в нашем певческом обществе, а также звеньевым в пожарной и спасательной командах! И позже я старался появиться везде, где можно было хоть чему-нибудь научиться. Всегда человеческая душа должна стремиться вверх, ибо только там, среди звезд, исчезают все эти временные земные беды. К сожалению, даже такая идеальная натура, как я, вынуждена иметь дело с совершенно ординарными вещами. Это борьба за существование, а потому я исполняю свой долг и не боюсь даже огромного медведя.

– Ну, ваш, пожалуй, был не так уж и велик. Гризли не умеет лазить по деревьям. Вспомните, какого он был цвета?

– По-моему, его шкура была черной.

– А хвост?

– Желтым.

– Ага, тогда это был не кто иной, как барибал⁴⁷, которого вам не стоило опасаться.

– Ого, но он вел себя так, как будто был не прочь полакомиться человечинкой!

– Вам это показалось. Барибал с большей охотой уплетает фрукты, нежели мясо. Я даже без оружия возьмусь помериться с ним силами. Несколько крепких ударов кулаком – и он умчится прочь.

– Да, но это вы! Как говорит ваше прозвище, кулаком вы уложите на землю любого. Но я создание более хрупкое и не стал бы проделывать это без оружия. Впрочем, потом я освободил тушу от шкуры и выстирал ее вместе со своим костюмом, который от глины стал поистине жаростойким. Ремонт стен пришлось отложить – я больше не желал иметь ничего общего с содержимым той проклятой ямы. Но, когда норвежец вместе со своей семьей вернулся, медвежий окорок был уже вырезан и я получил крайне лестную похвалу, поскольку мне хватило ума не предавать гласности все без исключения обстоятельства этой досадной авантюры... Стойте! Тихо! Кто-то шуршит у меня за спиной?

И саксонец вскочил с места. За его спиной в беспорядке сгрудились скальные обломки. На эту грудку он и стал взбираться. Фрэнк испугнул какого-то зверька, затаившегося среди камней. Животное вылезло наружу, молниеносно прошмыгнуло по поляне и исчезло в дупле дерева, стоявшего неподалеку. Движения зверька были такими быстрыми, что определить, какого он рода-племени, было попросту невозможно.

---

⁴⁷ Барибал – черный медведь, обитающий в Северной Америке.

Никто и не стал бы заострять на этом внимание, если бы не негр Боб, которого это маленькое происшествие как будто пронзило током. Он вскочил, подбежал к стволу дерева и закричал:

– Зверь, зверь здесь бежать и прятаться в нора! Массер Боб говорить раньше, что он голыми руками поймать первый зверь, который он видеть. Массер Боб сейчас вытащить зверь из дерева!

– Осторожнее! – предостерег Разящая Рука. – Ты же не знаешь, кто это!

– О, он быть так мал!

Негр двумя пальцами отмерил предполагаемую длину животного.

– Мелкая тварь иногда опаснее крупного хищника.

– Опоссум не быть опасен.

– Ты видел, что это был он?

– Да, да. Массер Боб только что видеть опоссум, настоящий опоссум. Он быть жирный, очень жирный, и его жареная тушка – прямо деликатес! О, изысканное блюдо!

Боб прицелкнул языком и облизал губы, будто жаркое было уже готово.

– По-моему, ты ошибаешься. Опоссум вряд ли так проворен, как этот юркий зверек.

– Опоссум тоже быстро бегать, очень быстро. Почему масса Рука не позволять массер Боб отведавать вкусное жаркое?

– Ну, если ты так убежден, что не ошибся, то поступай как знаешь. Только к нам больше не приставай.

– Весьма охотно! Массер Боб не дать опоссум никому. Он есть жаркое один, совсем один. А теперь смотреть! Он вытянуть опоссум из дыры!

Он натянул на кисть правый рукав своего пиджака.

– Нет, нет, – покачал головой белый охотник. – Тебе нужно схватить зверя левой рукой, а правой держать нож. Как только поймаешь добычу, тyani ее наружу и быстро придави коленом. Зверь не сможет двигаться и защищаться, и ты спокойно перережешь ему горло.

– Прекрасно! Это быть просто прекрасно! Массер Боб сделать так, ибо массер Боб быть большой вестмен и знаменитый охотник.

Взяв нож в правую руку, он натянул рукав на кисть левой и сунул ее в дыру, но осторожно и нерешительно, ибо ощупывал внутреннее пространство. Вдруг он издал громкий крик и тотчас выронил нож. Скорчив жуткую гримасу, замахал в воздухе свободной правой рукой.

– Хо! Хо! – завопил он. – Больно, ох как больно!

– Что такое? Ты схватил зверя?

– Нет! Это зверь схватить массер Боб!

– О Боже! Он укусил тебя за руку?

– Очень, очень больно вцепиться!

– Так тащи его, тащи!

– Нет, очень больно!

– Но ты же не можешь оставить руку внутри. Если этот зверь вцепился в тебя зубами, он не разожмет их и не отстанет от тебя. А потому тyani! Когда вытащишь, быстро хватай его другой рукой и держи крепко, пока я его не прикончу.

Разящая Рука вытащил из-за пояса длинный нож и подскочил к Бобу и дереву. Черный медленно вытащил руку, сопровождая свои действия жалобным вытьем. Зверь в самом деле впился в руку и не отпускал ее, а потому был поднят Бобом до самого отверстия. Теперь негр резко ускорил свои движения, и животное, трепыхаясь, повисло на руке чернокожего. Последний быстро перехватил его правой рукой за холку в ожидании, что Разящая Рука тотчас пустит в ход нож. Но вместо этого охотник резко отпрянул и воскликнул:

– Скунс, скунс! Эй, люди, прочь, прочь отсюда!

Скунс – это млекопитающее из семейства куньих длиной сантиметров в сорок, имеет примерно такой же по длине раздвоенный волосатый хвост и острую головку с распухшим носиком. На его черной шкуре видны две белоснежные непрерывные продольные полосы. Питается он яйцами, мелкими зверьками, но представляет опасность и для зайцев, охотится только по ночам, а остальное время проводит в земляных норах и пустых древесных стволах.

Этот зверек с полным правом носит латинское название *merphitis* (вонючий). Под хвостом у него есть железа, из которой он для защиты от нападения выплескивает очень дурно и остро пахнущую, желтую маслянистую жидкость. Вонь от нее исходит поистине ужасная, она на многие месяцы крепко впивается в окрапленную этой жидкостью одежду. Поскольку скунс может попасть во врага своим ужасным соком с достаточно приличного расстояния, то все, кто знает зверька, предпочитают держаться от него подальше. Стоит кому-то получить лишь крошечную долю этой жидкости, и можно на несколько недель лишиться человеческого общения: люди будут избегать меченного скунсом.

Итак, вместо опоссума Боб поймал вонючку. Увидев это, все остальные вскочили и поспешили подальше от незадачливого любителя изысканных блюд.

– Выбрось его! Немедленно, слышишь! – заорал Толстяк Джемми негру.

– Массер Боб никак не выбросить, – закричал черный. – Зверь въедаться в его рука и – ой, ай! Он обрызгать массер Боб. О смерть, о ад, о дьявол! Как смердеть массер Боб! Никто не выдержать! Массер Боб задыхаться. Прочь, прочь! Убирать эта зараза!

Он попытался стряхнуть вонючку с руки, но скунс намертво впился в нее зубами, и все труды несчастного были напрасны.

– Подожди! Массер Боб сейчас тебе задать! Боб размахнулся и крепко хватил зверька по голове правым кулаком. Удар оглушил скунса, но его зубы еще глубже врезались в руку негра. Тот зашелся от боли, подхватил с земли свой нож и одним махом перерезал зверьку горло.

– Вот так! – крикнул он. – Теперь массер Боб победить! О, массер Боб не бояться никакой медведь и никакой *smelling beast*!⁴⁸ Пусть все массеры приходить и смотреть, как массер Боб убивать хищный зверь!

Но никто не рискнул подойти ближе, ибо негр источал такой «аромат», что остальные, хотя и находились на приличном удалении, зажали носы.

– Почему не приходить? – вращал белками глаз негр. – Почему не праздновать победа с массер Боб?

– Да ты, приятель, никак с ума сошел? – отозвался Толстяк Джемми. – Кто теперь рискнет подойти к тебе? Да ты благоухаешь хуже любой заразы!

– Да, массер Боб дурно пахнуть. Массер Боб сам это видеть! О, о, кто мочь выдержать этот чад!

Лицо негра исказилось в ужасной гримасе.

– Выбрось эту пададь! – крикнул ему Разящая Рука. Боб попытался выполнить этот совет, но не смог.

– Его зубы слишком глубоко в рука массера Боба! Массер Боб никак не открывать пасть вонючки!

Чернокожий мотал и дергал рукой во все стороны, но все напрасно.

– Гром и молния! – кричал он в гневе. – Не вечно же скунс быть на руке массер Боб! Разве не быть тут ни один хороший, добросердечный человек, кто помочь бедный массер Боб?

---

⁴⁸ Смердящее зверье! (англ.).

Его стенания разжалобили саксонца. Отзывчивое сердце Хромого Фрэнка дрогнуло, и он решился избавить негра от мертвого скунса. Фрэнк стал приближаться к Бобу, но, разумеется, очень медленно, приговаривая:

– Послушай, любезный Боб, я хочу попробовать помочь тебе. Хотя на нюх ты ароматен, моя человечность все же сумеет преодолеть это. Но только при условии, что ты не коснешься меня!

– Массер Боб не подходить к масса Фрэнк! – заверил негр.

– Ну хорошо! Но и твоя одежда не должна касаться моей, иначе мы провоняемся оба, а почетное право носить этот запах я все же хочу оставить за тобой.

– Масса Фрэнк только подходить! Массер Боб быть очень осторожен!

В самом деле: то, что маленький саксонец приближался сейчас к черному, было сродни героизму. Даже такие отважные люди, как Виннету, Разящая Рука, Джемми и Дэви, не рискнули бы проделать подобное. Задень Фрэнк хоть чем-нибудь то место на одежде Боба, куда попала жидкость, его также постигла бы участь отверженного, если бы он не предпочел навсегда распрощаться со своим платьем.

Чем ближе он подходил, тем сильнее и отвратительнее становилось зловоние, ударявшее прямо в нос. Но саксонец держался стойко.

– Ну, протяни-ка мне руку! – приказал он Бобу. – Подобраться к тебе совсем близко я все же не рискну.

Негр подчинился требованию, и саксонец осторожно взял одной рукой верхнюю, а другой – нижнюю челюсть зверя, чтобы попытаться разжать его зубы. Это ему удалось, но ценой поистине нечеловеческих усилий. Нет сомнения, что Фрэнк разорвал пасть скунсу, иначе бы просто ничего не получилось. Сделав это, он быстренько поспешил ретироваться – от нервного напряжения и смрада у него кружилась голова.

Негр был безумно рад своему освобождению. Хотя его рука кровоточила, он не обращал на это внимания, а кричал:

– Итак, теперь массер Боб показать, какой мужественный он быть. Верить ли теперь все белые и красные массеры, что Боб не бояться?

С этими словами он двинулся к своим спутникам. В тот же миг Разящая Рука поднял ружье и направил его Бобу в грудь, приказав:

– Остановись, иначе я стреляю!

– О небо! Почему масса Рука хотеть застрелить бедный, добрый массер Боб?

– Потому что ты заразишь нас, если прикоснешься. Быстро беги вниз по потоку как можно дальше и швырни всю свою одежду в ручей.

– Сбросить одежда? Массер Боб будет отдавать его красивый пиджак и прекрасные штаны с жилет?

– Всё, всё! Потом вернешься к нам и сядешь тут, в пруду, чтобы вода была тебе по горло. Давай, быстрее! Чем дольше ты будешь медлить, тем дольше это зловоние будет сидеть на тебе.

– Что за несчастье! Мой прекрасный костюм! Массер Боб постирать его, и тогда он больше не пахнуть!

– Нет, массер Боб подчинится мне, иначе я сейчас же застрелю его, – произнес с улыбкой Разящая Рука. – Ну, раз, два, тр!..

Он шагнул к негру с поднятым ружьем.

– Нет, нет! – взмолился тот. – Не стрелять! Массер Боб убегать, быстро, очень быстро!

Негр молниеносно исчез в ночной тьме. Конечно же, Разящая Рука говорил все это не всерьез, но лучшего средства заставить Боба повиноваться сейчас не было. Тот вернулся довольно быстро и теперь должен был хорошенько отмыться в воде. В качестве мыла он получил мешанину из медвежьего жира и древесной золы из костра.

– Как жаль прекрасный жир медведя! – причитал чернокожий. – Массер Боб смочь натереть волосы этот жир и сделать себе много красивые кудряшки. Массер Боб быть славный ringletman⁴⁹, ибо он смочь заплетать длинные косички, очень длинные.

– Не забудь помыться! – засмеялся Джемми. – Думай сейчас не о своей красоте, а о наших носах!

Черный, несмотря на то что сбросил с себя костюм и сидел в воде, продолжал распространять тяжелое зловоние.

– Сколько же торчать здесь массер Боб и мыться? – спросил он.

– Пока мы останемся тут, а стало быть, до утра.

– Столько массер Боб не выдержать!

– Ты должен выдержать. Другой вопрос – вынесет ли это оставшаяся форель?! – Толстяк переглянулся со своими спутниками. – Не знаю, есть ли у рыб органы обоняния, если да, то твоему визиту они не очень-то обрадуются.

– А когда массер Боб иметь право забрать свой костюм, чтобы его тоже стирать?

– Никогда. Он останется там, где ты его бросил, поскольку стал непригодным.

– Что же теперь носить бедный массер Боб?

– Дело, конечно, скверное. Твоим вещичкам нет замены. Тебе, пожалуй, придется облачиться в шкуру гризли, которую сегодня добыл Мартин. Но не горюй уж очень-то. Может, в Скалистых горах мы отыщем склад какого-нибудь первобытного портного, где ты сможешь обзавестись чулками и юбкой. А до тех пор тебе придется быть в арьергарде нашего отряда, потому что по меньшей мере ближайшие восемь дней тебе нельзя будет и близко к нам подходить. Так что, чем сильнее ты будешь тереть себя, тем скорее улетучится этот мерзкий запах.

И Боб тер себя, не жалея сил. Лишь голова бедолаги маячила над водой, а его неопикуемые гримасы продолжали вызывать улыбки у тех, кто бросал на него взгляд.

---

⁴⁹ Курчавый человек (англ.).

Глава IX

Остальные снова вернулись к лагерному костру. Естественно, предметом разговора было трагикомическое приключение Боба. Затем Длинного Дэви попросили рассказать об одном из его приключений. И он рассказал об одной встрече со старым охотником, который слыл виртуозом в стрельбе. После описания некоторых подвигов этого человека, Дэви заметил:

– Но это еще ничего. Есть стрелки и получше. Я знаю двоих, которых никто еще не превзошел, и эти двое сидят сейчас здесь с нами. Я имею в виду Виннету и Разящую. Руку. Пожалуйста, сэр, расскажите нам что-нибудь о себе. Вы же столько всего пережили, что нужно всего лишь потряхнуть рукавом, чтобы приключения сотнями посыпались из него.

Последние слова были обращены к белому охотнику. Но тот не сразу ответил. Он сделал глубокий вздох, как будто хотел уловить какой-то едва ощутимый запах в воздухе.

– Да, парень, вода благоухает будь здоров, – сказал Джемми.

– О, не в ней причина, – ответил Разящая Рука, выжидающе посмотрев на своего коня, который перестал щипать траву и тоже ловил ноздрями воздух.

– Вы почувствовали что-то еще? – спросил Дэви.

– Пока нет, но я думаю, что мне не удастся рассказать вам до конца мою историю.

– Почему?

Вместо прямого ответа, Разящая Рука вполголоса обратился к Виннету:

– Теши-ини!

Это означает «Берегись!» Другие не понимали языка апачей и поэтому не поняли, что он имел в виду. Виннету кивнул и потянулся за винтовкой, которая лежала с ним рядом. Он положил на нее руку.

Конь Разящей Руки, фыркая, повернул голову к костру. Его глаза блестели.

– Иш-хош-ни! – приказал тот животному, и конь тотчас же улегся в траву, не проявляя при этом ни малейших признаков недовольства.

Тем временем Разящая Рука потихоньку снимал с шеи ружье, Джемми, который наблюдал за поведением двоих товарищей, решил уточнить:

– Что там, сэр? Ваша лошадь, кажется, что-то учуяла?

– Наверное, ее беспокоит все-таки запах негра, – попытался успокоить Толстяка охотник.

– Но вы оба взяли в руки оружие!

– Потому что я хочу поговорить с вами о «выстреле с бедра». Вы наверняка слышали о таком?

– Конечно!

Хотя сейчас все говорили по-английски, Фрэнк поспешил вставить свой саксонский немецкий:

– Послушайте, мастер Разящая Рука, тут вы, наверное, неправильно выразились!

– В смысле?

– Это называется не «выстрел с бедра», а люмбаго, иными словами «прострел». Кто от него страдает, тот ходит согбенный и хромой, потому что у несчастного стреляет в крестце и в бедрах, поэтому термин «выстрел с бедра» с медицинской точки зрения совершенно неверен.

Разящая Рука, в то время как Фрэнк рассуждал, не подавая вида, обшаривал взглядом край леса и непроходимые заросли, расположенные на другой стороне ручья, как и Виннету. Его шляпа была плотно надвинута на лоб, глаза были глубоко в тени, и никто не мог даже

предположить, в каком направлении и на что именно он смотрит. Тем не менее он ответил самым непринужденным тоном:

– Пожалуйста, мой дорогой Фрэнк, я очень хорошо знаю, что такое прострел. Но я имел в виду совсем другое.

– Вот как! Ну и что же тогда?

– Выстрел с бедра, как я уже сказал. Под этим я подразумеваю выстрел, при котором ружье держат не как обычно, а поднимают до уровня бедра.

– Так же невозможно прицелиться!

– Да, непросто приобрести необходимые навыки, есть много хороших вестменов, которые никогда не промахнутся в иной ситуации, а вот выстрел с бедра им не дается.

– Ну и к чему придумали этот выстрел с бедра? Лучше уж целиться обычным способом, при котором вероятность попадания выше.

– Нет! Есть ситуации, в которых без упомянутого мастерства мгновенно наступит смерть.

– Я этого не понимаю.

– Я объясню вам.

Разящая Рука снова осмотрелся, затем продолжил:

– Выстрел с бедра производят тогда, когда сидят или лежат на земле, чтобы противник не мог догадаться, что ты вообще намерен стрелять. Представим, что поблизости находятся враждебные индейцы, которые намереваются напасть на нас. Они отправляют разведчиков, чтобы те выяснили насколько мы сильны, подходит ли наш лагерь для осуществления их низких намерений и соблюдаем ли мы необходимые меры осторожности. Эти разведчики приближаются к нам ползком...

– Но они должны быть замечены и обнаружены нашими часовыми, – бросил Фрэнк.

– Это не так просто, как вы думаете. Например, я пробрался в палатку Токви-Тея, хотя там стояли часовые, да и местность была открытая. А здесь вокруг деревья, которые значительно облегчают разведчику задачу, и наши постовые, как вы слышали, пребывают в уверенности, что здесь не может быть никаких врагов. Стало быть, они не слишком внимательны. Продолжим! Шпионы уже подкрались к нашим постам. Они залегли на краю леса, за буреломом или даже в нем и наблюдают за нами. Если им удастся вернуться в свой лагерь, то мы, скорее всего, пропали. Нас вскоре атакуют, о чем мы даже не будем подозревать, и, следовательно, уничтожат. Лучшее противоядие – обезвредить разведчиков...

– То есть застрелить их?

– Да! В принципе я против любого кровопролития, но в таком случае пощадить врага равносильно самоубийству. Надо стрелять таким образом, чтобы пуля сразу разила насмерть.

– Тки акан (они близко), – прошептал вождь апачей.

– Теш-ши-тки (я вижу их), – ответил Олд Шеттерхэнд.

– Наки (двое)!

– Ха-о (да)!

– Ши-нцаге, ни-акайя (ты берешь этого, я – того)!

Апач провел рукой слева направо.

– Тайясси (прямо в лоб), – кивнул Разящая Рука.

– Скажите, сэр, что у вас за секреты от нас? – осведомился Длинный Дэви.

– Ничего из ряда вон выходящего! Я сказал вождю на языке апачей, что он должен помочь мне объяснить вам, что же такое выстрел с бедра.

– Ну, это я уже знаю. Мне он, конечно, никогда не удавался, как бы много я не тренировался. А возвращаясь к вашим предыдущим словам, прежде чем подстрелить разведчиков, их нужно еще обнаружить.

– Естественно!

– В такой темноте, в зарослях там?

– Да!

– Но они будут осторожны и вряд ли выйдут из леса так далеко, чтобы вы смогли увидеть их!

– Хм! Ваши слова меня удивляют, до сих пор я считал вас толковым вестменом.

– Да уж, я точно не новичок!

– Таким образом, вы должны знать, что разведчики могут скрываться только за этой чащей. Если они следят за нами, то, по крайней мере, глаза и часть лица должны быть видны.

– И вы это хотите увидеть?

– Конечно!

– Дьявол! Я, конечно, слышал, что есть вестмены, которые способны в кромешной тьме разглядеть глаза подкрадывающегося врага. Наш Толстяк Джемми, например, утверждает, что тоже так может, но он еще не имел возможности доказать это.

– Ну, если на то пошло, так случай может подвернуться совершенно неожиданно.

– Был бы счастлив! Я считал подобное невозможным, но если вы скажете мне, что это правда, то я поверю.

Разящая Рука снова посмотрел на опушку леса, удовлетворенно кивнул сам себе и ответил:

– Может быть, вы когда-нибудь видели, как блестят ночью глаза акулы?

– Нет!

– Ну, эти глаза можно увидеть достаточно четко. От них идет свечение. Любой другой глаз, и человеческий глаз в том числе, блестит так же, но с иной интенсивностью. Чем больше ночью напрягается глаз, тем яснее его можно заметить, несмотря на темноту. Если, например, сейчас там, в кустах, сидит разведчик и наблюдает за нами, я увижу его глаза, Виннету – тоже.

– Ничего себе, сильно! – воскликнул Дэви. – Что скажешь на это, старина Джемми?

– Думаю, я тоже не слепой, – ответил Толстяк.

– К счастью, здесь нам не страшны подобные визиты, – Дэви потянулся и зевнул. – Как-никак мы умеем стрелять с бедра, не так ли, сэр?

– Да, – кивнул Разящая Рука. – Посмотрите, мастер Фрэнк! Допустим, там засел вражеский разведчик, блеск чьих глаз я вижу среди листьев. Конечно, я должен убить его, в противном случае я рискую своей жизнью. Но если я сделаю это, как полагается, приложив ружье к щеке, то он это увидит и сразу же скроется. А может, он даже уже направил свой ствол на меня и выстрелит быстрее, чем я. Я могу избежать этого, только применив технику выстрела с бедра. Нужно усесть спокойно и непринужденно, как я сейчас. Затем потянуться к ружью, которое лежит рядом с правой стороны, и медленно приподнять его немного, как будто вы проверяете что-то, или просто хотите позабавиться с ним. Потом опустить, как я сейчас, голову, будто вы смотрите себе под ноги, но глаза, находящиеся в тени шляпы, при этом продолжают четко следить за целью. Так, как я уже говорил, и как делает сейчас Виннету.

Каждое слово своих разъяснений Разящая Рука сопровождал соответствующим действием, апач молча повторял каждое действие за белым охотником.

– Надо прижать приклад крепко с правой стороны к бедру, а ствол к колену, левую руку сцепить с правой и поместить их на ружье поверх затвора, которое таким образом надежно закрепляется, потом поставить указательный палец правой руки на спусковой крючок, а ствол направить так, чтобы пуля прошла чуть выше глаз разведчика – в лоб. Чтобы научиться так попадать в цель, необходимо много упражняться... А теперь спускаем курок!

Его выстрел вспыхнул одновременно с тем, как раздался выстрел из ружья апача. Оба быстро вскочили с земли. Виннету, отбросив ружье и вытащив из-за пояса нож, как пантера, бросился поперек ручья и кинулся в чашу.

– Увай вунун! Увай па-аве! Увай умпаре!⁵⁰ – закричал Разящая Рука на диалекте юта шошонам.

Он носком сапога одним махом сбросил весь костер, у которого сидели, в пруд. Затем он вскочил за апачем.

Шошоны вскочили вместе с белыми. Краснокожие воины, в любой ситуации не теряющие способность соображать, подчинились, услышав призыв Разящей Руки, и тут же сбросили свои костры в воду. Все накрыла непроглядная тьма, а с момента выстрелов едва прошло четыре или пять секунд.

С командой сохранять тишину и спокойствие не посчитался только один человек – по-прежнему сидящий в воде негр, возле головы которого с шипением плыл хворост, от погашенных костров.

– Иисус! Иисус! – кричал он. – Кто там стрелять? Почему бросать огонь в незащитный массер Боб? Хотите массер Боб сжечь и утопить? Должен ли он быть приготовлен как карп? Почему так темно? Ой, ой, массер Боб никого не видеть!

– Молчи, дурак! – воззвал к нему Джемми.

– Зачем массер Боб молчать? Почему не...

– Тише! В противном случае тебя пристрелят! Здесь враги!

С этого момента голоса массера Боба больше не слышали. Он сидел неподвижно в воде, чтобы не раскрыть свое присутствие невидимому врагу.

Вокруг было тихо. Только слышалось постукивание лошадиных копыт и фыркание. Индейцы молчали, но белые шепотом перебрасывались отдельными замечаниями.

– Итак, что стряслось? Что произошло, мистер Пфедферкорн? – сыпал вопросами Хромой Фрэнк. – И что за необходимость устраивать стрельбу. Мы и без выстрелов хорошо бы все поняли. Или враги действительно где-то рядом с нами?

– Конечно! Урок Разящей Руки вовсе не был уроком, все происходило всерьез. Он заметил разведчика, а может и не одного.

– Нужно спокойно ждать, пока оба не вернутся.

– Хм! Они перескочили через воду. Что за безрассудство! А если там, на той стороне, их сцапают разведчики и, так сказать, прихлопнут?!

– Хо! Эти двое хорошо знают, что делают. Прежде всего Старина Разящая Рука разбросал костер, чтобы никто не мог вести прицельный огонь, если вдруг поблизости окажется еще кто-нибудь.

– А вы, стало быть, уже уверены, что эти разведчики и вправду подстрелены?

– Готов поспорить, что пули попали им прямо в лоб.

– Тогда это выше всяких похвал! Каким же должен быть у человека глаз, чтобы так целиться! Значит, сейчас они проверяют, не подкрался ли к нам еще кто-нибудь? Так?

Прежде чем Джемми смог ответить, раздался громкий голос Разящей Руки:

– Зажгите огонь! Но держитесь от него подальше, чтобы не попасть в поле зрения врага.

Джемми и Дэви стали на четвереньки, чтобы исполнить это распоряжение, а потом что есть мочи бросились обратно в темень.

– Сначала гасили, теперь снова зажигаем! К чему это? Не могу понять, – снова послышался шепот озадаченного Фрэнка.

---

⁵⁰ Огонь погасить! Не шевелиться! Не разговаривать!

– И не нужно, – буркнул Джемми в ответ. – Поймете вы или не поймете – от этого все равно ничего не изменится.

– Ну не могу же я находиться в неведении!

– Сперва оба наших предводителя в темноте обшарили окрестности и, очевидно, не нашли ничего подозрительного. Теперь они, пожалуй, углубились в лес. Пройдя через него по широкой дуге, они ползком обойдут лагерь и при этом все время будут ориентироваться на наш костер. От их острых глаз ничто подозрительное не ускользнет.

– Так и я о том же! Послушайте-ка, дорогой герр Пфефферкорн, да ведь эти двое – весьма дельные парни! То, что они тут вытворяют, стоит подороже выеденного яйца! Не думаю, что был бы на такое способен. Но, если разыграется настоящее сражение, я сразу стану самым собой, уж не сомневайтесь!

– Надеюсь, вы знаете хотя бы то, с какой стороны надо братья за ружье.

– Ну еще бы! Но взгляните-ка все же на пруд! Там сидит бедняга Боб. Он так съежился, похоже, вот-вот может утонуть. Несчастный, он так боится получить пулю.

– Да, ему не позавидуешь. Смотрите! Вон они идут!

В свете костра показались Виннету и Разящая Рука, каждый был с ружьем в руке и с индейцем на плечах. Все устремились к ним, но белый охотник проговорил сквозь зубы:

– Сейчас нет времени для разъяснений. Привяжем этих двух к запасным лошадям – и быстро в путь! Их было двое, но неизвестно, сколько еще стоит за ними где-нибудь поблизости. Надо поторапливаться!

У обоих убитых во лбу виднелись небольшие пулевые отверстия. Все присутствующие также слыли отменными стрелками, но столь невероятная точность выстрелов вызвала у вестменов величайшее удивление, а шошоны почему-то вдруг стали перешептываться, временами бросая поистине суеверные взгляды на вождя апачей и его белого брата.

К отправке подготовились быстро и тихо. Разумеется, огонь вновь загасили, после чего Виннету и белый охотник стали во главе отряда.

Куда лежал путь дальше, никто толком не знал. Все полагались на опытных проводников. Долина вскоре стала такой узкой, что пришлось скакать цепочкой в затылок друг другу. Какие бы то ни было разговоры стали невозможны.

Естественно, не забыли и про Боба. Он сидел на лошади абсолютно голый, ибо «аромат», оставленный ему на память скунсом, еще не выветрился. Под ним на спине лошади было разорванное старое одеяло Длинного Дэви, которое теперь служило ему и седлом, и передником, как у какого-нибудь островитянина с южных морей. Он был зол на всех и вся и непрерывно что-то тихо бурчал.

Так, соблюдая строжайшую тишину, но двигаясь по возможности быстро, ехали всадники в течение нескольких часов: сначала через узкую долину, потом – вверх по широкому лысому горному хребту, а затем – снова вниз, через извилистую, бедную растительностью прерию, а когда забрезжил рассвет, среди высоких, крутых скал перед ними внезапно возник горный перевал. У подножий гор оба проводника остановились и спешились. Остальные последовали их примеру.

Трупы сняли с лошадей и положили на землю. Шошоны быстро образовали круг. Они знали, что сейчас начнется процесс, который мы, белые, называем расследованием. Его порядок индейцам был прекрасно известен. Первыми в таких делах имеют право говорить только вожди, остальные воины покорно ждут: спросят их мнение – ответят, нет – будут молчать.

Одежда мертвых состояла частично из ткани, а частично из кожи, как это обычно бывает у индейцев. Каждому из воинов было чуть больше двадцати.

– Я так и думал! – первым заговорил Разящая Рука. – Только неопытные воины так широко открывают глаза, когда обнаруживают ночью вражеский лагерь и напряженно всмат-

риваются в него. Поэтому блеск их глаз был сильно замечен. Бывалый разведчик всегда прячет глаза под ресницами. Но к какому племени они принадлежат?

Вопрос был обращен к Джемми.

– Хм! – пробурчал тот. – Вы полагаете, сэр, что смутите меня этим вопросом?

– Возможно, ведь я сам в данный момент не могу на него ответить. Они на тропе войны, это точно, хотя боевая раскраска и стерта, но все же еще заметна. Черная и красная! Цвета огаллала. Но парни, похоже, не из сиу. Одежда их ни о чем не говорит. Общем их сумки!

Но сумки оказались пустыми. Несмотря на тщательные поиски, не нашлось ни малейшей мелочи, за которую можно было бы зацепиться. Накануне вечером каждый из убитых имел ружье. Оружие тоже осмотрели. Ружья оказались заряженными, но не носили на себе никаких отличительных знаков племени, к которому принадлежали погибшие.

– Может, они вовсе и не были для нас опасны? – проговорил Длинный Дэви с долей укоризны. – Они случайно забрели в места, где мы стояли лагерем, и ради собственной безопасности вынуждены были подкрасться к нам. Взглянув на нас, они бы снова удалились, не сделав нам ничего дурного, а потому я сожалею, что они лишились жизнью.

Разящая Рука отрицательно покачал головой и ответил:

– Вы считаете себя вестменом, мастер Дэви, или нет? Если вы действительно настоящий вестмен, то должны мыслить более логично.

– Хм, сэр, надеюсь, с моими пятью чувствами все в порядке.

– Да? Я тоже не хотел бы сомневаться в этом. Но место, где мы стали лагерем, было выбрано с умом, на него не набредешь случайно. Вывод – они шли по нашему следу.

– Это еще не аргумент против них!

– Не аргумент, согласен. Они, конечно, проявили максимум осторожности, чтобы никто не смог узнать, из какого они племени. Это-то и подозрительно. У них были ружья, но все остальное отсутствовало, а это еще подозрительнее, поскольку без лошади, пороха и свинца индеец никогда не удаляется от стойбища. Они наверняка были разведчиками.

– Хм! Может, у них вообще не было лошадей, – заметил Дэви.

– Не было? Вы только взгляните на их штаны! Разве кожа на внутренней стороне не истерта? От чего это, как не от верховой езды?

– Когда-то давно, может, они и ездили верхом.

Разящая Рука присел на колени, опустил лицо к кожаным штанам убитых. Снова выпрямившись, он произнес:

– Понюхайте-ка! Запах лошади еще не выветрился. В глуши он быстро проходит, а потому готов поспорить на что угодно – оба краснокожих еще вчера сидели верхом на лошадях.

Тут подошел Вокаде, до сих пор державшийся на почтительном удалении от белых.

– Пусть знаменитые мужи позволят Вокаде сказать слово, хотя он еще юн и неопытен!

– Говори! – кивнул ему Разящая Рука.

– Вокаде не знает этих красных воинов, но он знает охотничью рубаху одного из них.

Юный индеец нагнулся, приподнял подол рубахи, указал на вырезанный на ней знак и пояснил:

– Вокаде вырезал здесь свой тотем. Эта рубаха должна была принадлежать ему.

– Вот это да! – присвистнул Толстяк. – Поистине удивительная встреча. Может, теперь то мы узнаем наконец, кто были эти парни?

– Вокаде не может сказать на этот счет ничего определенного, но он полагает, что оба молодых воина принадлежат племени апсарока.

Именно так называют себя Вороны, или кроу.

– Почему мой юный брат сделал такое предположение? – спросил Разящая Рука.

– Когда апсарока были обворованы огаллала, Вокаде был вместе с сиу. Мы двигались от длинной вытянутой горы, которую бледнолицые называют Лисьим хребтом, и переправились через северный рукав реки Шайенн, там, где он струится между вершиной, имеющей название Тройная, и большой горой Инианкара. Мы скакали между горой и рекой и попали на опушку какого-то леса, сразу заметив много красных людей, купавшихся в воде. День был жаркий. Огаллала коротко посоветовались. Купающиеся были апсарока, а значит, их враги. Быстро приняли решение опозорить их страшнейшим для красного воина образом...

– Дьявольщина! – не выдержал Разящая Рука. – Неужели они осмелились похитить святыню краснокожих – мешочек с «лекарствами»?

– Мой белый брат угадал!

– Тогда мне ясно, о чем ты хочешь поведать. Говори же дальше!

– Сиу-огаллала под прикрытием деревьев подъехали к месту, где паслись лошади апсарока. Там лежала их одежда и оружие, а также «лекарства», которые обычно ни один воин никогда не снимает со своей шеи. Огаллала спешили и подползли ближе. Между тем местом и рекой рос высокий кустарник, поэтому им легко удалось совершить кражу, купающиеся никак не могли их заметить.

– И что, неужели там не было ни одного часового?

– Нет. Они и не предполагали, что группа враждебных огаллала забредет туда, где тогда паслись мустанги апсарока. На оружие сиу не позарились, у них было его достаточно, но все боеприпасы и часть одежды они прихватили с собой.

Вокаде замолчал, переводя дух.

– А потом? – спросил Разящая Рука.

– Потом, – продолжил Вокаде, – они снова вскочили на лошадей, захватили с собой животных апсарока и галопом умчались с ними прочь. Позже они избавились от негодных для дальних переходов лошадей, а лучших оставили себе. Когда добычу поделили, вот эта охотничья рубашка досталась Вокаде. Сначала Вокаде вырезал свой тотем, но он не хотел быть вором и потом тайно выбросил ее.

– Когда это было?

– За два солнца перед тем, как Вокаде выслали разведчиком против шошонов.

– Значит, недавно. А через шесть дней ты встретился с Джемми и Дэви. Теперь мне все ясно, и нам очень повезло, что мы заметили и убили этих двух апсарока. Вокаде сосчитал купающихся?

– Их было больше десяти.

– Наверняка они легко обзавелись свежими лошадьми и новыми боеприпасами, а потом отправились в погоню за ворами. По пути они нашли эту выброшенную рубаху, которую настоящий владелец снова надел на себя.

– Может быть, все было по-другому, – вставил Джемми. – Разве ту рубаху не мог случайно подобрать и надеть какой-нибудь совершенно не причастный к этому делу человек?

– Нет, тогда он носил бы под ней собственную одежду – не мог же он раньше ходить голым! У этого мертвого, однако, под рубашкой видна старая, порванная куртка, по которой сразу видно, что она служила лишь исподним. Нет большего позора для индейца, чем пропажа его святыни. Он не имеет права показываться своим на глаза, пока не вернет собственные «лекарства» или не отвоюет чужие, а значит, пока не убьет владельца. Индеец, покидающий стойбище, чтобы вернуть утерянный мешочек с «лекарствами», становится безрассудно отважным. В тот момент ему все равно – убить друга или врага, а потому я убежден, что вчера вечером мы находились в крайней опасности. Так что было бы с нами, дорогой Джемми, если бы мы положились на ваши глаза?

– Хм, – буркнул в ответ Толстяк, сунул руку себе под шляпу и смущенно поскреб там пальцами. – Лежать нам где-нибудь, лишившись и скальпов, и жизней. Хотя я и знаю,

как по ночам высматривать чужие глаза, вчера почему-то был уверен, что никаких врагов поблизости нет и быть не может, вот и расслабился. Итак, вы полагаете, что нам на хвост сели апсарока?

– Это уж наверняка. Более того, теперь они будут мстить нам за этих двух воинов.

– Но ведь пока они не знают, что те убиты.

– Именно пока. Но потом они обязательно найдут следы их крови. Хотя из ран ее вытекло немного, но все же достаточно, чтобы при дневном свете понять, что к чему.

– Значит, сегодня вечером нам стоит ожидать еще одного визита, – саркастически заметил Толстяк.

– Пусть приходят, – усмехнулся Длинный Дэви. – Вокаде говорит, что их чуть больше десяти. Даже если и двадцать, нас-то все равно больше, чего нам опасаться?

– Я так не думаю, – возразил Разящая Рука. – Если они нападут ночью, прольется много крови, как их, так и нашей. Мы, конечно, одержим верх, но многим из нас придется распрощаться с жизнью ради этой сомнительной победы. Она не стоит такой цены. А что скажет мой краснокожий брат?

Слова были адресованы Токви-Тею, вождю шошонов. Несколько мгновений тот задумчиво смотрел перед собой, скрестив руки на груди, а потом спросил:

– Разве мои белые братья не будут совещаться? Краснокожие воины не начнут, пока не услышат мнение более опытных.

– Мы будем совещаться, но для совета такого типа, к которому привыкли вы, у нас нет времени. Апсарока сейчас враждуют с шошонами?

– Нет. Они враги сиу-огаллала, а те – наши враги. Мы не поднимали топор войны против апсарока, но любой воин, ищущий «лекарства», – враг всем людям. С апсарока придется бороться, как с диким зверьем. Пусть мои белые братья поступят умно и примут все меры!

Теперь Разящая Рука бросил вопросительный взгляд на Виннету, до сих пор не сказавшего ни единого слова, но, как всегда, без слов понявшего своего белого брата.

Вождь апачей ответил:

– Мой брат мыслит верно.

– Значит, сделаем крюк обратно?

– Да. Виннету одобряет этот план.

– Я рад. В таком случае, мы не дичь, а охотники, а, поскольку все произойдет днем, апсарока сразу увидят, насколько мы превосходим их по силам. Может быть, они сдадутся нам и без боя.

– Они будут защищаться! – заметил Джемми.

– Тем не менее я надеюсь на благополучный исход. Теперь все зависит от нас. Если не ошибаюсь, то в двух часах езды отсюда находится одно местечко, которое словно специально создано для воплощения нашего плана.

– Тогда не стоит медлить. Чем дольше мы стоим тут, тем меньше времени будет у нас там, чтобы подготовиться к их встрече. А что сделаем с трупами?

– Скальпы обоих воинов принадлежат Разящей Руке и вождю апачей – они сразили их! – торжественно заявил Токви-Тей, сверкнув глазами.

– Я не снимаю скальпов, – ответил на это белый охотник.

Виннету, сначала жестом показав, что не согласен, произнес:

– Вождь не имеет права прославлять свое имя скальпами мальчиков. Эти мертвые и так глубоко несчастны, поскольку ушли в Страну Вечной Охоты. Зачем же еще убивать и их души, отбирая скальпы?! Пусть они покоятся под камнями вместе с ружьями, ибо они погибли как воины, которые храбро приблизились к лагерю своих врагов.

Вождь шошонов такого не ожидал. И, пораженный, спросил:

– Мои братья хотят похоронить тех, кто охотился за нашими жизнями?

– Да, – твердо ответил Разящая Рука. – Мы вложим им в руки оружие, посадим их, обратим их лица в сторону священных каменоломен⁵¹, а потом заложим камнями. Так чествуют воинов! Если потом явятся их братья, идущие по нашему следу, они узнают, что мы им не враги, а друзья.

– Оба моих знаменитых брата делают то, чего я не в силах понять.

– А разве ты не обрадовался бы, увидев своих людей, похороненных таким образом?

– Токви-Тей был бы очень рад этому и решил бы, что его враги – благородные воины.

– Так покажи и ты свое благородство и прикажи своим людям принести камни, из которых мы соорудим могильный холм.

Шошоны так и не смогли до конца понять намерения обоих кровных братьев, но, испытывая искреннее почтение к охотнику и вождю апачей, не стали возражать им.

Оба несчастных, павшие от пуль, были посажены: один – справа, другой – слева от перевала, лицом на северо-восток. В руки им вложили ружья, после чего закрыли их тела камнями. Когда работа была окончена, отряд снова тронулся в путь. Но прежде Виннету сказал белому охотнику:

– Вождь апачей останется здесь, чтобы проследить за прибытием апсарока. И юный сын Охотника на Медведей с ним.

Для Мартина Баумана это доверие было высшей наградой из всех, о которых он мог мечтать. Его сердце переполняли радость и гордость. Итак, они остались на месте, а остальные под предводительством Разящей Руки поскакали дальше.

Рассвело, и отряд двигался теперь значительно быстрее. Временами дорога шла по равнине, но в основном горный проход вел вниз, в глубь нескончаемых ложбин. Через два часа, как и предполагалось, всадники вступили в узкий каньон с высокими, почти отвесными стенами. Ширина скального коридора была такова, что лишь три всадника могли двигаться рядом. Пешком, а тем более верхом подняться на эти стены было просто невозможно.

Проехав немного, Разящая Рука остановил коня, указал рукой в глубь почти прямолинейного каньона и пояснил:

– Если апсарока появятся, мы пропустим их внутрь. Половина из нас скроется в этом месте под руководством Токви-Тея и Виннету, который скоро подойдет вместе с апсарока. Как только я выстрелю из ружья, эти люди появятся за спиной противника. Остальные встанут вместе со мной у выхода из каньона. Враг окажется в ловушке и станет перед выбором: либо погибнуть, либо сдаться.

План Разящей Руки теперь стал ясен всем. Каменный коридор как нельзя лучше подходил для его осуществления.

– Если эти апсарока так глупы, что сами сунут нос в капкан, им стоит попросту задать плетей, – усмехнулся Толстяк Джемми.

– Они, конечно, не бросятся внутрь сломя голову, – заметил Разящая Рука. – Они остановятся и будут держать совет. Главное, чтобы враги не заметили ни малейших следов нашего присутствия. Наши воины должны спрятаться так, чтобы никто не смог их обнаружить. Токви-Тей не только храбрый, но и мудрый воин. Командовать здесь будет он. А когда подойдет Виннету, вы будете руководить вдвоем.

Вождь шошонов был явно польщен этим поручением, хотя как всегда вел себя сдержанно. Вместе с тридцатью своими воинами он остался у входа в каньон и сразу же начал обследовать местность, чтобы принять все необходимые меры предосторожности. Земля в каньоне оказалась такой скалистой, что о замечании следов не стоило беспокоиться,

---

⁵¹ Священные каменоломни – расположенные в Пайпстоне (штат Миннесота) каменоломни, в которых добывался катлинит – красная глина, служившая для изготовления священных трубок мира.

а у выхода из каменного коридора плотной стеной вставал густой лес, такой дремучий, что найти в нем подходящее укрытие не составило никакого труда.

С остальными Разящая Рука быстро проехал каньон. Расщелина была невелика, и, остановившись у выхода, можно было спокойно наблюдать за входом. Там, где проход расширялся, снова образуя широкий перевал, почва оказалась богатой гумусом; тут росли, устремляясь в небеса, гигантские деревья. Между их могучими древними стволами валялись камни и обломки скал.

Разящая Рука поддал жеребцу шенкелей, заставляя его даже пританцовывать, – чтобы следы оставались более четкими и бросающимися в глаза.

– Но, сэр, – подал голос Толстяк, – разве ваш план изменился? Мне кажется, мы собирались остановиться на выходе из ущелья!

– Мы обязательно это сделаем. А пока проедем еще немного и позаботимся о том, чтобы оставить хорошие следы! По правде говоря, меня удивляют ваши вопросы, мастер Джемми. То, что я делаю, по-моему, должно быть понятно.

Он гнал коня еще с четверть часа. Потом вдруг осадил его, повернулся к остальным и спросил:

– Итак, господа, теперь вы поняли, почему я так долго ехал вперед?

– Чтобы запутать апсарока, если они вздумают выслать разведчика, не так ли? – первым подал голос все тот же Джемми.

– Именно так. Апсарока не рискнут двинуться в каньон, прежде чем с помощью разведчиков не убедятся, что впереди все спокойно. Полагаю, что эти разведчики будут ожидать засаду, а посему поведут себя вдвойне осторожно. Нам ни в коем случае нельзя дать себя обнаружить, поэтому мы не станем чинить им препятствий, а терпеливо подождем, пока все они не окажутся в проходе.

– А чем займемся сейчас?

– Пока вернемся к выходу из каньона, но, естественно, не по этим следам. Здесь мы свернем в сторону, в лес. Следуйте за мной!

Склоны боковых стен перевала были не очень крутыми – подняться по ним можно было даже верхом. Разящая Рука так и сделал. Преодолев немалое расстояние, охотник повернул коня обратно, к каньону. Когда он остановился, его группа оказалась над выходом из скального коридора. Теперь, даже верхом, за несколько секунд они могли очутиться внизу и занять оборону у расщелины.

Всадники спешили, привязав животных к деревьям. Сами же расположились на мягком мху. Белые, как всегда, собрались вместе. Лишь Вокаде присоединился к ним, из шошонов же ни один не рискнул присесть рядом.

– И сколько же нам так ждать? – осведомился Толстяк.

– Можно подсчитать достаточно точно, – ответил охотник. – С наступлением дня апсарока станут искать своих двух разведчиков. Пока они узнают, что произошло, пройдет добрых часа два. Придя туда, где мы насыпали два могильных холма, они разберут их и обыщут все вокруг. Будем считать, что на это и на совет, который они обязательно будут держать, уйдет час, а значит, у нас в запасе примерно три часа. Чтобы добраться сюда от места нашего лагеря, нам понадобилось пять часов. Если противник поскачет в том же темпе, что и мы, через восемь часов, если считать от рассвета, они будут здесь. Стало быть, с настоящего момента до их появления у нас осталось еще приблизительно пять часов свободного времени.

– Ого, целая вечность! И чем же мы займемся?

– Что за вопрос! – вмешался Хромой Фрэнк. – Поговорим об искусстве и науке. Это лучшее, что можно сделать. Такие беседы просветляют голову, облагораживают сердце и не только обуздывают темперамент, но и закаляют характер, что весьма необходимо, если

не хочешь порхать по ветру житейских бурь. Ни искусство, ни науку я никогда не дам в обиду! И то и другое – мой ежедневный хлеб, мое начало и мой конец, мой... брр! Несет похлеще, чем от наскоро закиданного камнями трупа! Или... хм!

Он огляделся и заметил Боба. Тот оперся о дерево, под которым как раз и сидел саксонец.

– Прочь отсюда! – вскричал он. – Как можешь ты прислоняться к моему дереву? Или ты думаешь, что я взял свой нос напрокат в лавке маскарадных костюмов? Иди отсюда! Гвоздика, резеда, цветочки незабудки – ничего не имею против. Но сунуть скунса во флакон с нюхательной солью я не пожелаю даже любительнице самых изысканнейших ароматов!

– Массер Боб пахнуть хорошо, очень хорошо! – оправдывался негр. – Массер Боб не вонять. Массер Боб помыться в вода пеплом и жиром медведя. Массер Боб быть славный, элегантный джентльмен!

– Если ты сейчас же не исчезнешь, я пальну в твоё смрадное тело из обоих стволов!

– Иисус, Иисус! Не стрелять, не стрелять! – взмолился негр. – Массер Боб уже уходит, массер Боб сесть далеко отсюда.

Негр поспешил удалиться на приличное расстояние, где, надувшись, сел.

Коротышка-саксонец вновь повторил свое предложение поговорить об искусстве и науке, но Разящая Рука на это ответил ему:

– Мне кажется, мы можем использовать время с большей пользой, ведь мы не спали прошлой ночью, а потому ложитесь, господа, на бочок и попробуйте вздремнуть. А я буду вас охранять.

– Вы? Почему именно вы? Разве вы больше других покачивались в объятьях мосье Орфея! – искренно удивился Фрэнк.

– То есть Морфея⁵², – поправил Джемми.

Фрэнк метнул в сторону последнего уничтожающий взгляд.

– Вы снова тут как тут! – воскликнул он. – Почему же мои фразы никто, кроме вас, не передефинирует?⁵³ Что вы привязались с вашим Морфеем! Я совершенно точно знаю, как это должно называться. Я был членом союза певцов, который назывался «Орфей». Если им удавалось допеть до конца, а это случалось лишь тогда, когда между нотами не было больших пауз, они сами спокойненько засыпали. Такой союз певцов – лучшее средство от бессонниц, потому я и величаю Орфеем все, что касается сна!

– Ладно, покончим с этим! – Толстяк блаженно улыбнулся, растянувшись во мху во весь свой маленький рост. – Я лучше посплю, чем буду щелкать ваши «ученые» орехи.

– Да, такие орешки вам не по зубам. Чем меньше знаешь, тем меньше можешь. Спите, спите, мировая история не потерпит при этом большого урона.

После тщетных попыток найти кого-нибудь, кто стал бы восторгаться его духовным превосходством, Фрэнку ничего другого не оставалось, как тоже поудобнее устроиться и попытаться вздремнуть. Совету Разящей Руки последовали и шошоны, и вскоре заснули все, кроме белого охотника. Даже лошади завалились на бок или свесили головы. Трудно было представить, что всего лишь через несколько часов здесь могла разыгаться кровавая драма.

Разящая Рука спустился по склону, медленно вернулся через каньон обратно ко входу в него и осмотрелся. Он не заметил ни единого следа, по которому можно было бы определить, где прятались Токви-Тей и его люди. Итак, шошоны великолепно подготовились к встрече врага.

---

⁵² Морфей – бог сновидений, сын бога Гипноса. Хромой Фрэнк путает Морфея с Орфеем – мифическим фракийским певцом, изобретателем музыки и стихосложения.

⁵³ Фрэнк, похоже, хотел сказать «не передефинирует».

Теперь Разящая рука вернулся обратно и присел на камень у выхода из расщелины. Опустив голову на грудь, он несколько часов просидел неподвижно, так и не сменив позы. О чем думал знаменитый охотник? Может, о прошлом, о своей бурной жизни? Кто знает...

Вдруг послышался цокот копыт. Разящая Рука встрепенулся, вскочил на ноги и прислушался. Это был Мартин Бауман.

– А где Виннету? – спросил охотник.

– Токви-Тей оставил его у входа, согласно вашему приказу. Я тоже должен вернуться к ним.

– Не возражаю. Похоже, вождь апачей симпатизирует вам. Цените это, мой юный друг! Лучшего друга на вашем Западе не найти! Я сам ему многим обязан.

– Не найти? – в глазах юноши вспыхнули огоньки. – А вы? Вы, кому мы стольким обязаны!

– Ба! Это все пустяки! По совести говоря, это я и виноват в том, что вашего отца взяли в плен. Надеюсь, что вы освободите его и снова увидите целым и невредимым. Но сейчас нам надо поговорить о другом. Вы видели апсарока? Хотя к чему этот вопрос, ведь и так понятно, что вы их видели.

– И так понятно? Откуда? А если они не появились?

– Хотите испытать меня? – охотник улыбнулся. – Если бы они не появились, вас здесь не было бы сейчас. Виннету никогда не покинет своего поста, пока не узнает точно, как ему действовать дальше. А если бы он был уверен, что противник вообще не придет, то сейчас вы были бы все вместе здесь. Итак, сколько апсарока вы насчитали?

– Шестнадцать, а кроме того, две лошади без всадников.

– Значит, я не ошибся. Это лошади убитых.

– Вы были правы: они шли по нашему следу.

– Ладно, скоро им предстоит узнать, на чей след они навались.

– Мы хорошо спрятались под деревьями и позволили им подойти довольно близко, чтобы рассмотреть получше, а потом помчались галопом и намного их опередили. Но еще раньше мы заметили, что среди них выделялся один поистине гигант. Кажется, именно он командовал ими, поскольку скакал чуть впереди остальных.

– Как они вооружены?

– Ружьями.

– Так. А теперь передайте Виннету слово в слово то, что я сейчас скажу. В каньоне только три всадника могут ехать рядом. Поэтому я прошу апача оставить коней. Как только противник исчезнет в каньоне, пусть Виннету и шошоны идут за ними, но пешком.

– А не дадим ли мы сами им преимущества таким действием?

– Нет, наоборот, все карты будут у нас в колоде.

– Но верхом они легко сомнут нас!

– Вы думаете, им это удастся? В то время как апсарока будут иметь возможность воспользоваться лишь тремя лошадьми, мы сможем выставить в одном ряду пятерых пеших. Прделаем это мы следующим образом: первые пять человек просто лягут на землю, а вторые пять станут за ними на колени. Позади них выстроится, пригнувшись, следующая пятерка, а последние пятеро выпрямятся во весь рост. В каждом таком звене будет по двадцать человек, они смогут точно прицелиться, не мешая друг другу. Остальные будут в резерве. Таким образом, все шестнадцать апсарока, если сразу не сдадутся, в один миг получают по сорок пуль спереди и сзади, но, естественно, не сразу. Стрелять будем по очереди, чтобы не тратить зря порох. Стоит принять в расчет и то, что нам придется пристрелить и лошадей без седоков, если те, взбесившись, попытаются вклиниться в наши ряды. Скажите это апачу и добавьте, что вести переговоры с врагом буду я один. В этом я могу положиться только на самого себя. Как думает Виннету, когда они придут?

– Он считает, что у могил они задержатся где-то на час...

– Значит, он того же мнения, что и я.

– И два часа им понадобится, чтобы добраться сюда. Но, поскольку мы оба примчались к вам за полтора часа, можно быть уверенным, что пройдет все же больше часа, прежде чем они появятся здесь.

– Я так и предполагал. Пора готовиться. А сейчас возвращайтесь!

Мартин развернул лошадь и помчался обратно. Разящая Рука поднялся к своим спутникам, которые все еще спали, и разбудил их. Он изложил свой план, посоветовался с ними и определил, что Дэви, Джемми, Фрэнк, Вокаде и один из шошонов будут в первой шеренге, которая ляжет на землю. Остальным он также указал их места и отвел всех вниз, чтобы они немного поупражнялись в предложенном им способе защиты. Самое главное заключалось в том, чтобы проделать все это как можно быстрее. Сам охотник собирался встать между своими людьми и врагом, чтобы иметь возможность вести переговоры. Для этой цели он срезал несколько длинных зеленых веток, которые во всем мире, даже у самих диких народов, используются как знак парламентария.

После нескольких повторов, убедившись, что его люди все прекрасно поняли, белый охотник вместе со всеми вернулся в укрытие.

Теперь время потянулось еще томительнее, чем прежде. Но вот наконец раздался стук конских копыт.

– Похоже, они послали в разведку всего одного человека, – заметил Джемми.

– Тем лучше, – улыбнулся Разящая Рука. – С двумя нам пришлось бы сложнее.

Джемми оказался прав. Появился только один всадник, который медленно выехал из каньона и остановился, чтобы осмотреться. Присутствия врага он нигде не заметил, но зато прямо перед собой увидел уходящие вдаль следы, о четкости которых специально позаботился Разящая Рука. Естественно, разведчик не удовлетворился одним лишь осмотром следов и проехал по ним довольно далеко.

– Черт возьми! – не выдержал Джемми. – Неужели поскачет до того места, где мы свернули с пути!

– В таком случае, к своим он не вернется, – заключил Разящая Рука.

– Вы что, надеетесь проделать это бесшумно?

– А это тогда зачем? – охотник указал на лассо.

– Но вы сможете не только захлестнуть петлю на его шее, но и быстро затянуть ее так, чтобы он не смог вскрикнуть? Это дьявольски трудное дело! Вы уверены, что справитесь, сэр?

– Нет проблем. Вытяните все свои десять пальцев и только скажите, на какой из них набросить лассо. Но отсюда, сверху, нельзя увидеть, как далеко он удалился. Мне придется спуститься. Ведите себя спокойно, а если услышите мой тихий свист, быстро ко мне!

Охотник снял лассо с плеча и, пока соскальзывал по склону, в два счета свил готовую для броска петлю. Оказавшись внизу, он увидел медленно возвращающегося апсарока, который, похоже, так ничего до сих пор и не заподозрил. Охотник нашел даже время, чтобы пробраться за большой обломок скалы и присесть там на корточки. Разведчик неожиданно погнал коня рысью, пулей промчался мимо и исчез за углом узкого каньона.

Разящая Рука подал условный знак, и его люди тотчас оказались возле него. Они принесли ему оба ружья, а также зеленые ветки, которые он оставил наверху, чтобы они не помешали ему во время броска.

Охотник подошел к выходу из каньона и осторожно выглянул из-за угла. Апсарока беспрепятственно достиг конца скального коридора и исчез. Минуту спустя появились остальные его соплеменники, быстро заполнившие узкое пространство расщелины. Разящая Рука позволил им достичь середины ущелья, затем, выхватив револьвер, как и было условлено,

выстрелил из него в воздух. Оглушительное эхо прокатилось по крутым и отвесным стенам и с десятикратной силой ударило по ушам апача и его группы. Воины Токви-Тея мгновенно и бесшумно вошли в каньон позади апсарока, которые пока их не видели. Услышав выстрел, всадники тотчас осадили лошадей. Тут они заметили Разящую Руку и его людей, стоявших у них на пути и уже занявших описанную ранее позицию.

Мартин не ошибся: предводитель враждебных индейцев обладал поистине геркулевой фигурой. На коне он восседал, как могучий бог войны. Широкие кожаные легины по линиям края скреплялись туго сплетенными косицами из скальпов поверженных врагов. Достигавшие стремян штаны были к тому же украшены еще узкими полосами человеческой кожи. Широкую грудь воина прикрывала охотничья куртка из кожи оленя, поверх которой висел настоящий панцирь из чешуеобразных, плотно закрепленных друг над другом черепных дисков, срезанных когда-то вместе со скальпами с голов многочисленных врагов. За поясом, кроме большого охотничьего ножа и томагавка, которые могла сжимать лишь рука настоящего силача, было все необходимое в прерии. Голову гиганта прикрывал череп кугуара⁵⁴, с которого вниз свисали скрученные в веревку длинные и толстые куски кожи. Лицо его было размаковано черной, красной и желтой красками, а в правой руке он держал тяжелое ружье.

Великан сразу смекнул, что направленные на него ружейные стволы несколькими залпами превратят в прах весь его отряд.

– Назад! – прогремел его голос, дошедший, казалось, до самых небес.

При этом он поднял на дыбы своего жеребца и дал ему шенкелей. Его люди проделали то же самое, одним махом ловко развернув животных на задних ногах. Но в тот же миг апсарока увидели группу Виннету и ее ружья, которые были направлены на оказавшихся в западне.

– Вакан шича!⁵⁵ – вскричал в гнев предводитель последних. – Разворачиваемся снова! Там стоит человек и держит в руке Ветвь Мира, а значит, желает говорить. Наши уши услышат, что он хочет сказать.

Суровый предводитель снова резко развернул жеребца и медленно поехал навстречу Разящей Руке. Его люди двинулись за ним. Но проникательный апач не позволил им уйти. Вместе со своими воинами он сейчас же направился следом, и апсарока оказались в еще более тесном кольце.

Разящая Рука не сделал навстречу ни шагу. Гигант-апсарока, остановившись неподалеку, окинул его с головы до ног бесстрашным взглядом и спросил:

– Что нужно здесь бледнолицему? Почему он стоит на пути у меня и моих воинов?

Разящая Рука улыбнулся и ответил:

– А что хочет здесь краснокожий человек? Почему он преследует меня и моих воинов?

– Потому что вы убили двух наших братьев! – апсарока еще больше помрачнел.

– Они пришли к нам как враги и как враги были убиты.

– Откуда ты знаешь, что мы твои враги?

– Потому что вы ищите пропавшие «лекарства»!

– Кто тебе это сказал?

– Об этом нетрудно догадаться: у обоих воинов, которых сразили наши пули, не было их при себе.

– Ты угадал. Я больше не тот, кем был раньше. Вместе с «лекарствами» я потерял и имя. Теперь меня называют Ойт-э-ке-фа-вакон, Храбрец, Ищущий Лекарство. Дай нам пройти, иначе мы убьем вас!

---

⁵⁴ Кугуар, или пума – хищное животное семейства кошачьих, распространенное в Северной и Южной Америке.

⁵⁵ Скверное лекарство! (Примеч. авт.).

– Сдавайтесь, иначе та же участь постигнет вас самих, – спокойно произнес Разящая Рука.

– Твои уста произносят гордые слова. Но способен ли ты на гордые дела?

– Ты можешь узнать это прямо сейчас. Взгляни вперед, а потом – назад! Один мой знак – и десять пуль больше пяти раз подряд ударят по твоему отряду.

– Это не храбрость, а трусость. Бывает, что вонючие койоты убивают исподтишка даже бизонов. Что могли значить твои псы против моих воинов, если бы мои воины не попали в вашу ловушку? Я один перебью половину твоих людей!

И гигант рывком выхватил тяжелый томагавк, угрожающе взмахнув им над головой.

– А я один отправлю в Страну Вечной Охоты весь твой отряд, – снова, не повышая голоса, но очень твердо произнес Разящая Рука.

– Может быть, твое имя Итанка Большая Пасть?

– Я сражаюсь не именем, а рукой.

Глаза апсарока тотчас вспыхнули.

– Ты хочешь сразиться со мной? – прогремел его голос.

– Я не боюсь тебя. Мне просто смешны твои пустые слова!

– Тогда подожди, пока я переговорю с моими воинами! А потом ты узнаешь, болтает Ойт-э-ке-фа-вакон или действует.

Он развернулся к своим и тихо заговорил с теми из них, кто мог слышать его приглушенный голос. Затем он снова обратился к Разящей Руке:

– Ты знаешь, что такое «му-мохва»?

– Да, знаю.

– Хорошо! Нам нужны скальпы врагов, а потому будут бороться четыре человека: ты – со мной, и один твой краснокожий человек – с моим воином! Если победим мы, то всех вас убьем и скальпируем, если вы – возьмете наши скальпы и жизни. Ну как, у тебя хватит мужества на такой договор?

Вопрос был задан с издевкой. Разящая Рука, снова улыбнувшись, ответил:

– Я готов. Положи свою ладонь в мою в знак того, что твои слова имеют вес.

Охотник протянул свою руку. Гигант не ожидал подобного, поэтому подал руку после некоторого колебания. Выражение «му-мохва» заимствовано из языка юта, дословно оно означает «рука у дерева». У многих племен этот вид борьбы считается своего рода Божьим судом. Двух человек привязывают крепкими ремнями за одну руку к древесному стволу, а в другую дают оружие – томагавк или нож, по договоренности. Ремень закрепляется так, чтобы бойцы имели возможность двигаться по кругу вокруг ствола. Поскольку оба должны стоять лицом друг к другу, один из них оказывается привязанным за правую, другой – за левую руку. Тот, у кого свободна правая рука, обычно имеет преимущество. По правилам эта достаточно жестокая борьба продолжается без перерыва и заканчивается только со смертью одного из противников. Но существуют и более мягкие варианты подобных поединков.

Апсарока был убежден: раз он вызвал врагов на единоборство, то он и получил преимущество. На самом же деле все это вершилось только благодаря великодушию Разящей Руки. С другой стороны, вождь апсарока прекрасно понимал, что если он не сдастся, то погибнет вместе со всеми своими людьми, а с помощью «му-мохвы» он надеялся не только выйти из тяжелого положения, но еще и завладеть скальпами врагов, в руки которых так глупо попал. Он был убежден, что превосходит белого во всем. Разумеется, и второго борца он выставил бы под стать самому себе.

– Ты хочешь рискнуть? Великий Дух затмил твой разум! – с видом явного превосходства сказал он белому. – Тебе известно, что по правилам борьба между двумя победителями, если они окажутся от разных групп, должна вестись до самого конца?

Разящая Рука видел индейца насквозь. Всем присутствующим следовало ожидать, что Храбрец, Ищущий Лекарство, должен выйти победителем из первой схватки, и, даже если другой апсарока будет побежден, предводитель убьет своего противника в последнем, решающем поединке. Глядя на огромного разъяренного воина, ничего другого никому и в голову не могло прийти. Но Разящая Рука думал иначе.

– Согласен, – быстро дал он ответ.

Гигант взглянул на него наполовину удивленно, наполовину победно, быстро подал ему руку и произнес:

– Тогда дай свою руку! Ты обещаешь мне, а я обещаю тебе от имени наших воинов, что мы и вы согласны на такие условия. Ни одна из сторон, чьи борцы окажутся побеждены, не имеет права сопротивляться после поединков.

– Я обещаю это. А чтобы у тебя не осталось и крошки сомнений на этот счет, мы раскурим трубку клятвы.

При этом охотник указал на висевшую на шее трубку, украшенную перьями колибри.

– Хорошо, мы выкурим ее, – согласился великан, и по его лицу пробежала презрительная усмешка. – Но трубка клятвы не станет трубкой мира, потому что мы будем бороться, а потом, после борьбы, ваши скальпы украсят наши пояса, а ваши тела будут рвать и жадно пожирать грифы.

– Но прежде посмотрим, сильны ли и дерзки твои кулаки так же, как твои слова, – заметил Разящая Рука.

– Ойт-э-ке-фа-вакон еще никем не был побежден! – гордо вскинул голову апсарока.

– Но он не уберег своих «лекарств». Если его глаза и сегодня окажутся так же «остры», как тогда, у воды, мой скальп останется на месте.

Это было довольно резким, если не сказать бестактным, замечанием, ибо потеря «лекарств» считалась худшим из всего, что могло произойти с индейцем. Рука краснокожего легла на оружие, но Разящая Рука пожал плечами и предупредил его:

– Убери руку! Очень скоро ты сможешь показать свою удаль. А сейчас давайте покинем это место и поищем другое, более подходящее для «му-мохвы». Мои братья приведут лошадей, а апсарока поедут как пленники верхом в середине отряда.

Охотник подал знак Виннету, и апач повел свой отряд туда, где были оставлены кони. Когда они быстро вернулись верхом, люди Разящей Руки сходили за своими животными и привели их. Таким образом, индейцы из племени Воронов вплоть до самого отправления ни на миг не оставались без присмотра – помышлять о побеге им было просто бессмысленно. Теперь их взяли в середину отряда, который тотчас тронулся в путь.

Разящая Рука тихо приказал своим не называть до поры до времени ни его имени, ни имени вождя апачей. Пока апсарока не должны знать, с кем им предстоит бороться. Сейчас они были убеждены, что выйдут победителями из навязанной белыми, как им казалось, схватки, а потому и не собирались возражать против договоренностей.

Толстяк Джемми находился рядом с белым охотником.

– Думайте обо мне, что хотите, сэр, – начал Джемми, – но сейчас вы действовали как мальчишка, хотя и благородный. Вот только благородство в данном случае, пожалуй, излишне.

– Вы так думаете? Неужели вы полагаете, что индеец не имеет понятия о благородстве? Я знавал многих краснокожих, с которых белые могли бы взять пример.

– Возможно. Исключения есть всегда и везде, но этим Воронам нельзя доверять. Они хотят вернуть свои «лекарства» или завладеть новыми, а потому с их стороны не стоит ждать милосердия. А ведь они были уже у нас в руках, не могли двинуться ни вперед, ни назад! Нам так легко было погасить их ярость – не тяжелее, чем задуть едва тлеющие

угольки костра! А теперь вы вынуждены заняться этой проклятой «му-мохвой», и кто знает, от чего вы умрете: от топора этого гиганта или от его ножа!

– Ого! Вас, я вижу, обуревают жажда крови? Не поддавайтесь этому чувству. Оно делает человека слепым и жестоким. Перестрелять индейцев, когда они оказались в ловушке в окружении превосходящего их по численности противника и не имели возможности ни двинуться, ни защищаться – это же позор для вестменов!

– Хм! Вы, конечно, правы. Но разве обязательно было их убивать? Им так и так ничего не оставалось бы, как сдаться, а потому мы могли договориться с ними мирным путем.

– На это они как раз не пошли бы. Все из-за того, что они ищут новые «лекарства». Схватка была бы неизбежной. А поскольку мне и в голову не приходит истреблять людей, имеющих равные со мной права, то я предпочел пойти на соглашение с гигантом, которого знаю.

– Как? Этот парень вам известен?

– Да. Может, вы вспомните мое замечание, которое я сделал, когда мы проезжали мимо скалы Черепахи? Я рассказал, что как-то раз был в лагере вождя апсарока Шунка-шечи. Он тогда поведал мне много историй о собственном племени. При этом он с большой гордостью упомянул о своем знаменитом брате Канте-пете, Огненном Сердце.

– Канте-пета? Знаменитый и великий шаман Воронов?

– Да. Шунка-шеча рассказал мне о подвигах своего брата и описал, как он выглядит. Он представил мне его настоящим великаном! Канте-пета в одной из схваток с сиу-огаллала получил удар томагавком и потерял ухо, а кроме того, был ранен в плечо. А теперь взгляните на этого великана! У него тоже нет левого уха, а его левое плечо, можно смело сказать, когда-то было повреждено.

– Черт возьми! Конечно, если это и совпадение, то слишком уж невероятное! Но тогда я беспокоюсь за вас, сэр. Хотя вы и самый крепкий парень, которого я когда-либо видел, этого Канте-пету тоже до сих пор никто не мог победить. Физически он вас, несомненно, превосходит, хотя я убежден, что в ловкости ему с вами не сравниться. Но когда одну руку привязывают к дереву, все зависит от силы, а не от ловкости, а потому мне кажется, что ставку сегодня надо делать на него.

– Ну, – сказал Разящая Рука с легкой усмешкой, – если вы так печетесь обо мне, есть очень простое средство спасти меня от неминуемой гибели.

– Какое же?

– Вместо меня схватиться с этим Вороном.

– Хо! Такое мне и во сне бы не приснилось! У меня далеко не хрупкие нервы, но сунуться смерти прямо в лапы мне что-то неохота. Эту кашу заварили вы сами, сэр, вам ее и расхлебывать. От всего сердца желаю вам приятного аппетита!

Толстяк на несколько мгновений придержал коня, чтобы еще раз не быть осмеянным. Его место рядом с Разящей Рукой занял Виннету.

– Мой белый брат знает Канте-пету, шамана апсарока? – спросил он.

– Да, – кивнул охотник. – Глаза моего краснокожего брата были так же остры, как и мои.

– У Ворона только одно ухо. Виннету никогда прежде его не видел, но имя «Храбрец, Ищущий Лекарство» не обманет вождя апачей. Я слышал, как мой брат говорил с ним, и я готов к схватке.

– Конечно же, я рассчитывал на вождя апачей, ибо никому другому не хотел бы доверить это дело чести.

– Мой брат убьет большого Ворона?

В отличие от многих, у Виннету не было ни малейшего сомнения на тот счет, что именно Разящая Рука выйдет из этой схватки победителем.

– Нет, – ответил охотник. – Апсарока – враги сиу-огаллала. Если мы пощадим их, они станут нашими союзниками.

– Тогда пусть живет и другой. О Виннету не должны говорить, что его белый брат снисходительнее, чем он.

Всадники удалились от каньона примерно на английскую милю, когда долина внезапно расширилась еще больше. Отряд достиг небольшой, окруженной кольцом холмов прерии, которых в тех местах много. Кругом, насколько хватает взгляда, росла только худосочная трава и редкие кусты – больше ничего. Лишь одно-единственное дерево маячило посреди равнины – довольно высокая липа из тех, что имеют большие, светлые, словно выбеленные листья. Индейцы называют их «му-манга-тусага» – «деревья с белыми листьями».

– Мава!⁵⁶ – произнес предводитель Воронов, указав на дерево.

– Хуг! – Виннету кивнул и направил коня галопом прямо к липе.

Остальные тоже последовали к месту, где должны были состояться поединки.

Напряжение испытывали все, хотя каждый делал вид, будто ничего особенного не происходит. Хладнокровие сохраняли лишь трое – те, кто уже знали, что будут участниками поединков: Виннету, Разящая Рука и Ойт-э-ке-фа-вакон, ибо каждый из них был уверен в своей победе.

Все спешили. Лошадей расседлали, а люди расположились широким кругом. Любой посторонний, оказись он случайно рядом, и не подумал бы, что здесь, друг напротив друга, сидели смертельные враги: оружия у апсарока никто не отбирал – Разящая Рука приказал не делать этого. Он снова поступил по-рыцарски или, как говорят американцы, «по-джентльменски».

Зачерпнув из седельной сумки приличную горсть табаку, охотник снял с шеи трубку и набил ее. Потом вышел в центр круга и произнес:

– Воину не нужно многословие, за него говорят его дела. Мои братья знают, что здесь должно произойти, и мне не нужно говорить об этом. Мы не убили воинов апсарока, хотя их жизни были у нас в руках. Мы пощадим их, чтобы показать, что мы их не боимся и даже согласны бороться один на один безо всяких преимуществ для себя. Они вызвали нас на «му-мохву», и мы приняли их вызов. Сейчас они сидят рядом с нами свободными, держа свое оружие в руках, хотя по сути – они наши пленники. Мы ожидаем, что они, как и мы, не воспользуются коварством и хитростью. В знак того, что они обещают нам это, пусть Вороны выкурят с нами трубку клятвы. Я все сказал, а теперь пусть говорят они.

Белый охотник сел, а Храбрец, Ищущий Лекарство, поднялся во весь свой огромный рост и ответил:

– Белый человек сказал от души. Нам не нужно коварство, ибо мы и так победим! Но он забыл напомнить об условиях борьбы. Участники поединков, – краснокожий сделал небольшую паузу, окинув гордым взглядом присутствующих, – будут привязаны к дереву одной рукой и смогут видеть лица своих противников. В другую руку они получают по ножу. Только этой рукой можно вести борьбу! Только так разрешено сражаться! Но если кто не сможет вдруг больше держать нож, то имеет право защищаться рукой. Кто коснется дерева или упадет на землю спиной или грудью, тот побежден, не важно – жив он или мертв. Кто припадет на колени, может подняться вновь. Сражаться будут четыре человека, по двое от каждой из сторон: я – против этого бледнолицего, а один из моих людей – против любого из ваших красных воинов. Двое оставшихся будут бороться друг с другом, и это решит исход схватки. Спутникам победителя принадлежит жизнь и вся собственность побежденных. И никто из тех, чьей жизни срок истек, не имеет права защищаться! На этих условиях воины апсарока

---

⁵⁶ Там! (Примеч. авт.)

готовы раскурить трубку клятвы. А чтобы борьба была честной и никто не был защищен лучше остальных, все четверо должны бороться с обнаженными торсами. Хуг! Я сказал!

Апсарока сел. Разящая Рука еще раз ступил в круг и объявил:

– Мы согласны со всеми условиями апсарока. А чтобы у побежденных не оставалось оружия, с которым они могли бы противостоять смерти, пусть все они до единого сложат его здесь, на этом месте. Один шошон и один апсарока будут охранять его. А сейчас я зажгу свою трубку мира. Сегодня она станет трубкой клятвы, и пусть облака ее дыма унесут души побежденных в Страну Вечной Охоты! – закончил он на индейский манер.

– Хуг, хуг! – раздалось в кругу, и это означало, что почти все согласны.

Разящая Рука достал панк и зажег табак. Затаившись дымом, он выдохнул его в небо, в землю и в направлении четырех сторон света, после чего передал трубку предводителю апсарока. Тот также сделал шесть затяжек и объявил, что соглашение заверено клятвой и пути назад нет. Потом все по очереди сделали по одной затяжке. По окончании этой церемонии трубку воткнули мундштуком в землю за пределами круга и там же сложили оружие.

Апсарока подошел к дереву, обнажил свой могучий торс и произнес:

– Пора начинать. Прежде чем солнце продвинется по небу на рукоять моего ножа, скальп белой собаки будет висеть на моем поясе!

Теперь воочию можно было убедиться, насколько силен гигант. И он прекрасно понимал, какое производил впечатление: поигрывал узловатыми мышцами и окидывал всех вокруг себя победоносным взглядом. Произошло нечто удивительное. Не кто иной, как Мартин Бауман, юный сын Охотника на Медведей, выскочил вперед и гневно воскликнул:

– Белым вы обязаны жизнью, а называете их собаками! Ты не достоин того, чтобы опытный воин боролся с тобой. Хорошо, вот здесь стоит молодая «белая собака», которая не боится показать тебе клыки, хоть ты и сильнейший воин своего племени. Прежде чем солнце продвинется так далеко, как ты говоришь, «собака» разорвет в клочья кожу большеклювого каркающего Ворона!

Его щеки залило румянцем, глаза блестели. Одним движением Мартин сбросил с себя охотничью куртку.

Восхищенное «уфф, уфф!» прокатилось по кругу.

Юноша был здесь самым молодым из всех, и его неожиданная дерзость поразила всех.

– Де мечих!⁵⁷ – вырвалось даже у гиганта-апсарока.

– Вот это по-мужски! – одобрил Разящая Рука. – Такое вам непременно зачтется, мой юный друг. Но вы же знаете, что вызвали на поединок меня, а потому я попрошу предоставить мне возможность доказать, что «белая собака» не поджимает хвост перед Вороном.

– Он вообще не стоит того, чтобы такой человек, как вы, боролся с ним, – не сдавался Мартин. – А если вы думаете, что меня напугал этот великан, то вспомните о том, сколько гризли пало от моей руки!

– Вижу, что вы в самом деле готовы на все, но ограничьтесь пока тем, что мы восхищены вашим мужеством. Поймите, меня сочтут трусом, если я соглашусь на такую замену.

– Спорить, конечно, не стану, а потому подчиняюсь вашей воле, но я не смирюсь с тем, чтобы меня называли «собакой»!

Парень снова надел куртку и отступил в толпу. Великан подал знак одному из своих. Тот вышел вперед, оголил свой торс и сказал:

– Здесь стоит Макин-о-пункре, Раскатистый Гром. Он сделал себе щит из кожи врагов. Больше чем четыре раза по десять скальпов отнял он в битвах! Кто рискнет предстать перед его ножом?

---

⁵⁷ Он – храбрец! (Примеч. авт.)

– Я, Вокаде, заставлю этот Гром замолчать! Я не прославил себя скальпами, но убил белого бизона, а сегодня мой пояс украсит первый кусок кожи с головы врага! Кто из воинов боится грома? Он лишь трусливый отзвук молнии, и больше ничего, потому что поднимает свой голос лишь тогда, когда опасность миновала!

– Уфф, уфф! – снова зазвучало вокруг, когда юный индеец выступил вперед.

– Ступай назад! – зло усмехнулся Раскатистый Гром. – Я не сражаюсь с детьми. Одно только мое дыхание может убить тебя. Ляг в траву, и пусть тебе приснится твоя мать, которая еще не перестала кормить тебя каммас!

Есть так называемые индейцы-копатели, презираемые всеми другими краснокожими; они бродят в пустынных местах, где влачат жалкое существование в поисках луковичеобразных корней, которые в полусгнившем состоянии используются ими для приготовления начинки для тошнотворнейших пирогов, известных как «пироги-каммас». Даже собаки брезгуют прикоснуться к такому блюду. Словом, упоминание о «каммас» было оскорблением для храброго Вокаде.

Прежде чем тот смог ответить, вперед вышел Виннету. Он знаком призвал юного индейца к молчанию, и Вокаде из уважения к знаменитому вождю обуздал свой гнев. Апач произнес:

– Участь обоих апсарока уже решена. Кто вызвался сражаться? Два мальчика, в которых мы уверены, ибо они уже побеждали и белого бизона, и серого медведя, а уж двух Воронов они задушат просто голыми руками. Но если считать, что Вороны – славные воины, то им надлежит бороться с мужчинами! А Раскатистый Гром гремит сейчас в последний раз.

Названный пришел в ярость и заорал:

– Кто ты, что смеешь произносить такие слова? У тебя есть имя? В твоей одежде не видно ни одного волоса врага! Если ты умеешь лишь играть на джотунке (флейте), то иди играй, но к ножу лучше не прикасайся, а то порежешься!

– Мое имя услышит твоя душа, когда покинет тело. А потом она завоюет от страха и не рискнет даже появиться на Ниве Охоты Умерших! Она будет прятаться в ущельях гор и от страха скулить и рыдать вместе с ветром!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.